VIMBO

РОБЕРТ ШЕКЛИ

ОБМЕН РАЗУМОВ

Обмен разумов
Роберт Шекли

Аннотация
Роберт Шекли. Обмен разумов
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
  История Эйджелера Фруса
Глава 6
Глава 7
  СКАНДАЛ С ОР!
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Некоторые пояснения относительно Кривомира
Глава 32
Глава 33

Аннотация

В далеком-далеком будущем космические путешествия остаются развлечением не из дешевых, доступным лишь избранным. Вот, например, Марвин Флинн, обыкновенный студент из американской глубинки. Он давно мечтает побывать в космосе, но в карманах свистит ветер и отправиться за пределы Земли ему не светит. Не желая отказываться от заветной мечты о Марсе, он записывается на более бюджетную, экспериментальную программу и меняется сознанием с марсианином. Идея, на первый взгляд, кажется идеальной: полное погружение в инопланетную среду без астрономических затрат на билеты. Вот только есть нюанс: выбрать, с кем обменяться, нельзя. К несчастью, Марвин оказывается в теле межгалактического преступника Зе Краггаша. Ситуация выходит из-под контроля: оказывается, что остаться в данном теле ему нельзя, а в человеческое уже не вернуться – Краггаш похитил его и скрылся. У нашего героя есть всего несколько часов, чтобы найти выход, иначе обе его жизни – и

марсианская, и земная— оборвутся навсегда.

Этот роман – уникальное сочетание философии и абсурда. Роберт Шекли виртуозно соединяет пародийные элементы с экзистенциальными размышлениями, игру слов с научными терминами, а отсылки к попкультуре и историческим событиям искусно вплетает в канву классической научной фантастики.

«Я всю жизнь старался быть не слишком серьезным. Я не считаю себя политическим мыслителем и пытаюсь все доносить до читателей в легкой, неназойливой форме. Ирония – это мой стиль. Я не выбирал иронию, как природную основу своего мышления, так вышло. Мне кажется, людям интереснее насмешка, а не поучение, занимательная история, а не многословное рассуждение. Если же то, что я говорю, остается непонятым или понятым не до конца, если люди просто читают забавную историю и при этом отдыхают, меня это вполне устраивает», – *Роберт Шекли.*

Роберт Шекли
Обмен разумов

Иллюстрация: Алла Белова
Перевод: Г. Л. Корчагин
© ООО «Вимбо»
Robert Sheckley
Mindswap
© 2025 by The Estate of Robert Sheckley
All rights reserved
Публикуется с разрешения автора при содействии Игоря Корженевского из агентства Александра Корженевского
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

* * *

Посвящается Полу Квитни

Глава 1

Однажды Марвин Флинн раскрыл «Стэнхоуп газетт» и в разделе рекламы прочел:

Марсианский джентльмен, 43 года, спокойный, любознательный, культурный, желает обменяться телами с земным джентльменом, обладающим схожими наклонностями. 1 августа — 1 сентября. Посредникам гарантирована комиссия.

От этого вполне заурядного объявления сердце у Флинна забилось чаще. Обменяться телами с марсианином… Какая заманчивая идея — и какая отталкивающая! Правда же, кому охота поселиться в голове у старого марсианского пескороя, двигать его руками и ногами, смотреть его глазами и слушать его ушами?

Но разве эти неудобства не стоят того, чтобы Марвин Флинн познал Марс? Причем самым правильным, самым естественным способом: с помощью органов чувств туземца?

У каждого свое хобби. Одному нравится коллекционировать картины, другому — книги, третьему — женщин. Марвин же предпочитал постигать сущность мироздания, путешествуя

по нему.

Увы, эта страсть, самая важная в его жизни, оставалась неутоленной. Стэнхоуп, где он родился и вырос, в плане физическом лежал под боком у Нью-Йорка, в каких-то трехстах милях. В плане же духовном и эмоциональном эти города были разделены целым столетием.

Милая сердцу картина, буколика как она есть: утопающая в садах россыпь домиков между отрогами хребта Адирондак, покатые зеленые луга в бурых крапинах коровьих стад. За свои старинные обычаи Стэнхоуп держался мертвой хваткой; его радушие сочеталось с неуживчивостью. Равняться с вздымавшимся южнее бездушным мегаполисом городок категорически не желал. Линия метро «Бродвей — Седьмая авеню» дошла аж до Кингстона на севере штата, гигантские автострады извилистыми щупальцами протянулись по сельской местности, но окаймленная вязами стэнхоупская Мейн-стрит сохранилась в неприкосновенности. Другие общины обзавелись шахтами для запуска ракет; жителей же Стэнхоупа вполне устраивал их допотопный аэродром, где трижды в неделю садился или взлетал самолет. Нередко Марвин, лежа в кровати без сна, слушал этот стон реактивного лайнера

— одинокий, тоскливый голос уходящей сельской Америки.

Стэнхоуп был вполне доволен собой, а весь остальной мир, похоже, был доволен Стэнхоупом — и согласен оставить его в плену у романтической мечты о вековечном пребывании в томной неге.

Такое положение вещей не устраивало только Марвина Флинна.

Он поездил по обычным туристическим маршрутам и повидал доступные для всех красоты. Как и любой обыватель, провел немало уик-эндов в европейских столицах. С аквалангом исследовал затонувший город Майами, поглазел на лондонские Висячие сады, в Хайфе помолился в бахаистском храме. Полноценные отпуска Марвин тратил на более серьезные путешествия: совершил пеший поход на Землю Мэри Берд, пересек южную часть дождевого леса в Итури, на верблюде проехал через весь Синьцзян и даже прожил несколько недель в Лхасе, мировой столице искусств.

Но ведь это самые типичные вояжи для людей его возраста и положения. Обыкновенный туристический ассортимент, заурядное времяпрепровождение любого отпускника. Для

Марвина такие развлечения ничего не значили. Нет бы радоваться тому, что есть, — какое там, он тосковал о недоступном. Он мечтал о настоящих приключениях, а настоящие приключения можно найти только на других планетах.

Кто-нибудь спросит: «Да что же тут недоступного?» Однако Флинн за всю свою жизнь не побывал даже на Луне. Все и всегда упиралось в экономику. Межпланетный полет — удовольствие не из дешевых; кроме богачей, в космосе путешествуют колонисты и администраторы. Среднестатистический же обыватель даже помышлять о нем не смеет.

Единственная лазейка — предоставить свой разум для обмена.

Флинн с его врожденным провинциальным консерватизмом, естественно, не решался на этот столь же логичный, сколь и пугающий шаг. До сего дня.

Марвин очень старался примириться и с судьбой, и с теми вполне приемлемыми жизненными условиями, которыми судьба его обеспечила. Как ни крути, грех жаловаться: он свободен и весел, ему тридцать один (ну ладно, тридцать один с хвостиком), внешностью бог не обидел: рослый, широкоплечий молодец с аккуратно подстри-

женными черными усиками и добрыми карими глазами. И со здоровьем порядок, и с умом, и с общительностью. Противоположный пол его не чурается.

Образование Марвин получил стандартное: начальная школа, потом средняя, потом двенадцать лет колледжа и еще четыре года на курсах усовершенствования. В корпорацию «Рейк-Петерс» пришел работать отлично подготовленный оператор флюороскопа. Там он контролировал качество изготовления пластмассовых игрушек, выявлял зависимость прочности от напряжений, анализировал микропористость при усадке, усталостную прочность и тому подобное. Может, это и не самая важная профессия на свете, но не всем же быть королями или космическими пилотами. Безусловно, Марвину досталась очень ответственная должность, если учесть крайне важное предназначение игрушек в современном мире — утолять детскую страсть к разрушению.

Все это Марвин прекрасно понимал, и тем не менее неудовлетворенность жизнью не давала ему покоя. Он даже обратился к ближайшему психологу. Сей любезный джентльмен пытался помочь Марвину посредством Ситуативно-Факторного Анализа, но клиент не оправдал

его трудов и не образумился. Флинну хотелось путешествовать, а не разбираться со всей объективностью в скрытых причинах этой тяги, и ни на какие заменители он бы не согласился.

И вот он читает это объявление, при всей своей будничности вызывающее дрожь азарта, похожее на тысячи других — но уникальное, поскольку оно попалось на глаза не кому-нибудь, а ему, Марвину Флинну. Читает — и чувствует, как к горлу подкатывает непривычный комок.

Обменяться телами с марсианином… Побывать на Марсе, посетить Нору Песчаного Короля, попутешествовать в великолепном сиянии Разлома, послушать хроматические гаммы песков Великого Сухого моря…

Ему и раньше грезились странствия в иных мирах. Но теперь, возможно, и впрямь появился шанс…

Непонятный комок в горле спорил с назревающим решением. Марвину хватило благоразумия удержать мечту в узде. Он надел вязаную шапочку и отправился в центр города, в «Стэнхоупскую аптеку».

Глава 2

Своего лучшего друга Марвин, как и ожидал, увидел возле лимонадной стойки — расположившись на высоком табурете, Билли Хейк потягивал слабый галлюциноген под названием ЛСД-фраппем.

— Как тебе утрец, малец? — обратился Хейк к Марвину на популярном в то время сленге.

— Яснец, бодрец, мне по нутрец, — последовал надлежащий ответ.

– Ti viniste ot te eet?[1] *— В этом году записные остряки открыли для себя африкаанс-испанский пиджин.*

— Ja, teneer[2].

Ответ прозвучал несколько суховато, что вполне объяснимо: Марвин не был расположен к беседе о пустяках.

Уловив нотку неудовлетворенности, Билли вопросительно приподнял бровь, отложил комиксы по мотивам Джеймса Джойса, бросил в

---

[1] Примечания: 1
Зашел подкрепиться?

[2] Примечания: 2
Да, господин.

рот капсулу едкодыма, раскусил, выдохнул пахучую зелень и наконец задал вопрос по форме грубоватый, но по сути вполне сердечный:

— Из-за чего киснешь?

Марвин устроился на табурете рядом с Билли. На душе было муторно, однако откровенничать с легкомысленным другом не тянуло. Он поднял руки и продолжил разговор на жестовом языке равнинных индейцев. Интеллектуальная молодежь все еще пребывала под впечатлением от прошлогодней сенсации — «Дакотских диалогов», снятых компанией «Прожектоскоп», с Бьорном Ракрадишем в роли Неистового Коня и Миловаром Славовивовицем в роли Красного Облака; персонажи там общались исключительно с помощью жестов.

Марвин полуиронично-полусерьезно изобразил разбитое сердце, бредущего по прерии коня, солнце, которое не греет, луну, которой никак не взойти.

Его прервал мистер Бигелоу, хозяин «Стэнхоупской аптеки». Семьдесят четыре года — возраст средний; мистер Бигелоу уже обзавелся заметным брюшком и залысинами, но так и не избавился от мальчишеских манер.

— Haai meneer, — обратился он к Марвину, — *wil*

jy tomar betroubare medisyne para levantar el ánimo in forma de ein skoboldash sundae?[3]

Мистеру Бигелоу, как и вообще его поколению, было свойственно злоупотреблять молодежным жаргоном, каковой от этого напрочь лишался комического эффекта — за исключением тех случаев, когда употреблялся невпопад.

— Schnell[4]*, — охладила энтузиазм аптекаря бездумная юношеская развязность.*

— Еще чего! — обиделся мистер Бигелоу и удалился жеманной походкой, перенятой у героев телесериала «Имитация жизни».

Билли не на шутку озадачило душевное смятение собеседника. Он был почти взрослый — тридцати четырех лет, на год старше Марвина. Работал контролером двадцать третьей сборочной линии на упаковочной фабрике Питерсона — хорошая должность. От подростковых привычек, конечно же, не отказывался, но понимал, что возраст налагает на человека определенные обязанности. В данном случае эти обязанности

---

[3] Примечания: 3

Приблизительный перевод: «Эй, господин, не желаете ли принять надежное средство для поднятия настроения, в виде сандея „скобольдаш“?»

[4] Примечания: 4

Быстро *(нем.)*.

требовали превозмочь стеснительность и щепетильность и поговорить со старым другом начистоту.

— Марвин, что тебя гложет?

Друг пожал плечами, дернул краем рта и, сам того не замечая, забарабанил пальцами по столу.

— Oiga, hombre, ein Kleinnachtmusik es demasiado, nicht wahr? The Todt you ruve to touch…[5]

— Давай без этого, — потребовал Билли с холодным достоинством не мальчика, но мужа.

— Извини, — перешел на нормальную речь Марвин. — Просто я… Эх, Билли, ты бы знал, как мне хочется путешествовать!

Билли кивнул — одержимость друга не была для него тайной.

— Понимаю, — сказал он. — Меня тоже тянет.

— Но не так зверски, как меня. Кажется, я скоро свихнусь от этого зуда!

Прибыл заказ. Марвин даже не взглянул на десерт «скобольдаш», изливая душу другу детства.

---

[5] Примечания: 5

Слушай, парень, маленькая ночная серенада — это уже слишком, не находишь? Со смертью лучше не шутить…

— Mira[6], Билли, у меня нервы натянуты, как пластмассовому пружинному тросику не снилось. Мне грезятся и близкие Марс с Венерой, и далекие Альдебаран с Антаресом… Как ни стараюсь, не могу выбросить их из головы. Говорящий океан на Проционе-Четыре, Аллуа-Два с ее трехполыми гоминоидами… Да я просто жить не смогу, если не увижу эти места воочию.

— Понимаю, — сказал друг. — Я тоже не прочь на них взглянуть.

— Нет, ты не понимаешь, — вздохнул Марвин. — Взглянуть — это слишком мало. Все гораздо хуже… Я имею в виду, что не смогу прожить остаток жизни в Стэнхоупе, хотя здесь очень мило, и у меня отличная работа, и я встречаюсь с guapa[7] девушками… Но черт побери, нельзя же мне просто жениться на одной из них и наплодить детей… В жизни должно быть что-то еще!

И тут речь Марвина, как бывает с взволнованными юношами, утратила связность. Но в диком потоке слов угадывались истинные чувства, и друг согласно покивал.

---

[6] Примечания: 6
Послушай *(исп.).*

[7] Примечания: 7
Прелестными *(исп.).*

— Марвин, — мягко произнес он, — я тебя услышал и понял, не сомневайся. Но разве ты не в курсе, что межпланетный полет стоит целого состояния? А межзвездный — это ж вообще никаких денег не хватит. Невозможно, и точка.

— Все возможно, — твердо возразил Марвин, — если воспользоваться Обменом Разумов.

Друг был так сильно потрясен, что не удержался от восклицаний:

— Марвин! Ты же это не всерьез!

— Еще как всерьез, — ответил Марвин. — Клянусь Christo malherido[8], я отправлюсь в космос.

Это шокировало обоих. Марвин почти не употреблял крепких выражений, и теперь, услышав такое, пусть и зашифрованное, Билли понял, как сильно разволновался его друг. Флинн же, сказав то, что сказал, почувствовал: решение уже принято. Окончательно и бесповоротно. И теперь не так уж страшно думать о том, каким будет следующий шаг.

— Обмен Разумов! — осуждающе покачал головой Билли. — Это же так омерзительно!

— Каждый cabryn[9] понимает в меру своей

---

[8] Примечания: 8
Ранами Христовыми *(исп.).*

[9] Примечания: 9
Урод *(исп.).*

испорченности.

— Нет, кроме шуток, неужели ты готов поселить у себя в черепушке старого марсианского пескороя? Чтобы он двигал твоими руками и ногами, смотрел твоими глазами, ощупывал тебя, а может, даже…

Марвин решил не дожидаться, когда Билли скажет какую-нибудь гадость.

— Requerda que[10] *одновременно я буду находиться на Марсе, в его теле, создавая ему точно такой же нравственный дискомфорт.*

— У марсиан не бывает нравственного дискомфорта, — возразил Билли.

— Ты заблуждаешься, — возразил Марвин.

Он был моложе годами, но во многих отношениях взрослее, чем его друг. Делал успехи в изучении сравнительной межзвездной этики. А мощная тяга к путешествиям одолевала в нем провинциальную косность, и он, в отличие от Билли, не имел предрассудков насчет инопланетных существ и их образа жизни. В двенадцатилетнем возрасте, едва научившись читать, Марвин заинтересовался нравами и обычаями населяющих Галактику многочисленных и разнообразных

---

[10] Примечания: 10
Не забывай, что… *(исп.)*

рас. Причем всегда старался представить себя на месте обитателя далекого космоса, увидеть мир его глазами, понять движущие им мотивы в рамках его уникальной психологии.

Более того, тестируясь на эмпатию по проективной методике, Марвин набрал девяносто пять баллов из ста, тем самым доказав свою пригодность к успешному общению с инопланетянами. Словом, был готов к путешествиям, насколько это возможно для молодого землянина, никогда не покидавшего свой родной захолустный городок.

Позднее в тот же день, уединившись у себя в мансардной комнате, Марвин раскрыл энциклопедию. Подаренная родителями на девятый день рождения, она стала ему верной подругой и спутницей. Он настроил книгу: уровень восприятия — «просто», скорость сканирования — «быстро». Ввел вопросы и подождал, откинувшись в кресле, пока отмигают свое красные и зеленые лампочки.

— Здорово, карапузики, — сочным радостным голосом заговорило устройство. — А не поболтать ли нам нынче об Обмене Разумов?

Последовавший за этим исторический раздел Марвин слушал вполуха. А вот то, что зазвучало

далее, вызвало живейший интерес.

— Давайте ради простоты считать разум явлением электрической или даже субэлектрической природы. Вы, надеюсь, запомнили из наших прежних бесед, что разум, по мнению ученых дяденек, зарождался как проекция наших физиологических процессов, эволюционировав затем в квазисамостоятельную сущность. Смекаете, сявки, к чему я клоню? Да к тому, что у каждого из вас в голове обитает ма-асенький такой человечек, который сам себе голова. — Устройство сдержанно посмеялось собственному каламбуру. — Впрочем, не совсем так — не забываем про «квази». И что же, малышня, это нам дает? А дает это нам симбиотические отношения, взаимовыгодное партнерство ума и тела, даром что мистер Разум склонен к определенного рода паразитизму. В то же время каждый из партнеров — теоретически — способен обойтись без другого. По крайней мере, так полагают ученые дяди.

Следующий фрагмент Марвин пропустил.

— …Теперь о проецировании разума… Вот что, мелочь пузатая, давайте представим, как мы бросаем мячик…

— …Психическое в физическое и обратно. В конце концов, это взаимопереходящие формы,

точь-в-точь как материя и энергия. Конечно же, детишки, нам еще только предстоит открыть...

— ...Разумеется, пока что мы располагаем лишь прагматическими знаниями об этом предмете. Но в данной ситуации можно для удобства принять концепцию Агглютинативной Реформы Ван-Вурхиза и предложенную Лагосским университетом Теорию Относительных Абсолютов. Спору нет, это всего лишь научные предположения, они ставят больше вопросов, чем дают ответов...

— ...И появиться все эти работы могли только благодаря удивительному отсутствию иммуноформной реакции...

— ...На практике же при Обмене Разумов применяются механогипнотические приемы, такие как принудительная релаксация и точечная фиксация; такие как использование позитивирующих сознание веществ, например вильямита; такие как фокусировка и усиление луча...

— ...Программирование обратной связи...

— ...Конечно же, освоив эту методику, вы сможете осуществлять Обмен без помощи технических средств. Как правило, достаточно сосредоточиться на зрительном образе...

Выключив энциклопедию, Марвин погрузился в раздумья. Ему грезился космос с бесчисленными планетами и их диковинными обитателями. Обмен Разумов — как же много он сулит! «Уже завтра я могу очутиться на Марсе… Уже завтра я могу стать марсианином…»

Взвившись на ноги, он заколотил левой ладонью по правому кулаку:

— Да будь я проклят, если этого не сделаю!

Принятое решение, точно чудная алхимия, вмиг изменило его. Не теряя времени, Марвин уложил вещи в чемоданчик, оставил родителям записку и улетел на реактивном лайнере в Нью-Йорк.

Глава 3

Сразу по прибытии Марвин направился в «Телесную брокерскую фирму Отиса, Блэндерса и Клента». Там посетителя принял у себя в кабинете мистер Блэндерс, полноправный партнер, — высокий, атлетического сложения, в расцвете лет, каковых ему набежало шестьдесят три. Марвин сообщил этому человеку о своем намерении.

— Ну да, совершенно верно, — подтвердил мистер Блэндерс. — Давали мы в прошлую пятницу такое объявление. Марсианского джентльмена зовут Зе Краггаш, у него самые лучшие рекомендации от ректоров университета Восточного Скерна.

— Как он выглядит? — поинтересовался Марвин.

— Посмотрите сами, — протянул фотоснимок мистер Блэндерс.

Марвин увидел существо с бочкообразной грудью, ножками-прутиками, руками чуть потолще и крошечной головой с чрезвычайно длинным носом. Стоя в грязи по колено, Краггаш кому-

то махал. На нижнем поле было напечатано: «Сувенир с Грязевого Рая. Круглогодичный марсианский курорт, самое сырое место на планете».

— Просто красавчик, — прокомментировал мистер Блэндерс.

Марвин кивнул, хотя для него Краггаш ничем не отличался от прочих марсиан.

— Он живет в Уагомстамке, — продолжал Блэндерс, — на краю Исчезающей пустыни. Это Новый Южный Марс — чрезвычайно популярный у туристов край. Да вы, наверное, в курсе. Подобно вам, мистер Краггаш страстный путешественник. Он тоже изъявил желание найти подходящее тело-носитель. Сей джентльмен полностью полагается на наш выбор, при единственном условии, что у носителя не будет проблем с психическим и физическим здоровьем.

— Не сочтите за хвастовство, — сказал Марвин, — но на здоровье я никогда не жаловался.

— Я это понял с первого взгляда, — улыбнулся мистер Блэндерс. — У меня тридцать лет практики — достаточный срок, чтобы обзавестись безошибочным чутьем, или, если угодно, интуицией. Полагаясь исключительно на это чутье, я отказал уже трем претендентам на данный Обмен.

В словах мистера Блэндерса звучала такая гордость, что Марвин счел нужным спросить:

— В самом деле?

— О да! Ах, если б вы знали, как часто я вынужден отсеивать непригодных! К нам обращаются и невропаты в поиске непристойных и незаконных развлечений, и преступники, стремящиеся выйти из местного правового поля, и психически неуравновешенные существа, пытающиеся бежать от своих душевных проблем… Кого только не приходится отбраковывать!

— Надеюсь не попасть ни в одну из перечисленных вами категорий, — смущенно хихикнул Марвин.

— Вам не о чем беспокоиться, — уверил мистер Блэндерс. — Я вижу перед собой совершенно нормального молодого человека, пожалуй даже чересчур нормального, если такое возможно. Просто вы помешались на путешествиях, что вполне оправдывается вашим возрастом. Это романтическая страсть сродни любви, или мечте повоевать за идеалы, или желанию постичь реальный мир, или еще каким-нибудь юношеским стремлениям. Природный ум привел вас сюда или воля случая — без разницы. Важно лишь то, что вам исключительно повезло, ведь мы самая

старая и наиболее надежная брокерская фирма, занимающаяся Обменом Разумов, не чета недобросовестным конкурентам или, уж простите за неприличное выражение, Открытому Рынку.

Об Открытом Рынке Марвин почти ничего не знал, но от вопроса удержался, дабы не выдать невежества.

— Чтобы мы могли выполнить вашу просьбу, необходимо соблюсти кое-какие формальности.

— Формальности? — переспросил Марвин.

— Они самые. Первым делом вы пройдете полное обследование — мы узнаем текущее состояние вашего физического, психического и нравственного здоровья. Это совершенно необходимая процедура, поскольку Обмен осуществляется на равной основе. Вряд ли вы придете в восторг, очутившись в теле марсианина, умирающего от песчаной язвы или тоннельного синдрома. Точно так же будет огорчен и марсианин, если мы ему подсунем рахитика или параноика. Согласно лицензии на осуществление нашей деятельности, мы обязаны получить максимально полную информацию о телесном и душевном здоровье участников Обмена. И если чье-то реальное состояние здоровья не соответствует заявленному, участники непременно узнают об этом от нас.

— Понятно, — сказал Марвин. — И что потом?

— Вы и марсианский джентльмен подпишете двустороннее обязательство о равном возмездии. Оно подразумевает, что любой вред, причиненный телу носителя умышленно или случайно или даже по воле Божьей, будет, во-первых, компенсирован в той мере, которая предусмотрена межзвездной конвенцией, а во-вторых, аналогичный ущерб будет нанесен вашему собственному телу в соответствии с lex talionis.

— А что это такое? — спросил Марвин.

— Око за око, зуб за зуб, — объяснил мистер Блэндерс. — На самом деле все достаточно просто. Предположим, что вы, находясь в теле марсианина, в последний день пребывания ломаете ногу. Само собой, вы какое-то время вынуждены терпеть боль — но не дальнейшие последствия травмы. Этих последствий вы избежите, вернувшись в собственное невредимое тело. Разве это справедливо? Разве вы не обязаны расплатиться за увечье, полученное носителем по вашей вине? Почему кто-то должен страдать из-за чужой оплошности? Межзвездный закон справедливо требует, чтобы вам, перенесшемуся в родное тело, сломали ногу — конечно же, наиболее научным и наименее болезненным способом.

— Даже если первая нога была сломана не нарочно?

— Если не нарочно — тем более! Подсчитано, что двустороннее обязательство о равном возмездии значительно сократило количество несчастных случаев.

— Как-то рискованно все это выглядит, не находите? — проворчал Марвин.

— Любое действие содержит в себе элемент риска, — ответил мистер Блэндин. — Но риск, сопряженный с Обменом, статистически ничтожен — при условии, что вы будете держаться подальше от Кривомира.

— Кривомир? — переспросил Марвин. — Не скажу, что много знаю о нем.

— А кто знает много? — хмыкнул мистер Блэндерс. — Потому-то и следует его сторониться. Разве это не логично?

— Пожалуй, — согласился Марвин. — Что-нибудь еще?

— Ничего такого, что следовало бы обсудить. Осталось только подписать бумаги — отказы от особых прав, привилегий и тому подобного. И конечно же, я обязан огласить стандартное предостережение относительно метафорической деформации.

— Ладно, — кивнул Марвин, — я не прочь послушать.

— А я его уже огласил, — сказал мистер Блэндерс. — Но охотно повторю. Остерегайтесь метафорической деформации!

— Да я бы и рад, — вздохнул Марвин, — но не знаю, что это за диво.

— На самом деле очень простая штука. Можно ее считать разновидностью ситуационного безумия. Дело в том, что наша способность к восприятию необычного имеет предел, который достигается очень быстро, когда мы путешествуем по чужим планетам. Слишком много новизны. Для мозга это сущая пытка, ему необходима разгрузка, и тут на помощь приходит буферирующий процесс аналогизирования. Аналогия убеждает нас, что вот это похоже вот на это. Она создает мостик между знакомым-понятным и незнакомым-непонятным. Она протягивает ниточку от известного к неизвестному, наполняя невыносимо неизвестное желанной знакомостью. Но мощный непрекращающийся натиск неизвестного способен ослабить даже способность к аналогизированию. Когда нормальный процесс концептуального аналогизирования не справляется с потоком новых данных, субъект становится

жертвой аналогизирования перцептуального. Такой процесс мы и называем метафорической деформацией. Еще он известен как пансизм. Теперь понятно?

— Нет, — покачал головой Марвин. — А почему пансизм?

— Ответ содержится в названии, — сказал мистер Блэндерс. — Дон Кихот верил, что ветряная мельница — это великан, а Панса считал, что великан — это ветряная мельница. Кихотизм — это, в сущности, восприятие обыденного как экстраординарного. Его обратная сторона — пансизм, восприятие экстраординарного как обыденного.

— То есть, по-вашему, — спросил Марвин, — если я вижу перед собой корову, на самом деле это может быть альтаирец?

— Именно так, — подтвердил Блэндерс. — Когда примеряешь такие вещи к себе, они достаточно просты. Подпишитесь здесь и здесь, и приступим к проверке.

За этим последовала уйма тестов. Флинн отвечал на бесчисленные вопросы, его ощупывали и зондировали, ему светили в лицо лампами-вспышками; в его уши вторгались резкие звуки, а в ноздри — непривычные запахи. Он все выдержал, показав отличные результаты. И спустя

часы его препроводили в Пересыльную комнату, чтобы усадить на стул, до жути схожий с антикварным электрическим. Техники отпускали традиционные шуточки, например: «Когда проснетесь, почувствуете себя другим человеком». Освещаемый стробоскопическими лампами, он зевал, задремывал, засыпал…

Его воодушевляла близость путешествия и одновременно страшило собственное неведение о Вселенной, лежащей за пределами Стэнхоупа. Что это за Открытый Рынок, о котором упомянул мистер Блэндерс? И где находится Кривомир? И почему необходимо держаться от него подальше? И наконец, насколько опасна метафорическая деформация, как часто она случается и насколько тяжелы ее последствия?

Скоро он получит ответы на эти вопросы, а заодно и на многие другие, до которых еще не додумался.

От резкого света болели глаза, и Марвин на миг зажмурился. Когда же разлепил веки, вокруг все было иным.

Глава 4

Марсианин — одно из самых необычных существ во Вселенной, даром что обладает двуногим скелетом. Если на то пошло, в отношении чувственного восприятия альдебаранский кви куда ближе к нам, хотя у него два мозга и конечности весьма специфического назначения.

А следовательно, прямой, без всякой адаптации перенос земного разума в марсианское тело нешуточно сбивает с панталыку.

Впрочем, какая тут может быть адаптация?

Марвин Флинн очутился в комнате с приятным для взора убранством и единственным окном, за которым марсианскими глазами он увидел марсианский же ландшафт.

Он закрыл глаза, поскольку зрелище не вызывало ничего, кроме досадного смятения. Прививки не ослабили тошнотворную волну культурного шока, и пришлось постоять совершенно неподвижно, пока эта волна не схлынула. Тогда Марвин очень осторожно открыл глаза и снова выглянул в окно.

Зрение восприняло низкие плоские барханы

с сотней, если не больше, различимых оттенков серого. Вдоль горизонта мчался серебристо-голубой ветер, и его, похоже, контратаковал охряный воздушный поток. Небесный багрянец состоял из множества неописуемых тонов, видимых в инфракрасном диапазоне. На что ни взгляни, везде просматриваются паутинки спектральных линий. У земли и у неба десятки раздельных цветовых гамм — некоторые дополняют друг друга, остальные конфликтуют. В естественных красках Марса никакой гармонии не наблюдается, это сущий хаос.

В руке Марвин обнаружил очки. Надел. В тот же миг цветовая какофония умерилась до приемлемых пропорций. Отпустило шоковое оцепенение, восприятие заработало нормально.

Первым делом Марвин ощутил тяжелое биение в ухе, которому вторил рокот вроде частой дроби малого барабана. Флинн огляделся в поисках источника, но увидел лишь землю и небо. Прислушался — и понял, что звуки исходят из его груди. Это работа легких и сердца; вся жизнь марсианина сопровождается таким шумом.

Марвин достаточно пришел в себя, чтобы познакомиться с телом носителя. Осмотрел ноги: длинные, тонкие. Коленный сустав отсутствует,

но лодыжка, голень, середина и верхняя часть бедра самостоятельно вращаются на шворнях. Пройдясь, он получил удовольствие от плавности движений.

Рука была чуть толще ноги, о двух суставах и пяти пальцах, из которых два — большие, противостоящие. Эти пальцы можно было сгибать или поворачивать в любые стороны.

Марвин был одет в черные шорты и белый джемпер. Грудной гребень аккуратно сложен и заключен в расшитый кожаный чехол. И до чего же естественно все это выглядит, просто диву даешься.

Хотя чему тут удивляться? Только благодаря способности разумных существ приноравливаться к новым условиям обитания и возможен Обмен. И пусть у марсианина немало морфологических и сенсорных отличий от землянина, в космосе предостаточно созданий куда более экзотических.

От этих размышлений Флинна отвлек звук отворившейся за спиной двери. Марвин обернулся и увидел перед собой марсианина. Форма в серую и зеленую полоску — значит это государственный служащий.

Марсианин крутанул ножными сегментами,

и Марвин поспешил ответить на приветствие должным образом.

Одно из сопутствующих Обмену благ — «автоматическое обучение». Как гласит профессиональная шутка, «заняв дом, найди применение мебели». Под «мебелью», само собой, понимаются доступные базовые знания, содержащиеся в мозгу носителя, а именно: язык, обычаи, традиции, нравственные нормы, информация о месте проживания и тому подобное. Эти общие сведения о среде обитания полезны как путеводитель… но не всегда. Персональные же воспоминания, а также симпатии и антипатии для пользователя либо заблокированы, либо открываются ценой значительных психических усилий.

В этой же области находится своего рода иммунологическая реакция, допускающая весьма и весьма ограниченный контакт между совершенно разнородными существами. «Общие сведения» обычно находятся в свободном доступе, а вот «персональные данные», к которым относятся верования, предрассудки, надежды и страхи, хранятся за семью печатями.

— Слабого ветра, — произнес марсианин старинное классическое приветствие.

— Ясных небес, — отозвался Флинн, с неудо-

вольствием отметив, что тело носителя слегка шепелявит.

— Я Мингло Оричичич, сотрудник Туристического бюро. Добро пожаловать на Марс, мистер Флинн.

— Спасибо, — поблагодарил Флинн. — Как же я рад, что попал сюда! Да будет вам известно, это мой первый Обмен.

— Мне это уже известно, — сказал Оричичич.

Он плюнул на пол, что однозначно свидетельствовало о сильном волнении, и распрямил большие пальцы. Из коридора донеслись резкие голоса.

— Что касается вашего пребывания на Марсе… — начал Оричичич.

— Хочу увидеть Нору Песчаного Короля, — сказал Флинн. — Ну и Говорящий океан, само собой.

— В обоих случаях отличный выбор, — произнес чиновник. — Но сначала одна-две формальности.

— Формальности?

— Ничего слишком сложного. — Нос Оричичича изогнулся влево, у марсиан это означало улыбку. — Прошу подтвердить, что эти документы подлинные.

Флинн взял протянутые марсианином бумаги,

пробежался по ним взглядом. Это были копии заполненных им на Земле бланков. Он прочитал текст — все в порядке, информация при пересылке не исказилась.

— Те самые, что я подписал на Земле, — сказал Марвин.

В коридоре нарастал шум. Марвин даже разобрал слова:

— Ошпаренный яйцекладущий сын перемерзлого древесного пня! Дебильный любитель гравия!

Марвин вопросительно поднял нос, и чиновник поспешил объяснить:

— Накладка, недоразумение. Даже в лучших государственных туристических организациях иногда случаются подобные мелкие неприятности. Но смею вас заверить, мы все исправим за пять глотков рапи, а то и быстрее. Позвольте спросить, не могли бы вы…

Судя по шуму, в коридоре случилась потасовка. И вдруг в комнату ворвался марсианин. Его пытался остановить, вцепившись в руку, другой, в мундире чиновника мелкого уровня.

Ворвавшийся марсианин был чрезвычайно стар, судя по слабой фосфоресценции его кожи. Он простер трясущиеся руки к Марвину Флинну.

— Вот оно! — вскричал старец. — Вот оно, и, клянусь древесными пнями, я получу его обратно!

— Сэр, я не привык, чтобы меня называли «оно»! — возмутился Марвин.

— Да при чем тут ты? — процедил старый марсианин. — Я тебя не знаю и знакомиться не желаю. Речь о теле, в котором ты сидишь и которое тебе не принадлежит.

— Как это понимать? — спросил Флинн.

— Сей джентльмен, — заговорил сотрудник Туристического бюро, — утверждает, что вы занимаете принадлежащее ему тело. — И дважды плюнул на пол. — Конечно же, это просто недоразумение, мы немедленно разберемся…

— Недоразумение?! — взревел старый марсианин. — Это самое настоящее жульничество!

— Сэр, — с холодным достоинством обратился к нему Марвин, — либо вы глубоко заблуждаетесь, либо клевещете по причинам, которые я даже не надеюсь узнать. Это тело, сэр, предоставлено мне для временного пользования совершенно честно и легально.

— Чешуйчатая жаба! — вскричал старец. — Не держите меня, дайте до него добраться!

Он попытался вырваться из хватки охранника, соблюдая при этом разумную осторожность.

И тут в дверях возник некто внушительный, весь в белом. Мигом в комнате наступила тишина — фигура грозного и уважаемого представителя полиции Южной Марсианской пустыни приковала к себе все взгляды.

— Джентльмены, — заговорил блюститель закона, — к чему эти взаимные упреки? Давайте все вместе посетим участок и там при посредстве фульсцаймского телепата выясним, что произошло и в силу каких обстоятельств. — Сделав многозначительную паузу, полицейский посмотрел на каждого присутствующего в упор, сглотнул слюну, тем самым продемонстрировав полнейшее спокойствие, и сказал: — Это я вам твердо обещаю.

В полном молчании полицейский, чиновник, старик и Марвин Флинн проследовали в участок. Всех, кроме блюстителя закона, одолевали дурные предчувствия. В любом уголке цивилизованной Галактики действует азбучная истина: попал в полицию — готовься к неприятностям.

Глава 5

В участке Марвина Флинна и других сразу отвели в сырое и полутемное помещение, обиталище телепата. Это трехногое существо, как и все его соплеменники с планеты Фульсцайм, обладало развитым шестым чувством, возможно дарованным природой в качестве компенсации за крайнюю ущербность остальных пяти.

— Ну что ж, приступим, — сказал фульсцаймский телепат, когда прибывшие выстроились перед ним в шеренгу. — Подходите по одному и излагайте свою версию случившегося. — И с суровым видом направил палец на полицейского.

— Сэр! — Блюститель закона аж в струнку вытянулся, до того опешил. — Я, между прочим, служу в полиции.

— Это интересная информация, — сказал телепат, — но какое отношение она имеет к вопросу вашей невиновности или вины?

— Вины? — переспросил полицейский. — Но я не совершил никакого преступления.

Чуть поразмыслив, телепат произнес:

— Кажется, понимаю… Обвиняются эти двое.

Я прав?

— Да, вы правы, — подтвердил полицейский.

— Прошу извинить. Ваша аура раскаяния подтолкнула меня к скоропалительному выводу.

— Аура раскаяния? — удивился полицейский. — У меня? — Говорил он ровным голосом, но по коже пролегли характерные оранжевые полосы волнения.

— Да, у вас, — ответил телепат. — И не нужно удивляться: большинство разумных существ, совершавших крупные хищения, имеют проблемы с совестью.

— Но постойте! — воскликнул полицейский. — Я не совершал крупных хищений!

Телепат закрыл глаза и сосредоточился на своем чутье. Наконец произнес:

— Да, это так. Я имел в виду, что вы еще совершите крупное хищение.

— Предсказание — не улика, суд его не примет, — заявил полицейский. — А кроме того, прорицательская деятельность — прямое нарушение закона о свободе воли.

— И это тоже правда, — сказал телепат. — Прошу прощения.

— Ладно, никаких проблем, — согласился полицейский. — А когда я совершу это крупное

хищение?

— Приблизительно через полгода.

— Меня арестуют?

— Нет. Вы убежите с планеты, отправитесь искать место, откуда не экстрадируют.

— Гм… любопытно, — сказал полицейский. — Не подскажете ли… Впрочем, это можно обсудить позже. Сейчас вы должны выслушать показания задержанных джентльменов и решить, виновны они или нет.

Телепат взглянул на Марвина и махнул ему плавником:

— Приступайте.

Марвин рассказал свою историю начиная с газетного объявления и не опустил ни единой детали.

— Благодарю вас, — сказал телепат и повернулся к старцу. — Ваша очередь, сэр.

Марсианин прокашлялся, почесал грудной щиток, дважды сплюнул и заговорил.

История Эйджелера Фруса

Даже не знаю, с чего начать мой рассказ, так что, пожалуй, сперва представлюсь. Меня зовут Эйджелер Фрус, мое вероисповедание — немуктианский адвентист, род занятий — владение и управление магазином одежды на планете Ачельсес-Пять. Это весьма скромный бизнес и не сказать что приятный, ведь магазин находится в Ламберсе, на Южной полярной шапке, и я от зари до зари продаю одежду венерианским иммигрантам, этим зеленым, волосатым здоровякам-работягам. До чего же они грубы, вспыльчивы и охочи до драк… Но не сочтите меня ксенофобом. В моей профессии и не захочешь, а станешь философом, и пусть я небогат, зато сохранил здоровье, благодарение господу, и Аллюре, моей жене, тоже грех жаловаться на самочувствие, пустяковый щупальцевый фиброз не в счет. У меня двое взрослых сыновей: один работает врачом в Сиднепорте, другой дрессирует кланнтов. Еще есть дочь, она вышла замуж, и это означает, что я обзавелся зятем. Этому субчику я никогда не доверял, ведь он отъявленный стиляга, одних грудных подпорок у него двенадцать

пар, а своей жене, дочурке моей, хоть бы приличный набор скребков подарил. Тут уже ничего не исправить. У нас говорят: не рой себе нору, сама в нее залезешь. И все же, когда мужчина падок на модные тряпки, на суставные лубриканты с экзотическими ароматами и тому подобную роскошь, располагая только жалованьем торговца сыростью, пусть он и называет себя инженером по гидросенсорике, — согласитесь, это не может не настораживать.

А еще ради левых доходов он вечно пускается в разные дурацкие авантюры, которые я обязан оплачивать из накопленных с таким трудом сбережений, — или вы думаете, легко иметь дело с зелеными жлобами? Например, в прошлом году он увлекся технической новинкой — приусадебным генератором облаков, а я, понятно, засомневался: да неужели найдутся желающие купить такую ерунду? Все-таки моя жена уговорила меня дать денег, и, конечно же, зятек прогорел. В этом году он придумал новый способ обогащения: решил торговать второсортной иридирующей синтетической шерстью с Веги-Два, запас которой случайно обнаружил в Гелигопорте. Само собой, приобрести для него эту шерсть должен был я. На что мною было сказано: «Много

ли смыслят мои покупатели, эти венерианские горлопаны, в пижонских костюмчиках? Саржевые шорты для выходных или там халат какой — вот предел их мечтаний».

Но у зятька на все готов ответ. «Папаша, иль вы забыли, что я изучал венерианские народные обычаи и нравы? Видел я этих ваших покупателей, ни дать ни взять дикари вышли из леса. Наверняка они обожают ритуалы, пляски и яркие цвета. Я дам им то, что для них естественно».

Не буду отнимать у вас время, скажу лишь, что я позволил себя уговорить вопреки здравому смыслу. Спору нет, надо было самому взглянуть на товар, поскольку любое суждение зятя для меня не весомей шерстинки. Гелигопорт — это на Марсе, а значит, мне предстояло путешествие через пол-Галактики.

Я поискал желающих Обменяться — и таковых не нашлось. Оно и понятно: кого способен заинтересовать Ачельсес-Пять, кроме венерианского эмигранта, которому самая захолустная планета раем покажется? И тут попадается мне на глаза объявление от этого марсианина, Зе Краггаша, — он-де сдаст свое тело в аренду при условии, что его разум будет помещен на длительное холодное хранение. Цену заломил несусветную, но был ли

у меня выбор?

Кое-какие деньжата я выручил, предоставив собственный организм другу, который промышлял охотой на кваренцев, прежде чем его разбил мышечный дискомиотоз. И вот я явился в Бюро Обмена и перенесся на Марс. Представляете, как я был потрясен, обнаружив, что зарезервированное тело меня не дожидается?

Поднялась жуткая суматоха, все хотели выяснить, куда подевалось тело-носитель. Меня даже пытались вернуть на Ачельсес-Пять, но к тому времени друг уже отправился в моем теле на поиски охотничьих приключений. В конце концов на помощь пришел «Терезиенштадтский прокат тел». Однако двенадцать часов — максимальный срок аренды, предоставляемой этой фирмой, поскольку у нее все расписано до конца лета. И тело, как вы сами видите, я получил изношенное до крайности, вдобавок за драконовскую цену.

Вот я и решил отправиться на Марс и выяснить причину моих неприятностей. И что же я вижу? Какой-то туристишка с Земли нахально разгуливает в теле, за которое я заплатил и в котором сейчас мне следовало бы находиться! Это мало того что несправедливо — это скверно сказывается на моем здоровье.

Вот и вся история.

Телепат уединился у себя в комнате, чтобы обдумать полученную информацию и принять решение. Не прошло и часа, как он вернулся и изрек:

— Вы оба являетесь абсолютно добросовестными приобретателями права аренды, или проката, или обмена, или как еще можно назвать этот способ временного пользования носителем, то бишь организмом Зе Краггаша. Этот организм был предложен его владельцем, вышеупомянутым Зе Краггашем, каждому из вас, что является прямым нарушением всех соответствующих законов. Действия Зе Краггаша должны считаться преступными как по замыслу, так и по исполнению. Ввиду этого обстоятельства я счел необходимым отправить на Землю запрос о немедленном аресте вышеупомянутого Зе Краггаша и о его содержании под стражей вплоть до того момента, когда станет возможным осуществление экстрадиции. Вы оба при совершении сделки действовали добросовестно, однако преимущественное право — за приобретателем, вступившим в сделку первым. Сравнение контрактов показывает, что таковым является мистер Эйджелер Фрус, опередивший мистера Марвина Флинна на тридцать

восемь часов. Следовательно, мистеру Фрусу, первому приобретателю, достается право пользования телом, а мистер Флинн обязан принять во внимание уведомление о лишении его права временного пользования, которое будет ему вручено мною, освободить носитель в течение шести стандартных гринвичских часов и в дальнейшем воздерживаться от незаконных попыток в него вернуться.

С этими словами телепат протянул уведомление, которое Марвин принял с обреченным вздохом.

— Полагаю, — сказал Флинн, — что мне теперь следует вернуться на Землю, в мое тело.

— Это было бы самым мудрым решением, — подтвердил телепат. — К сожалению, в настоящий момент возвращение невозможно.

— Невозможно? Но почему?

— А потому, — ответил телепат, — что от земных властей только что получен телепатический ответ: ваше тело, ставшее вместилищем для разума Зе Краггаша, исчезло. Предварительное расследование дало неутешительный результат: есть основания подозревать, что Зе Краггаш бежал с планеты, прихватив ваше тело и деньги мистера Эйджелера.

Марвину понадобилось время, чтобы переварить услышанное. Он понял: дело дрянь. Застрял на Марсе, и добро бы в собственном организме находился, так ведь нет, его заставляют срочно выбираться из чужого. Через шесть часов от него останется только бестелесный разум — с крайне слабыми шансами на обретение плоти.

Разумы отдельно от тел не существуют. Марвин Флинн медленно и крайне неохотно осознавал близость неминуемой смерти.

Глава 6

Но он не дал воли отчаянию. Вместо этого он дал волю гневу, эмоции куда более здоровой, пусть и такой же непродуктивной. Разрыдавшись в зале суда, Марвин бы выставил себя на посмешище. Нет, наш герой выставил себя на посмешище, яростной бурей носясь по коридорам Федерального здания и требуя честного соблюдения сделки либо чертовски достойной компенсации.

Возмущению молодого землянина не было предела. Совершенно напрасно несколько адвокатов пытались ему внушить, что, если бы в мире существовала справедливость, мир не нуждался бы в законах и законниках. Спрашивается, как бы обходилось человечество без одной из самых благородных своих концепций? Чем бы зарабатывала на жизнь огромная социальная страта? Юридическая деятельность, втолковывали Марвину эти господа, немыслима без изъянов; преступления и правонарушения суть не что иное, как доказательства необходимости существования как попираемых законов, так и правосудия в целом.

Сей разумный довод ничуть не успокоил Марвина, демонстрировавшего все признаки невосприимчивости к аргументированному убеждению, с горловым хрипом и клекотом исторгавшего презрительные отзывы о марсианской судебной машине. Столь предосудительное поведение не пресекалось по той единственной причине, что он был слишком молод, а следовательно, недостаточно адаптирован к местной культуре. Но приступ буйства не дал никаких положительных результатов, не было даже здорового ощущения катарсиса. Указавшие на этот факт Марвину клерки были вознаграждены потоком брани. Впрочем, Флинн остался в неведении о том скверном впечатлении, которое произвел на персонал, и вскоре его праведный гнев иссяк, уступив обиженной угрюмости.

В этом-то расположении духа он и пребывал, когда остановился перед дверью с табличкой «Бюро розыска и задержания, межпланетное отделение».

— Ага! — буркнул Марвин и переступил порог.

Он очутился в тесной комнатушке, как будто перенесенной в Федеральное здание со страниц древнего исторического романа. У стены — впечатляющая выставка устаревших, но на-

дежных вычислительных устройств. Возле двери — мыслепечатающий механизм ранней модели. Такие кресла — угловатой формы, с пластиковой, в пастельных тонах обивкой — обычно будят ассоциации с менее напряженной эпохой. Сюда бы еще громоздкое, солидное Нечто-Этакое, и вышла бы в точности сцена из тех, что любили описывать Шекли и другие поэты далекого Переходного Века.

В комнате сидел на стуле марсианин средних лет и метал в мишень дротики. Мишень имела форму женской попки.

Резко обернувшись на шаги Марвина, он сказал:

— Ну наконец-то. Я вас ждал.

— Правда, что ли? — спросил Марвин.

— Вообще-то, нет, — ответил марсианин. — Просто знаю по опыту: так лучше начинать разговор. Сразу создается атмосфера доверия.

— Зачем же вы все испортили, признавшись?

Марсианин пожал плечами:

— Никто не совершенен. Я простой трудяга-детектив. Меня зовут Эрф Эрдорф. Присаживайтесь. Кажется, нам удалось выйти на след вашей пропавшей шубки.

— Что еще за шубка? — спросил Марвин.

— Разве вы не мадам Риппер де Лау, трансвестит, обокраденный вчера в гостинице «Красные пески»?

— Уж точно нет. Я Марвин Флинн. Лишился тела.

— А, ну конечно, конечно, — энергично закивал детектив Эрдорф. — Давайте по порядку. Случайно, вы не запомнили, где находились в тот момент, когда обнаружили потерю вашего тела? Может быть, вас разыграли друзья? Или вы просто запамятовали, куда его поместили? Или оно решило от вас отдохнуть?

— Вообще-то, я его не терял, — сказал Марвин. — Вообще-то, его украли.

— С этого и надо было начинать, — укорил Эрдорф. — Теперь проблема предстает в совершенно ином свете. Я ведь всего лишь сыщик, за чтеца мыслей никогда себя не выдавал.

— Извините, — буркнул Марвин.

— И вы меня извините, — сказал детектив Эрдорф. — За шуточки насчет тела. Наверняка это было ужасное потрясение.

— Да уж…

— Хорошо представляю, что вы чувствовали в тот момент.

— Спасибо, — сказал Марвин.

Они посидели молча несколько минут в установившейся атмосфере доверия. Наконец Марвин произнес:

— Итак?

— Прошу прощения? — откликнулся детектив.

— Что дальше, спрашиваю.

— А-а… Извините, сразу не расслышал.

— Это не беда.

— Благодарю вас.

— Совершенно не за что.

И снова пауза.

— Итак? — повторил Марвин.

— Прошу прощения?

— Я хочу его вернуть, — сказал Марвин.

— Вы о чем?

— О моем теле.

— О чем о чем? Ах да, ваше тело. Гм… Рискну предположить, еще как хотите. Но это, конечно же, не самая простая задача, верно?

— Не знаю, — ответил Марвин.

— А я и не предполагал, что знаете, — кивнул Эрдорф. — Но могу вас уверить: проблема не из легкоразрешимых.

— Понятно, — вздохнул Марвин.

— Я и надеялся, что вы поймете. — И детектив погрузился в молчание.

Каковое продлилось двадцать пять секунд плюс-минус секунда-другая. В конце этой паузы у Марвина лопнуло терпение, и он заорал:

— Да черт вас подери! Вы намерены разыскать мое тело или так и будете отсиживать толстую задницу и болтать ни о чем?

— Ну конечно же, я намерен разыскать ваше тело, — ответил детектив. — Во всяком случае, намерен попытаться. И не нужно сердиться, я ведь не машина, набитая готовыми ответами, а такое же, как и вы, разумное существо, со своими собственными надеждами и страхами и, что в нашем случае важнее, со своим собственным методом расследования. Вам этот метод может показаться неэффективным, но я нахожу его исключительно действенным.

— В самом деле? — спросил Марвин, слегка остыв.

— В самом что ни на есть, — мягко, без малейшей обиды ответил сыщик.

Не позволив затянуться новой паузе, Марвин поинтересовался:

— По-вашему, какие у меня… у нас шансы разыскать мое тело?

— Шансы просто великолепные, — ответил детектив Эрдорф. — Не беспокойтесь, тело вскоре

найдется. Осмелюсь даже утверждать, что абсолютно уверен в успехе расследования вашего случая. Эта уверенность основана не на изучении его обстоятельств — я пока с ними почти не знаком, — а на элементарном анализе статистики.

— Статистика на нашей стороне? — спросил Марвин.

— Не извольте в этом сомневаться. Вот смотрите: я профессиональный детектив; я изучил все новейшие методики; у меня свидетельство АА-А, это высшая квалификационная категория. И при всем при этом за пять лет на следственном поприще я не раскрыл ни одного дела.

— Ни одного?

— Ни одного, — твердо проговорил Эрдорф. — Не правда ли, интересно?

— Пожалуй, — сказал Марвин. — Но не означает ли это…

— Это означает, — перебил его сыщик, — что крайне загадочная, да что там, поистине неслыханная полоса неудач в силу статистики должна вот-вот закончиться.

Марвин был изумлен — а такая эмоция, надо заметить, марсианскому телу несвойственна.

— Но что, если эта ваша полоса на мне не закончится? — спросил он.

— Не идите на поводу у предрассудков, — ответил на это детектив. — Закон вероятности обязательно сработает — даже самый поверхностный анализ ситуации убеждает в этом. Мне не удалось раскрыть сто пятьдесят восемь дел подряд. Ваше дело сто пятьдесят девятое. Вот скажите, будь вы азартным человеком, на что бы поставили?

— На то, что так пойдет и дальше, — сказал Марвин.

— Я бы тоже на это поставил, — с самоуничижительной улыбкой кивнул сыщик. — И оба мы были бы не правы, опираясь в своем решении на эмоции, а не на трезвый расчет интеллекта. — Эрдорф задумчиво уставился в потолок. — Сто пятьдесят восемь неудач! Фантастический рекорд, просто в голове не укладывается! Особенно если учесть мое упорство, мою непоколебимую целеустремленность, мою веру в успех! Мою квалификацию, наконец! Сто пятьдесят восемь! Такая длинная череда провалов просто не может не закончиться. Да если я буду просто сидеть здесь, в моем кабинете, сложа руки, преступник сам найдет сюда дорогу. Вот какая на моей стороне статистическая вероятность.

— Да, сэр, — вежливо произнес Марвин. — Но

все же я надеюсь, что вы не прибегнете к столь пассивному способу.

— Разумеется, не прибегну, — пообещал сыщик. — Конечно, это был бы интересный эксперимент, но, увы, не все способны его оценить. Нет, расследование вашего дела я буду вести активно, тем более что сексуальные преступления мне особенно интересны.

— Прошу прощения? — растерялся Марвин.

— Вам не за что извиняться, — уверил его собеседник. — У жертвы сексуального преступления нет причин испытывать чувство стыда или вины. Пусть даже многие цивилизации с этим не согласятся — глубинная народная мудрость клеймит пострадавшего позором, исходя из презумпции сознательного или бессознательного соучастия.

— Нет-нет, я вовсе не извиняюсь, — сказал Марвин. — Я всего лишь…

— Прекрасно вас понимаю, — перебил его детектив. — Поэтому не смущайтесь, выкладывайте все противоестественные и гадкие подробности. Относитесь ко мне как к безликой официальной функции, а не как к разумному существу с сексуальными реакциями и фобиями, предпочтениями и отклонениями.

— Да поймите же, — взмолился Марвин, — секс

тут совершенно ни при чем.

— Все так говорят, — задумчиво возразил детектив. — Странная это штука — человеческий разум, никак не желает принять неприемлемое.

— Послушайте, — сказал Марвин, — если вы найдете время и ознакомитесь с обстоятельствами дела, то убедитесь, что это стопроцентное мошенничество. Мотивы преступления — деньги и самосохранение.

— Я в курсе, — кивнул Эрдорф. — Классический синдром. Видите ли, у этого парня нетипичное компульсивное побуждение, для которого у нас имеется специальный термин. Преступления такого рода совершаются на продвинутой стадии обсессивно-проективного нарциссизма.

— Не понимаю, — сказал Марвин.

— Неспециалисту в подобных вещах разобраться непросто, — ответил сыщик.

— И все-таки что это значит?

— Не стану раскрывать всю этиологию, объясню в двух словах. Динамика синдрома приводит к девиации самовлюбленности. Больной влюбляется в другого человека, но не как в другого человека. До некоторой степени он влюбляется в другого как в себя. Он проецирует себя на личность другого, во всех отношениях иденти-

фицирует себя как этого другого и отказывается от своего настоящего «я». И если появляется возможность заполучить другого посредством Обмена или близких способов, другой становится им самим, тем, к кому больной питает абсолютно нормальную самовлюбленность.

— Не хотите ли вы сказать, что этот вор любит меня?

— Вовсе нет! То есть он не любит вас как вас, как обособленную личность. Он любит себя как вас, и поэтому невроз вынуждает его стать вами, для того чтобы он мог любить себя.

— И пока он — это я, он способен любить себя? — спросил Марвин.

— В яблочко! Данный феномен называется приращением эго. Обладание другим равно обладанию исконным собой. Обладание перерастает в самообладание, обсессивная проекция трансформируется в нормативную интроекцию. При достижении невротической цели наступает явная симптоматическая ремиссия, больной входит в псевдонормальное состояние, когда выявить проблему можно лишь инференциально. И это, конечно же, великая трагедия.

— Для жертвы?

— Гм… Да, и для нее тоже, конечно, — сказал

Эрдорф. — Но я говорю о больном. Видите ли, мы имеем ситуацию, когда два абсолютно нормальных стремления соединяются или пересекаются, и в силу этого обстоятельства извращаются. Самовлюбленность — явление естественное и необходимое; то же можно сказать и о желании обладать и трансформировать. Но, будучи объединены, эти факторы деструктивны для истинного эго, которое замещается тем, что мы называем зеркальным эго. Да будет вам известно, невротическое овладение закрывает дверь в объективную реальность. Как это ни печально, выраженная интеграция двух эго убивает любую надежду на реальное восстановление психического здоровья.

— Ну что ж, — покорно произнес Марвин, — если вы считаете, что это поможет найти человека, укравшего мое тело…

— Это поможет его понять, — заверил детектив. — Знание — сила. Нам уже известно, что разыскиваемое лицо склонно к нормальным поступкам. Это расширяет зону поиска и позволяет считать преступника нормальным человеком, что, в свою очередь, позволяет использовать весь арсенал современных методов расследования. Смею вас заверить, такая стартовая позиция

очень выгодна для нас — как, впрочем, и любая другая.

— И когда же вы сможете начать? — поинтересовался Марвин.

— Уже начал. Разумеется, я запрошу протоколы судебных заседаний и все прочие относящиеся к делу документы. Вытрясу необходимую информацию из планетарных властей. Не пожалею сил, а если будет необходимо или хотя бы желательно, полечу на другой край Вселенной.

— Рад, что вы так решительно настроены, — сказал Марвин.

— Сто пятьдесят восемь неудач кряду, — задумчиво продолжал Эрдорф. — Слыханное ли дело? Но согласитесь, вечно так продолжаться не может. Победа близка как никогда.

— Думаю, вы правы.

— Эх, вот бы еще и мое начальство думало так же, — мрачно произнес детектив. — Небось не ругало бы меня недотепой. Такие словечки, да смешки, да ухмылочки имеют нехорошее свойство понижать самооценку. И если бы не моя железная воля и непоколебимая уверенность в себе… По крайней мере, их хватило на первые девяносто неудач или около того. — Сыщик ненадолго предался грустной задумчивости, потом

сказал: — Рассчитываю на ваше самое энергичное содействие.

— И вы его получите, — пообещал Марвин. — Единственная проблема — через шесть часов меня выселят из этого тела.

— Чертовски некстати, — рассеянно отозвался Эрдорф. Очевидно, он успел сосредоточиться на деле и ему было непросто вновь переключиться на Марвина. — Выселят, говорите? Полагаю, вы уже приняли меры? Нет? Тогда, полагаю, вам следует принять меры.

— Не представляю, какие меры тут можно принять, — проворчал Марвин.

— Вы же не рассчитываете, что я полностью устрою вашу жизнь? — отрезал сыщик. — Я обучен одной профессии, и тот факт, что меня преследуют неудачи, не отменяет того факта, что я обучен одной профессии. Придется вам самому разобраться с проблемой поиска тела. Ставки чрезвычайно высоки, да будет вам известно.

— Мне это известно, — буркнул Марвин. — Поиск тела — вопрос жизни и смерти.

— И это тоже, — кивнул детектив. — Но меня куда больше беспокоит ущерб, который может причинить делу ваша смерть.

— Да что вы несете, черт возьми?! — возмутил-

ся Марвин.

— Речь не о том, чем рискую я сам, — объяснил детектив. — Хотя, конечно же, кое-чем рискую. Куда важнее, чтобы восторжествовала идея справедливости, вера в возможность добра, от которой зависят все теории зла, а также статистическая теория вероятности. Все эти ключевые концепции понесут урон, если моя сто пятьдесят девятая попытка раскрыть преступление завершится крахом. Надеюсь, вы согласитесь: вышеперечисленное гораздо важней, чем наши никчемные жизни.

— Не соглашусь, — ответил Марвин.

— Ладно, нет нужды спорить на эту тему, — бодро и решительно произнес детектив. — Найдите себе где-нибудь другое тело, а главное, останьтесь живы! Хочу получить от вас твердое обещание сделать для этого все возможное.

— Уж постараюсь, — сказал Марвин.

— Ну а я свяжусь с вами, как только появятся первые результаты.

— И как же вы меня найдете? — удивился Марвин. — Ведь я не знаю, в чьем теле буду находиться и даже на какой планете.

— Забыли, что я сыщик? — чуть улыбнулся Эрдорф. — Спору нет, у вашего покорного слуги

проблемы с поиском преступников, зато никогда не возникало проблем с поиском жертв. У меня даже имеется гипотеза на сей счет, буду рад обсудить ее с вами в более подходящее время. А сейчас просто запомните: где бы вы ни находились, во что бы вы ни превратились, я обязательно вас разыщу. Так что не падайте духом, держите хвост пистолетом, а главное, не умирайте!

Марвин согласился не умирать, поскольку альтернатива всяко не входила в его планы. Вернуть свое тело ему не удалось, а драгоценное время утекало как вода сквозь пальцы.

Глава 7

Из статьи в «Марсианских воскресных новостях» (трехпланетное издание):

СКАНДАЛ С ОР!

Полицейские власти Марса и Земли сегодня признали существование конфликтной ситуации, связанной с Обменом Разумов. Некто Зе Краггаш, видовая принадлежность не установлена, предположительно продал, обменял или каким-то иным путем предоставил свое тело 12 индивидуумам одновременно. Зе Краггаш объявлен в розыск, и полиция обещает в самое ближайшее время сообщить о задержании подозреваемого в зоне трехпланетной юрисдикции. Этот случай напоминает о печально знаменитом скандале начала девяностых, когда Двуглавый Эдди…

Текучий песок уносил брошенную в сточную канавку газету, и Мартин Флинн провожал ее потерянным взглядом. Жалкая эфемерность этой бумажки чем не парадигма его собственного крайне условного существования?

Газета скрылась с глаз. Теперь Марвин, понурив голову, смотрел на свои ладони.

— Эй, приятель, что клюв повесил?

Флинн поднял взгляд и увидел перед собой доброе синевато-зеленое лицо эрланина.

— Беда у меня, — ответил Марвин.

— Ну-ка, ну-ка, послушаем. — Эрланин сложился, устраиваясь рядом на бордюре тротуара.

Как и любой представитель эрланской расы, этот сочетал в себе участливость с бесцеремонностью. Всем известно, что эрлане народ разбитной и простецкий, они обожают шутки-прибаутки. Их страсть — путешествия и торговля, но религия не позволяет им покидать родную планету, Эрлан-2, иначе как в собственном теле.

Марвин рассказал незнакомцу свою историю. Объяснил, в какую жестокую переделку он угодил, как стремительно тают оставшиеся ему секунды и минуты и как через шесть часов он, бестелесный, будет заброшен в неведомую галактику, прозванную людьми «смертью».

— Поди ж ты! — воскликнул эрланин. — Небось жалко себя?

— Чертовски точно сказано! — вмиг осерчал Марвин. — Я бы любого пожалел, если бы ему предстояло умереть через шесть часов. Почему же я не могу пожалеть собственную персону?

— Дело твоего вкуса, кочеток, — сказал эрланин. — Что же до меня, то я, не боясь упрека в дурном тоне, так скажу: мне больше по вкусу учение Гваджуойе. А он говорил: «Рядом с тобой

заквохтала смерть? Не робей, садани ей в зоб что есть силы!»

Марвин уважал любые религии и уж точно не имел ничего против широко распространившегося Обряда Антиропщения. Но он не мог представить, какая ему может быть польза от заветов Гваджуойе, о чем и сказал.

— Встрепенись! — воскликнул эрланин. — У тебя же есть мозги и целых шесть часов.

— Уже пять.

— Вот и отлично! Собери волю в кулак, дружище, и расправь крылья. Ты же не брюзгливый старый доходяга, чтобы беспомощно ждать конца!

— Беспомощно ждать конца не хочется, — сказал Марвин, — но что я могу? Постоянного тела у меня нет, а временное стоит слишком дорого.

— Твоя правда. Но подумывал ли ты об Открытом Рынке?

— Говорят, это опасно. — Марвин залился краской, осознав абсурдность собственных слов.

Эрланин широко ухмыльнулся:

— И ты поверил, приятель? Риск невелик, если держать ухо востро и не расслабляться. Открытый Рынок не так уж и плох, а грязные слухи, что о нем ходят, по большей части на совести агентств

по Обмену Разумов — проклятые капиталисты никак не желают снижать задранные до небес цены. Мой знакомый уже двадцать лет подвизается в фирме «Краткосрочные наймы» — немало раскрыл он мне секретов этого грязного ремесла. Ниже голову, птенчик! И выше хвост! И найди себе хорошего посредника. Удачи, малыш.

— Секундочку! — вскричал Флинн, глядя, как эрланин расправляется и становится на ноги. — Как зовут вашего знакомого из «Краткосрочных наймов»?

— Джеймс Порядочность Макхоннери, — ответил эрланин. — Этот малый груб, строптив и узколоб, он обожает смотреть на виноград, когда тот краснеет, и склонен впадать в буйство, когда тот оказывается в его чашах[11]. Но в бизнесе он честен и спор, а большего нельзя требовать даже от святого Ксала. Спросит, кто тебя прислал, скажи, что Пингль Шутиха. Удачи, дружок.

Флинн сердечно поблагодарил Пингля Шутиху. Встречаются же такие джентльмены — грубоватые, но добрые, всегда готовые протянуть руку помощи! Он встал и пошел, поначалу медленно,

---

[11] Примечания: 11

Искаженные образы из библейского стиха: «Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно ухаживается ровно» (Притчи 23: 31).

но все прибавляя шагу, в направлении Квейна, в чьем северо-западном углу нашли приют многочисленные лавки и палатки Открытого Рынка. У надежды, уже почти убитой энтропией, забился пульс — несильно, зато ровно.

А в ближайшей сточной канавке песчаный ручеек уносил в загадочную вечную пустыню истрепанные газеты.

— Эй! Эгей! Эгегей! Новое тело за старое! Подходи, получи — свежее за тухлое!

Марвин аж задрожал, услышав этот уличный зазыв, по сути своей невинный, но вызывающий в памяти жуткие сказки, которые нашему герою в детстве рассказывали на ночь. Флинн робко вступил в мудреный лабиринт из улиц и переулков, тупиков и двориков, где во времена стародавние процветал Вольный рынок, и тотчас десятки предложений обрушились на его слуховые рецепторы.

— Требуются жнецы для уборки урожая на Дрогеде! Предоставляем полностью функциональное тело в комплекте с телепатией! На всем готовом, пятьдесят кредитов в месяц и полный список развлечений третьего класса! Возможен особый двухгодичный контакт! Пожинай урожай на красавице Дрогеде!

— Служба в армии Найгвина! Двадцать сержантских тел на выбор плюс несколько специальных предложений в категории «Младший офицерский состав». Каждое тело полностью экипировано военными навыками!

— И почем? — спросил прохожий.

— Твое жалованье и один кредит в месяц.

Прохожий фыркнул и отвернулся.

— А еще, — повысил голос зазывала, — неограниченные права на грабеж.

— Это, конечно, неплохо, — проворчал прохожий, — но у найгвинцев война уже десять лет кряду не ладится. Потери высокие, пополнение войск скудное.

— Мы над этим работаем, — сказал торговец. — Ты опытный наемник?

— Угадал, — кивнул мужчина. — Зовут меня Шон фон Ардин, я побывал почти на всех серьезных войнах и на уйме несерьезных.

— Последнее звание?

— Девальдар в армии графа Ганимедского, — ответил фон Ардин. — А до этого служил в чине полного ктусиса.

— Недурно, недурно, — впечатлился торговец. — Говоришь, полный ктусис? И документы имеются? Ладно, давай посмотрим, что у нас есть.

Как тебе вакансия командира манатии в найгвинских вооруженных силах, второй класс?

Фон Ардин нахмурился и посчитал на пальцах.

— Второй класс — это эквивалент циклопского полудола, — сказал он. — Малость пониже, чем анаксорийский знаменный король, и почти вдвое ниже дорийского старикана. Что же получается? Если завербуюсь, то выпаду из старшего офицерского состава?

— Ты меня даже не выслушал, — возразил торговец. — В предлагаемом чине надо прослужить двадцать пять дней, это срок проверки чистоты намерений — у политического руководства Найгвина на сей счет пунктик. Потом мы тебя поднимем разом на три ступеньки, до меланойского супериоса, а это прекрасный шанс однажды получить временное звание ланс-джумбая и даже должность грабьмейстера при дележе взятой в Эридсвурге добычи. Последнего, правда, гарантировать не могу, но неофициально возьмусь поспоспешествовать.

— Что ж, — проговорил фон Ардин, не в силах скрыть возбуждение, — это интересно… А ты правда поможешь с продвижением?

— Зайдем в лавку, — сказал торговец. — Надо кое-кому позвонить.

Марвин ходил по рынку и слушал, как покупатели — представители дюжины рас — спорят с такой же разномастной ордой продавцов. Бурлившая в этом квартале жизнь благотворно повлияла на душевное состояние Флинна. Предложения сыпались на него сотнями. Некоторые раздражали, но хватало и интригующих:

— Колонии на Сентисе нужен человек-тля! Достойная зарплата, душевный коллектив!

— Требуется литературный обработчик для «Грязной книги кавенджиев»! Способный прочувствовать сексуальную культуру мидридарианской расы!

— Арктур ждет садоводов-планировщиков! Отдохните на единственной в Галактике планете разумных овощей!

— Запрос с Веги-Четыре на эксперта-кандальщика! Для малоопытных ограничителей подвижности — перспектива карьерного роста! Все права и привилегии!

Как много, оказывается, возможностей предоставляет человеку космос! Марвину уже казалось, что его беда обернулась благом. Он так мечтал путешествовать, но осмеливался претендовать лишь на скромную роль туриста. Насколько же интересней и полезней странствовать с толком!

Послужить в найгвинских войсках, потрудиться в колонии тли, постичь загадочное ремесло кандальщика и даже поредактировать «Грязную книгу кавенджиев»…

Прямо перед собой он заметил вывеску:

ДЖЕЙМС
ПОРЯДОЧНОСТЬ
МАКХОННЕРИ, ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ «КРАТКОСРОЧНЫХ НАЙМОВ».
УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ГАРАНТИРОВАНО.

За конторкой высотой по пояс курил сигару грубый, строптивый и узколобый коротышка с пронизывающими кобальтово-синими глазами на кислой физиономии. Макхоннери, кто же еще. Молчаливо-надменный, презирающий пустую болтовню, он стоял, сложив руки на груди, и глядел, как в лавку входит Флинн.

Глава 8

Они стояли лицом к лицу: Флинн с отвисшей челюстью, Макхоннери с плотно сжатыми губами. Молчание продолжалось несколько секунд, а потом лицензированный представитель заговорил:

— Вот что, малыш, тут тебе не чертов стриптиз-бар и я тебе не чертов цирковой уродец. Есть что сказать — выкладывай, а нет — топай отсюда, не жди, когда в шею выпрут.

Сразу видно, этот торговец не из породы сладкоречивых и угодливых. В скрипучем голосе никакого подобострастия, изогнутый книзу рот суров. Вот человек, который всегда говорит напрямую, не страшась последствий.

— Я… клиент, — сказал Флинн.

— Подумаешь, — хмыкнул Макхоннери. — И что мне теперь, колесом перед тобой пройтись?

Саркастический ответ и грубая, независимая манера поведения придали Флинну уверенности. Он, конечно же, знал, что внешность бывает обманчива, но если не по ней судить о человеке, то по чему же еще? Альтернативным способам

оценки Марвина никто никогда не учил, и в силу данного обстоятельства он был склонен довериться этому гордому и неприветливому коммерсанту.

— Через считаные часы я буду выселен из этого тела, — объяснил Марвин. — Мое собственное тело похищено, и я отчаянно нуждаюсь в заменителе. Денег у меня — кот наплакал, зато я хочу и могу работать.

Макхоннери впился в него взглядом, кривя в саркастической ухмылке плотно сжатые губы.

— Работать желаешь, стало быть? До чего же мило! И какая профессия тебе больше по нраву?

— Любая годится.

— Да неужели? И ты готов точить металл на токарном станке Монкальма, с фоточувствительным пультом и ручной отбраковкой? Нет? Но тебе, наверное, знаком сепаратор частиц конструкции Квика-Гриза? В компании «Редкоземельные новинки» имеется вакансия. Что, тоже не годится? На Веге у знакомого хирурга простаивает симулятор подавления нервных импульсов, старая двухпедальная модель. Не совсем то, о чем мечтал? Ладно, на Потемкине-Два джаз-банду нужен духовик, умеющий играть на желудочном рожке, а ресторан вблизи Волопаса приглашает

повара фастфуда со знанием ксенсийской кухни. Опять мимо? Может, ты не откажешься собирать цветочки на Морилье? Конечно, если умеешь предугадывать раскрытие бутона не более чем за пять секунд. Может, тебе хватило выдержки освоить точечную сварку плоти? Может, ты рулил проектом восстановления численности листоногих ракообразных? Может, постиг науку вертикального озеленения и умеешь создавать живые стены? Но нет, вижу по лицу, что тебе это ни о чем не говорит.

Флинн был вынужден кивнуть и промямлить:

— Вы правы, сэр, ни с одной из перечисленных вами профессий я не знаком.

— Интересно, почему это меня нисколечко не удивляет? Да ты хоть что-нибудь умеешь?

— В колледже, сэр, мы проходили…

— К дьяволу твою биографию! Меня интересуют только профессии, навыки, знания, умения и таланты! Ну, ты понял, о чем я, как это ни назови. Что конкретно умеешь?

— Сэр, если вам угодно так ставить вопрос, — сказал Марвин, — то я, пожалуй, не умею ничего.

— Знаю, — вздохнул Макхоннери. — У тебя на лбу написано: «неквалифицифрованный». Малыш, открою неприятную тайну: неквалифи-

цированных разумов в космосе как грязи. Наш Рынок ими завален, да что Рынок — Вселенная ими забита так, что из всех щелей лезут. Тебе, поди, интересно будет узнать, что нет такой профессии, с которой машина не справится быстрее, качественнее и чертовски веселее, чем любое живое существо?

— Досадно это слышать, сэр, — произнес Марвин печально, но с достоинством и повернулся к выходу.

— Эй, минутку, — остановил его Макхоннери. — Кажется, ты работу искал?

— Но вы же сказали…

— Я сказал, что ты ни черта не умеешь, и это чистая правда. А еще я сказал, что машины работают быстрее, качественнее и веселее. Но я не говорил, что они стоят дешевле.

— А-а… — протянул Флинн.

— Ага. По части дешевизны у тебя перед техникой есть преимущество. И это настоящее достижение нашей эпохи. Считаю, человечество вправе гордиться хотя бы тем, что вопреки своим отчаянным усилиям оно еще не совсем отмерло за ненадобностью. Ты же в курсе, малыш: в то время как инстинкты заставляют нас размножаться, консервативный интеллект требует сдержан-

ности. Человечество как тот отец, что нарожал прорву сыновей, но прокормить способен только одного, вот и лишает наследства всех, кроме первенца. Мы привыкли говорить: «инстинкт слеп», но ведь точно так же незряч и разум. Интеллект подвержен страстям, он влюбляется и ненавидит. Горе тому логику, чья безупречная рациональность не зиждется на прочной базе голых эмоций. Человека, не имеющего такой опоры, мы называем иррациональным!

— Никогда такого не слышал, — заметил Марвин.

— Но это же вполне очевидно, — сказал Макхоннери. — В чем цель интеллекта? В том, чтобы всю нашу чертову расу оставить без работы. К счастью, этому не бывать. В состязании человека и машины человек одерживает верх каждый божий день. Так что в графе «Черная работа» всегда найдется дельце для рядового-необученного.

— Полагаю, это хорошо, — с сомнением произнес Флинн, — и, конечно же, очень интересно. Но я, получив от Пингля Шутихи совет обратиться к вам, вообще-то, рассчитывал…

— Ах вот оно что! — воскликнул Макхоннери. — Ты друг Шутихи?

— Ну, можно и так сказать, — уклонился Флинн

от полной лжи.

Ведь сказать, в принципе, можно что угодно, не обязательно только правду.

— С этого и нужно было начинать, — упрекнул Макхоннери. — Конечно, это ничего бы не изменило, тебе же теперь известны факты, а факты — упрямая вещь. Но я бы сразу объяснил тебе, что не нужно стыдиться своей неквалифицированности. Черт возьми, все когда-то были полными неумехами и неучами. Если подпишешь контракт с «Краткосрочными наймами» и приложишь старания, то мигом наберешься ценных навыков.

— Надеюсь на это, сэр. — Марвина насторожила столь резкая смена гнева на милость. — У вас есть на примете работа для меня?

— Пожалуй что есть, — сказал Макхоннери. — Наряд на одну неделю, и даже если не придется по вкусу, ты справишься хоть стоя на голове. Да не бойся, дельце и впрямь не пыльное, просто физкультура на свежем воздухе в сочетании с умеренной стимуляцией мозга; добавим к этому хорошие условия труда, прогрессивный менеджмент и близких по духу коллег.

— Да, крайне заманчиво, — сказал Марвин. — А в чем же подвох?

— В том, что на этой работе не наваришься, — ответил Макхоннери. — Если честно, платят сущие гроши. Но с другой стороны, нельзя же получить все сразу. За эту неделю ты успеешь обдумать свое прошлое, пообщаться с сотрудниками, определиться с жизненным выбором.

— И что же это за работа? — спросил Марвин.

— Официальное название — индагатор утеки, второй разряд.

— Звучит серьезно.

— Рад, что тебе понравилось. Означает охоту на яйца.

— На яйца?

— На яйца. Если точнее, охотник ищет яйца скального ганцера, а найдя, собирает. Ну как, справишься?

— Хотелось бы чуть больше узнать о специфике сбора яиц, об условиях труда и… — Он осекся, когда Макхоннери печально покачал головой.

— Все это тебе расскажут на месте. Я не читаю лекций о достопримечательностях, да это и не экскурсионный тур. Короче, берешься или нет?

— Что-нибудь еще предложить можете?

— Нет.

— Раз так, берусь.

— Мудрое решение, — похвалил Макхоннери

и извлек из кармана лист бумаги. — Это типовой договор, утвержденный правительством, написанный на кромельденском, на официальном языке планеты Мельде-Два, где зарегистрирована нанимающая компания. Умеешь читать по-кромельденски?

— Боюсь, что нет.

— Коли так, закон обязывает меня перевести основные пункты. Ну-ка, что тут у нас… Обычная чепуха: компания не отвечает за пожар, землетрясение, атомную войну, превращение солнца в сверхновую, промысел бога или богов и так далее. Компания соглашается нанять тебя и выплачивать один кредит в месяц… Обязуется транспортировать на Мельде-Два, там обеспечить мельденским телом, комплектом одежды, ночлегом и пропитанием… Заботиться о твоем здоровье и благополучии, если сочтет возможным, а если не сочтет, то ей за это ничего не будет… В возмещение расходов на эти и иные услуги ты будешь выполнять получаемые инструкции, каковые имеют целью исключительно поиск и сбор яиц ганцера. И да хранит Господь твою душу.

— Прошу прощения? — насторожился Флинн.

— Всего лишь стандартная инвокация. Так, что

там еще… Да больше, по сути, и ничего. Ну то есть ты обязуешься, ясное дело, не совершать актов саботажа, шпионажа, неуважения, неподчинения и тому подобного, а также будешь воздерживаться от сексуальных перверсий, перечисленных в «Списке типичных мельденских половых извращений» Гоффмейера. Также ты берешься не развязывать войн на Мельде и не участвовать в развязанных другими войнах; и мыться раз в двое суток; и не влезать в долги; и не становиться алкоголиком или психом. Тут еще много разных требований, но все они столь же здравые, разумный индивидуум против них возражать не будет. Если у тебя имеются важные вопросы, я постараюсь ответить.

— Имеются, — сказал Флинн. — Насчет моих обязательств…

— Этот вопрос не является важным, — перебил его Макхоннери. — Ну так что, хочешь получить работу? Меня устроит простое «да» или «нет».

У Марвина были сомнения, чего, увы, нельзя сказать об альтернативах, каковое обстоятельство сделало сомнения не относящимися к делу. Вспомнился давешний сыщик, но Флинн сразу же выбросил его из головы. Макхоннери прав: что бы ни ждало Марвина на Мельде-Два, это

всего лишь на неделю.

И Флинн решил заключить контракт и подтвердил свое согласие посредством универсального телепатического факсимилизатора, который воспроизвел его подпись внизу страницы. Макхоннери отвел Марвина в Транспортировочный центр, откуда завербованные разумы со скоростью, многократно превышающей скорость мысли, переправлялись в разные уголки Галактики.

Марвин глазом не успел моргнуть, как очутился на Мельде-Два, в теле мельдена.

Глава 9

Велик и дремуч Ганцерский дождевой лес на Мельде-Два. Среди исполинских деревьев шелестит легчайший ветерок, шныряет в паутине лиан, рассекается, вконец ослабевший, о кривые клинки трав. С тяжким трудом пробираются через сплетенные ветви, через густую листву водяные капли и, как утомленные лабиринтом путники, устраиваются отдохнуть на равнодушной к их мучениям губчатой почве. Сливаются и разнимаются, тают и вновь густеют пляшущие тени — их призрачной жизнью правят с плесневело-зеленого неба два солнца. В вышине зовет свистом самку одинокий зеренгол и слышит в ответ зловещий частый кашель плотоядного царь-прыгуна. И через эти унывные лесные дебри, столь дразняще похожие на земные и вместе с тем столь же чуждые, в непривычном мельденском теле движется Марвин Флинн — ни на миг не поднимая глаз, высматривая яйца ганцера.

Еще бы знать, на что они похожи…

Все прошло в жуткой спешке. С того момента, когда Марвин оказался на Мельде, у него не было

ни малейшей возможности опомниться. Едва он получил тело, как подскочил начальник и давай рявкать прямо в ухо. Флинн успел лишь увидеть, что у его нового тела четыре руки и четыре ноги, да в порядке эксперимента щелкнуть разок хвостом, да сложить уши на затылке. И вот он уже в толпе трудяг, узнает номер своего барака и местонахождение столовой и получает блузу на два размера больше да башмаки — они впору, только левый передний жмет в носке. Марвин расписывается в ведомости за орудия труда: большой пластиковый мешок, темные очки, компас, сеть, щипцы, тяжелую металлическую треногу и бластер.

Навербованных рабочих построили в шеренги, и управляющий, высокомерный скучающий атреянин, кратко их проинструктировал. Флинн узнал, что его новое пристанище занимает пустяковую частичку пространства вблизи Альдебарана. Планета Мельде, названная так в честь господствующей расы мельденов, самая что ни на есть глухомань. По шкале климатической выносимости Херлихана-Чанца ее климат оценивается как невыносимый, потенциал природных ресурсов классифицирован как субмаргинальный, эстетико-резонансный фактор хоть и не

подвергался научной экспертизе, тем не менее считается неавантажным.

— Местечко не из тех, — говорил управляющий, — где хочется провести отпуск, если только вы не увлекаетесь экстремальными разочарованиями.

Аудитория отреагировала на шутку встревоженными смешками.

— И тем не менее, — продолжал управляющий, — эта невзрачная и непопулярная планета, это горе Солнечной системы, это космическое убожество — дом родной для своих обитателей, которые искренне считают Мельде жемчужиной Вселенной.

Мельдены, истово гордящиеся своим единственным материальным активом, выжимают из него всю возможную выгоду. С ослиным упрямством вечных неудачников они создают по краям дождевого леса сельскохозяйственные угодья и добывают тощие руды в обширных раскаленных пустынях. Упорная эта деятельность была бы одухотворяющей, не будь она такой скучной; едва ли можно считать вкладом в торжество жизни то, что с неизбежностью потерпит фиаско. Ведь несмотря на все свои трудовые подвиги, мельдены влачат жалкое полуголодное существование,

и никак им не избежать расового вырождения, а затем и полного вымирания.

— Вот такая она, планета Мельде, — сказал управляющий. — Вернее, такой она была бы, если бы не один дополнительный фактор. Фактор, показывающий разницу между успехом и провалом. Разумеется, я имею в виду яйцо ганцера.

Яйцо ганцера! — торжественно повторил управляющий. — Оно откладывается только здесь, потому что больше ни одна планета не нуждается в нем так отчаянно. Яйцо ганцера! В освоенной Вселенной никакой иной предмет не может похвастаться столь огромным показателем желанности! Яйцо ганцера! Если угодно, я расскажу о нем чуть поподробнее. Яйцо ганцера — единственный экспортный товар планеты Мельде. Здешнему населению повезло в том, что эти яйца пользуются огромным спросом. На Оричаде это либидонозные объекты; на Опиуче-Два их измельчают и употребляют в пищу как самый мощный афродизиак; на Моричаде, после освящения, им молятся иррациональные к'тенги. Способы применения я могу перечислять долго. Словом, яйца ганцера — важнейший природный ресурс у мельденов, да к тому же единственный. Пока они есть, раса может себе позволить прием-

лемый уровень цивилизованности, а лишившись их, вскоре погибнет.

Чтобы заполучить яйцо, нужно просто его подобрать. Но далее могут возникнуть определенные сложности, поскольку ганцеры, естественно, не одобряют подобную практику. Ганцеры — лесные жители, далекие потомки ящеров. Они сильны, кровожадны, скрытны, изобретательны, свирепы и абсолютно неукротимы. Что делает добычу их яиц исключительно опасным занятием.

— Сложилась любопытная ситуация, — продолжал управляющий, — и не без парадоксальности. Главный источник жизни на Мельде является и главной причиной смертности. Всем вам следует подумать об этом, начиная рабочий день. Поэтому закончу так: берегите себя, держите ушки на макушке, не лезьте в воду, не зная броду, соблюдайте все меры предосторожности для сохранения собственной жизни, а также вверенного вам дорогостоящего тела. Но не забывайте и о необходимости выполнять дневную норму — недосдача одного яйца наказывается дополнительной неделей работы. Глаз — трус, сердце — храбрец. Недоглядишь оком — заплатишь боком. Долго рассуждай, да скоро делай. Кто прытко бегает, тот часто падает. Следуйте этим

несложным правилам, и все пройдет как по маслу. Удачи, ребята!

Охотники на яйца ганцера построились в колонну по двое и направились к лесу. За час они добрались до зоны поиска. При первой же возможности Марвин обратился к десятнику насчет инструктажа.

— Инструктажа? — переспросил десятник. — Какая инструктажа твоя подавай?

Этот ссыльнопоселенец с планеты Оринати не имел таланта к языкам.

— Хотелось бы узнать, что от меня требуется.

На обдумывание вопроса десятнику понадобилось немало времени.

— Твоя должна собирай яйца ганцера.

Последнее слово он выговорил до смешного похоже на «гангстера».

— Это понятно, — сказал Флинн. — Но ведь я даже не знаю, как эти яйца ганцера выглядят.

— Твоя не беспокойся, — ответил десятник. — Когда увидеть — не ошибиться.

— Ясно, сэр, — кивнул Марвин. — Но если я найду это яйцо, что с ним делать? Имеются ли какие-нибудь специальные правила обращения? Как быть с проблемой хрупкости или с…

— Обращение, — сказал десятник, — простой:

твоя хватай яйцо, клади мешок. Твоя понимай, да-нет?

— Конечно, я понял, — ответил Марвин. — Еще хотелось бы определенности насчет распорядка дня. Существует ли система нормирования труда, предусмотрен ли ежечасный перерыв? И как работник узнает, что он выполнил свою норму?

— Ага! — На широкой добродушной физиономии десятника наконец отразилось понимание. — Конец рабочий день, это так. Твоя хватай яйцо ганцер, клади мешок, усек?

— Усек, — тотчас отозвался Марвин.

— Клади, клади, клади, и вот мешок полный. Дошло?

— Думаю, да, — ответил Марвин. — Полный мешок — это установленная или выполняемая норма. Хочу убедиться, что я понял верно, а потому позволю себе задать еще пару вопросов. Предположим, я обнаружил яйца ганцера и без труда их идентифицировал, прибегнув для этого к земным ассоциациям. Обнаруженный и идентифицированный объект я должен затем добыть, то есть поднять, переместить в горизонтальном направлении и опустить в мешок, и все это вручную. Обозначим яйцо буквой «Я». Повторить операцию переноса необходимо икс

раз, чтобы заполнить объем мешка; эту величину мы назовем «М». Выполнив уравнение Я Ч Х = М, я возвращаюсь в лагерь и там выкладываю содержимое мешка. Все ли я правильно понял, сэр?

Задумчиво постучав по зубам кончиком хвоста, десятник спросил:

— Твоя над моя издеваться, малыш?

— Ну что вы, сэр! Я всего лишь хочу уточнить…

— Твоя смеяться над старый простак с планета Оринати, да-да. Твоя считать себя такая умная, но твоя совсем не такая умная. Помни, никто не любить хитрая и дерзкая работник.

— Я сожалею, — сказал Марвин, почтительно шоркая хвостом.

Хотя на самом деле он нисколько не сожалел. Уносимый в неизвестность бурным потоком событий, он впервые осмелился воспрянуть духом. Пусть даже в неподходящее время и в неподходящей компании.

— Моя думай, что твоя уже понимай кое-какой основ профессия, и пойти сейчас же в лес, и хорошо работай, и больше не задавайся, а не то моя сломай твоя шесть или семь конечность, усек?

— Усек. — Флинн развернулся кругом и легким галопом помчался в лес, чтобы искать там яйца ганцера.

Глава 10

«Как же выглядят эти проклятые яйца?» — гадал, блуждая по лесу, Марвин.

А еще не мешало бы знать, какой прок от темных очков в сумрачной чаще. И для чего нужна дурацкая тяжеленная тренога.

Он скользил между деревьев бесшумным призраком. Раздувались его ноздри; глаза расширились, выпучились и сократили частоту моргания. Золотистая шкура, слегка попахивающая аппистиниумом, подрагивала, чутко реагируя на движения мышц, расслабленных, но всегда готовых к экстренным действиям.

Его окружала симфония красок: зеленые и серые тона, кое-где тонкие алые ноты лозы, тут и там пурпурные аккорды кустов лиллабабы, и редко, но дерзко — оранжевые гобойные каденции хлыстозвона. Однако эта цветовая полифония не радовала душу, а напротив, вызывала мрачные мысли — подобным образом на психику действует парк аттракционов в час предрассветной тишины.

Но чу! Что это? Вот там, слева, невдалеке? Да-да,

сразу за деревом бокку? Неужели?!. Да это же…

Флинн правой рукой раздвинул листву и низко наклонился. И в гнезде, сплетенном из травы и хвороста, увидел поблескивающий овоид, ничто так не напоминающий, как инкрустированное самоцветами страусиное яйцо.

Выходит, десятник прав: яйцо ганцера ни с чем не спутаешь.

Изогнутая пестрая поверхность мерцала миллионом волшебных огоньков; ароматами полузабытых грез по ней плыли тени, кружились и корчились тающими призраками фантомов. Вглядываясь в находку, Марвин пытался критически оценивать свои впечатления, а их хватало с лихвой, и они порождали самые разные ассоциации: песня в вечерних сумерках, неторопливая пастьба скота у ручья с хрустальной водой, грустный запыленный кипарис возле мощенной белым камнем дороги…

Мучительно перебарывая сентиментальность, Марвин наклонился еще ниже и протянул руки, чтобы решительно поднять яйцо ганцера и заключить в пластиковый мешок. Вот его ладонь нежно легла на сияющую выпуклость…

…и тотчас отдернулась: сияющая выпуклость была горяча, как геенна огненная.

В устремленном на находку взгляде Марвина появилось уважение. Теперь понятно, для чего сборщикам выдаются щипцы. Флинн взял инструмент в руки и осторожно сомкнул его челюсти на вожделенном овоиде.

Вожделенный овоид запрыгал прочь, что твой резиновый мяч. Марвин галопом пустился вдогонку, возясь на бегу с сетью. Яйцо ганцера выписывало зигзаги и рикошетило от препятствий, а потом взяло да и юркнуло в густой кустарник. В отчаянии Марвин бросил сеть, и, видать, сама удача направляла его руку.

Яйцо ганцера смирно лежало в ловушке и пульсировало, словно пыталось отдышаться. Марвин, готовый к любым взбрыкам добычи, осторожно приблизился. Но яйцо предпочло не брыкаться, а говорить.

— Эй, мистер, — обратилось оно к Марвину приглушенным голосом, — какая муха вас укусила?

— Прошу прощения… — опешил Флинн.

— Лежу это я в общественном парке, обдумываю свои дела-делишки, и вдруг появляется какой-то псих, и набрасывается на меня, и травмирует мне плечо, и вообще ведет себя неадекватно. Естественно, я слегка возмущаюсь. А кто бы не возмутился? Но у меня выходной, и мне не нужны

неприятности, поэтому я решаю перебраться в более спокойное место. И тут меня ловят в сеть! Я вам что, бабочка или какая-нибудь идиотская рыба? Соблаговолите объяснить, что все это значит!

— Хорошо, — сказал Марвин. — Видите ли, вы яйцо ганцера.

— Я в курсе, — проворчало яйцо ганцера, — что я яйцо ганцера. Хотите сказать, что это теперь противозаконно?

— Конечно нет, — ответил Марвин. — Но так уж вышло, что я охочусь на яйца ганцера.

После короткой паузы яйцо ганцера попросило:

— Вас не затруднит повторить?

Марвин повторил.

— Гм… — сказало яйцо ганцера. — Стало быть, я не ослышался. — Оно тихо рассмеялось. — Да вы меня разыгрываете!

— Увы, это не так.

— Точно разыгрываете! — с отчаянием заявило яйцо ганцера. — Ну хорошо, вы позабавились. Пора отпустить меня.

— Сожалею…

— Отпустите!

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я охочусь на яйца ганцера.

— О боже! — сказало яйцо ганцера. — Я в жизни не слыхал ничего бредовее. Мы же с вами совершенно не знакомы, так с чего бы вам охотиться на меня?

— Меня наняли для охоты на яйца ганцера, — объяснил Марвин.

— Приятель, уж не хотите ли вы сказать, что охотитесь на любые яйца ганцера? И вам безразлично, какое из них попадет в вашу сеть?

— Это так.

— А не ищете одно конкретное яйцо, чем-то вам насолившее?

— Нет-нет, — ответил Марвин. — С яйцами ганцера я никогда прежде не имел дела.

— Никогда не имели… но все же охотитесь? Нет, это невозможно понять, — должно быть, у меня и впрямь что-то со слухом. То, о чем вы говорите, — сущий абсурд! Такое разве что в кошмарнейшем из кошмаров может присниться! Лежишь себе, никому не мешаешь, и тут подкрадывается незнакомец, на вид форменный маньяк, хватает тебя и говорит этаким безумно-будничным тоном: «Я, понимаешь ли, охочусь на яйца ганцера». Все-таки признайтесь, дружище: вы

меня разыгрываете?

Марвин был смущен и рассержен, и ему хотелось, чтобы яйцо ганцера прекратило теребить его совесть.

— Я не шучу, — сурово проговорил он. — Такая у меня работа — собирать яйца ганцера.

— Собирать… яйца ганцера? — простонало яйцо ганцера. — О нет, нет, нет! Я не могу поверить, что это происходит на самом деле, но ведь это действительно происходит, что совершенно немыслимо…

— Не раскисайте, — сказал Марвин, видя, что яйцо ганцера почти довело себя до истерики.

— Спасибо за совет, — чуть помолчав, поблагодарило яйцо ганцера. — Вообще-то, я в норме. Раскисать и не собирался.

— Вот и отлично, — кивнул Марвин. — Вы готовы к сбору?

— Я… пытаюсь привыкнуть к этой мысли. Все так… так неожиданно… Вы мне позволите один-единственный вопрос?

— Только поскорее, — сказал Марвин.

— Спросить я хочу вот о чем. Что вам дает это занятие? Может, вы извращенец какой-нибудь? Только, пожалуйста, не обижайтесь, я никоим образом не пытаюсь вас оскорбить.

— Что вы, какие обиды, — сказал Марвин. — Я не извращенец и, поверьте, ни малейшего удовольствия сейчас не получаю. Это просто работа.

— Просто работа, — повторило яйцо ганцера. — Похищать яйцо ганцера, которое вы видите впервые в жизни. Просто работа. Как булыжники собирать. Только я не булыжник, а яйцо ганцера!

— Понимаю, — сказал Марвин. — Поверьте, я и сам нахожу это весьма странным.

— Вы находите это странным?! — сорвалось на крик яйцо ганцера. — А каким, по-вашему, нахожу это я? Думаете, считаю вполне естественным, что ко мне вламывается инфернальное чудовище и «собирает» меня?

— Успокойтесь, — попросил Марвин.

— Извините, — вздохнуло яйцо ганцера. — Я уже в порядке.

— Мне и правда очень жаль, — сказал Марвин. — Но видите ли, у меня есть дневная норма. И если она не будет выполнена, то мне придется остаток жизни провести здесь.

— Нет, это точно душевнобольной, — тихо произнесло яйцо, обращаясь к самому себе. — Он абсолютно безумен.

— Так что придется забрать вас, — закончил Марвин и потянулся к добыче.

— Постойте! — взвыло яйцо ганцера до того панически, что Марвин замер.

— Ну что еще?

— Можно… можно я напишу жене письмо?

— На это нет времени, — твердо ответил Марвин.

— Тогда позвольте хотя бы помолиться!

— Ладно, молитесь, — разрешил Флинн. — Только покороче.

— О Господь милосердный! — патетически воззвало яйцо ганцера. — Не понимаю, что со мной происходит и почему! Я всегда старался быть добропорядочным. И пусть я нерегулярно посещал церковь, Тебе ли не знать, что истинный храм — это сердце верующего? В жизни моей были и нехорошие поступки, не стану этого отрицать. Но ответь, Всевышний, за что мне такое наказание? Почему Ты караешь именно меня? Не кого-нибудь другого, действительно этого заслуживающего? Разве мало на свете злодеев? Почему меня? И почему вот так? Я же не вещь неодушевленная, которую можно «собрать»?.. Нет, хоть убей, не понимаю. Зато я знаю, что Ты всеведущ и всемогущ. Знаю также о Твоей доброте, а потому догадываюсь: должна быть причина… пусть я и слишком недалек, чтобы ее видеть. Послушай, Господи,

если я прав, то и ладно, будь по-Твоему. Но не мог бы Ты приглядеть за моей женой и детьми? Особенно за малюткой? — У яйца ганцера сорвался голос. — Да, Боже, младшенькому нужно куда больше заботы и любви, очень уж он хилый, не может за себя постоять. Аминь. — Яйцо ганцера подавило рыдания и обратилось к Марвину вмиг окрепшим голосом: — Все, я готов. Делай свое грязное дело, проклятый сукин сын!

Молитва яйца ганцера окончательно разжалобила Марвина. С глазами на мокром месте, с дрожащими надкопытными щетками он раскрыл сеть и освободил пленника. Яйцо ганцера откатилось совсем недалеко и замерло, явно опасаясь подвоха.

— Вы… в самом деле меня отпускаете? — спросило оно.

— В самом деле, — ответил Марвин. — Не гожусь я для такой работы. Пойду в лагерь, и что бы там ни сделали со мной, в одном я уверен: собирать яйца ганцера больше не буду.

— Хвала Всевышнему! — тихо воскликнуло яйцо ганцера. — Немало странного повидал я на моем веку, но похоже, что рука Провидения…

Гипотезу яйца ганцера, относящуюся к категории интервенционистских софизмов, прервал

зловещий треск кустов. Марвин резко обернулся, мигом вспомнив об опасностях планеты Мельде. А ведь его предупреждали! В отчаянной спешке он схватился за бластер, успевший запутаться в сети. Неистовым рывком Флинн освободил оружие и услышал предостерегающий вопль яйца ганцера…

…И взмыл над землей. Бластер кувырком улетел в кусты. Уже через миг Марвин уставился в черные глаза-щелки под бронированным лбом.

Взаимные представления были бы излишними. Флинн моментально понял, что повстречал матерого хищного ганцера и что эта встреча произошла при самых неблагоприятных обстоятельствах. Свидетельства злого умысла — если таковые и требовались — были налицо. Это и проклятая сеть, и предательские темные очки, и щипцы, в чьем предназначении ошибиться невозможно.

И все это загораживали могучие челюсти гигантского ящера, едва не касаясь шеи Марвина. В глаза бросились три золотые коронки и временная фарфоровая пломба на коренных зубах.

Флинн попытался высвободиться. Ганцер усмирил его лапой, большущей, как седло яка; когти размером со щипцы для льда безжалост-

но впились в золотистую шкуру. Во всю ширь распахнулась слюнявая пасть — и двинулась к голове Марвина, чтобы проглотить ее целиком…

Глава 11

И вдруг время остановилось!

Марвин видел над собой полуразинутую пасть, полумигнувшие налитые кровью глаза, всю эту огромную тушу, вмиг охваченную непонятным и неумолимым окоченением. А рядом деревянной копией самого себя застыло яйцо ганцера.

Замер на полупорыве и ветер. В позах сопротивления ему были застигнуты деревья, а меритейский сокол в полуполете неподвижно повис, точно подвешенное на проволоке чучело.

Даже солнце прекратило свой вековечный бег!

И посреди этой невероятной немой сцены Марвин с душевным трепетом следил за единственным движением в воздухе, имевшим место в трех футах над его головой и немного левее.

То, что поначалу крутилось как пыльный чертик, теперь росло, ширилось, утолщалось в основании и раздувалось наверху. Увеличивалась скорость вращения. Фигура обретала плотность.

— Детектив Эрдорф! — вскричал Марвин.

Да, это был марсианский сыщик. Тот самый, что мечтал покончить с чередой неудач. Тот самый,

что взялся за дело Марвина и пообещал вернуть ему принадлежащий по праву организм.

— Весьма сожалею, что приходится вот так вторгаться, — сказал Эрдорф, полностью материализовавшись и тяжко плюхнувшись на землю.

— Слава богу, что вы здесь! — ликовал Марвин. — Что избавили меня от крайне неприятной участи! И если еще поможете выбраться из-под этого существа…

Ведь Марвина все еще прижимала к земле исполинская лапа, обретшая твердость закаленной стали, и как он ни корчился, освободиться не удавалось.

— Прошу извинить, — сказал детектив, вставая и отряхиваясь. — Боюсь, я не смогу этого сделать.

— Не сможете?! Но почему?

— Потому что нельзя нарушать правила, — объяснил детектив Эрдорф. — Видите ли, любое перемещение тела в период искусственно индуцированного темпорального удержания, каковое происходит в данный момент, может иметь своим результатом парадокс, каковой может иметь результатом темпоральное схлопывание, каковое, в свою очередь, с большой долей вероятности может иметь результатом деформацию структурных линий нашего континуума, что

чревато разрушением Вселенной. В силу этих обстоятельств вышеозначенное перемещение наказуемо тюремным заключением сроком на один год и штрафом в одну тысячу кредитов.

— Вот оно что, — расстроился Марвин. — А я и не знал.

— Увы, дело обстоит именно так.

— Понятно, — сказал Марвин.

— Я и надеялся, что вы поймете.

Последовала долгая тяжелая пауза. Ее нарушил Марвин:

— Ну так что же?

— Прошу прощения?

— Всего лишь интересуюсь, зачем вы здесь.

— А-а… — сказал детектив. — Хотел задать вам несколько вопросов, не пришедших мне в голову сразу. Ответы помогли бы в напряженном расследовании вашего дела.

— Валяйте, спрашивайте, — разрешил Марвин.

— Благодарю вас. Первый и главный вопрос: ваш любимый цвет?

— Синий.

— А оттенок? Постарайтесь быть точным.

— Как у яйца малиновки.

— Гм… — Сыщик записал в блокноте. — А теперь не задумываясь продиктуйте первое же

число, которое придет вам в голову.

— Восемьдесят семь тысяч семьсот девяносто две целых и три десятых, — без запинки произнес Марвин.

— Так-так… Ну-ка, быстренько назовите первую же популярную песню, что приходит на ум.

— «Рапсодия орангутана».

— Гм… Неплохо. — Эрдорф захлопнул блокнот. — Кажется, это все объясняет.

— И какова же цель ваших вопросов? — поинтересовался Марвин.

— Полученная от вас информация позволит мне протестировать всех подозреваемых на комплекс атавистических реакций. Это часть самоидентификационного анализа Дуульмана.

— Ясно, — сказал Марвин. — Так что же, удача наконец с вами?

— Удачу трудно вовлечь в подобные дела, — ответил Эрдорф, — но берусь утверждать, что расследование продвигается удовлетворительно. Мы проследили похитителя до Иорамы-Два, где он пробрался в трюм с быстрозамороженным мясом. Грузовое судно взяло курс на Большую Гоеру. По прибытии злоумышленник представился беженцем с Хеджа-Одиннадцать, чем сразу расположил к себе общественность. Ему удалось

собрать денег на полет до Квантиса, где его ждал тайник с наличными. Проведя на Квантисе не более суток, он взял билет на местный рейс и отправился в Пятидесятизвездный Автономный регион.

— А потом? — спросил Марвин.

— А потом мы временно потеряли его след. В Пятидесятизвездном регионе не менее четырехсот тридцати двух планетных систем с общим населением триста миллиардов. Все равно что иголку в стоге сена искать.

— Звучит невесело, — сказал Марвин.

— Совсем напротив, — возразил детектив. — Для нас это очень своевременная передышка. Вечно непрофессионалы путают сложное с невозможным. Но нашему преступнику не найти спасения в множественности, поскольку множественность доступна для статистического анализа.

— И что будет дальше? — спросил Марвин.

— Мы поработаем со статистикой, создадим вероятностную модель, спроецируем ее на Галактику и посмотрим, где вспыхнет новая звезда… Это, конечно же, метафора.

— Понятно, — сказал Марвин. — Вы и правда надеетесь его поймать?

— Стопроцентно уверен в результате, — ответил детектив Эрдорф. — А вам необходимо иметь терпение. Не забывайте, что межгалактические преступления — относительно новая область криминалистики, а межгалактические расследования еще новее. Во многих случаях не то что состав преступления — сам факт существования преступника остается недоказанным. Мы с вами, выражаясь фигурально, охотники, бегущие впереди своей добычи.

— Придется поверить вам на слово, — сказал Марвин.

— Не волнуйтесь. В подобных случаях жертве рекомендуется вести себя как можно естественнее, не поддаваться отчаянию — словом, выживать. Надеюсь, мой совет вы запомните.

— Постараюсь, — пообещал Марвин. — Но сейчас я нахожусь в ситуации, когда…

— Вы находитесь в той самой ситуации, которой я просил избегать, — строго перебил детектив. — Постарайтесь запомнить и этот урок, если сумеете выкарабкаться. Удачи, друг мой. Желаю вам остаться в живых.

С этими словами детектив Эрдорф закрутился волчком — все быстрее, быстрее — и растаял. В тот же миг разморозилось время.

И Марвин снова увидел над собой зловещие черные щелочки глаз, и низкий бронированный лоб, и чудовищные разверстые челюсти. Все это опускалось, чтобы заглотить его голову целиком…

Глава 12

— Не надо! — вскричал Марвин.

— Почему? — спросил ганцер.

К такому вопросу Флинн не был готов. Он услышал бормотание яйца ганцера:

— С врагом все средства хороши… Но с другой стороны, он поступил со мной гуманно… И все-таки мое ли это дело? Стоит лишь высунуться, и кто-нибудь обязательно расколет твою скорлупу. Однако…

— Я не хочу умирать.

— А я и не предполагал, что хотите, — ответило существо-гора не сказать что недружелюбно.

— Но вы, надеюсь, согласитесь обсудить это со мной? Этику, мораль и все такое?

— Боюсь, что нет. Нас предупредили на инструктаже: никаких разговоров с мельденами. Просто выполняйте свою работу, и ничего личного. Разобрались с одним, переходите к другому. Надо соблюдать психическую гигиену. Так что соблаговолите закрыть глаза…

И челюсти придвинулись еще ближе. У Марвина возникла дикая догадка, и он завопил:

— Вы сказали «работа»?

— Разумеется, это работа, — ответил ганцер. — Ничего общего с моими симпатиями и антипатиями. — Чудовище нахмурилось, явно досадуя, что позволило втянуть себя в разговор.

— Работа! Ваша работа — охотиться на мельденов, так ведь?

— Само собой. Это же планета ганцеров. Охота на мельденов — единственное, на что она годится.

— А зачем на них охотиться? — спросил Марвин.

— Ну, во-первых, яйцо ганцера может достичь полной зрелости только в теле взрослого мельдена.

— Позвольте! — Смутившееся яйцо ганцера подкатилось поближе. — Стоит ли так углубляться в биологию? Вы когда-нибудь слышали, чтобы я обсуждал ваши естественные функции?

— И во-вторых, — невозмутимо продолжал ганцер, — шкуры мельденов — единственная статья нашего экспорта. Из них, вычищенных и выдубленных, шьют имперские облачения на Триане-Два, мастерят подвески-талисманы на Немо, а на Крайслере-Тридцать это популярная обивка для кресел. Лишь погоня за увертливыми и опас-

ными мельденами позволяет нам поддерживать приемлемый уровень цивилизации…

— Но ровно это же самое было сказано и мне! — заявил Марвин, а затем быстро повторил услышанные от управляющего тезисы.

— О боже! — ахнул ганцер.

И обоим вмиг стала кристально ясна правда: мельдены полностью зависят от ганцеров, а те, в свою очередь, полностью зависят от мельденов. Эти расы охотятся друг на друга, живут и умирают ради друг друга и при этом — по неведению или нет — игнорируют любые связи друг с другом. А ведь эти связи самые что ни на есть симбиотические. В сущности, каждая из двух рас считает себя единственной разумной и цивилизованной на планете, тогда как в соседях видит животных, достойных лишь презрения. А теперь эти расы вдруг осознали, что к понятию человечности обе они имеют абсолютно равное отношение и это касается также яиц ганцера.

Да, это было потрясающее открытие! Но Марвина по-прежнему удерживала на земле тяжелая лапа.

— Ситуация весьма неловкая, — сказал через некоторое время ганцер. — Я испытываю вполне естественное желание отпустить вас, но на этой

планете я работаю по контракту, каковой требует…

— Так вы не настоящий ганцер?

— Нет, я здесь, как и вы, по Обмену Разумов. Я с Земли.

— Это же моя родная планета! — воскликнул Марвин.

— Как я и подозревал, — кивнул ганцер. — С годами становишься чуток к идиосинкратическим свойствам чужих умов и узнаешь соотечественника по малейшим нюансам мышления и изъяснения. Полагаю, вы американец, скорее всего с Восточного побережья. Коннектикут? Вермонт?

— Штат Нью-Йорк! — радостно ответил Марвин. — Я из Стэнхоупа!

— А я из Саранак-Лейка, — сообщил ганцер. — Меня зовут Отис Дагоберт, и мне тридцать семь. — С этими словами ганцер убрал лапу с груди Марвина. — Выходит, мы соседи, — сказал он тихо. — И я не смог бы вас убить, поскольку уверен, что и вы ни при каких обстоятельствах не подняли бы на меня руку. Теперь нам обоим известна правда, и вряд ли мы сможем выполнить хоть малую часть порученной нам ужасной работы. И это весьма печальный факт, поскольку мы связаны условиями контракта и за их несоблю-

дение компании подвергнут нас Экстренному Разъединению. Вы знаете, что это такое.

Марвин вздохнул: ему ли не знать? Повесив голову, он сидел в тоскливом молчании рядом со своим новым другом.

— Не вижу выхода, — обдумав проблему, сказал Марвин.

— Прятаться в лесу бесполезно — через несколько дней нас обязательно найдут.

И тут вдруг заговорило яйцо ганцера:

— Ребята, может быть, все не так уж и безнадежно.

— Что вы имеете в виду? — спросил Марвин.

— Услуга требует услуги, — отвечало, рябясь от волнения, яйцо ганцера. — Эх, вариться мне за это в кипятке… Ну да и черт с ним. Кажется, я знаю, как вам выбраться с этой планеты.

Марвин и Отис осыпали яйцо ганцера словами признательности, но оно сразу предупредило:

— Боюсь, расхочется меня благодарить, когда узнаете, что ждет вас впереди.

— Разве может быть хуже, чем здесь?

— Готовьтесь к сюрпризу, джентльмены, — ровным голосом предупредило яйцо ганцера. — К очень большому сюрпризу. А сейчас прошу следовать за мной.

— Куда? — спросил Марвин.

— Я отведу вас к Отшельнику, — ответило яйцо ганцера и больше не проронило ни слова.

Оно целеустремленно катилось вперед, а Марвин и Отис шагали следом.

Глава 13

По дождевому лесу пробирались трое — кто шагом, кто скоком, а кто перекатом. И хотя, как оказалось, в этих диких дебрях не обитали ни ганцеры, ни мельдены, путники держали ухо востро. Но никто не помешал им благополучно достичь поляны.

Посреди нее виднелась убогая хижина, перед которой сидело на корточках человекоподобное существо в лохмотьях.

— А вот и Отшельник, — сказало яйцо ганцера. — Предупреждаю, он малость не в себе.

Двое землян не успели переварить эту информацию. Отшельник вскинулся и заорал:

— Стоять! Ни с места! Хальт! И назовитесь, чтоб знал я вас!

— Я Марвин Флинн, — сказал Марвин, — а это Отис Дагоберт, мой новый друг. Мы хотим бежать с этой планеты.

Отшельник будто не услышал; оглаживая длинную бороду, он уже задумчиво смотрел на верхушки деревьев. Но вот заговорил — на низких, мрачных тонах:

Уж пробил час; над самой над главой
Пролет гусей знаменовал беду;
И спешно сыч понурый пересек
В глухом лесу сокрытый дол, где я
Нашел приют, отвергнувши дары
Природы щедрой; звезды с вышины
Безмолвно озаряют сирый кров;
Древа пророчат бегство королям.

— Отшельник хочет сказать, — объяснило яйцо ганцера, — что предчувствовал ваш приход.

— Он что, и впрямь сумасшедший? — спросил Отис. — Стихами шпарит…

Реките ж зычно! Ибо не дано
Мне ползать по извилинам мозгов,
В измене закосневших и во лжи.

— Не хочет, чтобы вы шептались, — перевело яйцо ганцера. — Ему это кажется подозрительным.

— Я бы и сам догадался, — буркнул Флинн.

— Ну так валяйте, догадывайтесь! — рассердилось яйцо ганцера. — Я всего лишь пытался помочь.

Отшельник приблизился на несколько шаж-

ков, остановился и спросил:

Что нужды, в чем печаль, о чем слуга?

Марвин глянул на яйцо ганцера, но оно предпочло обиженно промолчать. Решив, что правильно понял значение услышанного, Флинн сообщил:

— Сэр, мы намерены бежать с этой планеты, а к вам пришли за помощью.

Отшельник замотал головой:

Ну что за мумбо-юмбо, что за вздор!
Овцы губастой блеянье и то
Звучит куда изящней и ясней.

— О чем это он? — спросил Марвин.

— Вы же такой умный, вот и сообразите сами, — отбрило яйцо ганцера.

— Извините, не хотел вас задеть.

— Ну да, как же.

— Я правда сожалею. И нижайше прошу переводить.

— Ладно, — неохотно согласилось яйцо ганцера, успевшее войти во вкус обиды. — Он говорит, что не понимает вас.

— Не понимает? Но я же выбрал самые доходчивые слова!

— Не для Отшельника, — возразило яйцо ганце-

ра. — Хотите, чтобы до него дошло — пользуйтесь стихотворной речью.

— Я не смогу! — Марвина пробрала дрожь: у любого интеллигентного землянина при одной лишь мысли о стихах срабатывал инстинкт отвращения. — Просто не умею! Отис, может, ты?

— Только не я! — испугался Отис. — За кого ты меня принимаешь? За педика?

Молчанье зреет тучей грозовой.
Кто честен, говорит уклюжим ртом
Все напрямик. Визит сей не к добру.

— Он уже сердится, — сказало яйцо ганцера. — Пора бы вам что-нибудь предпринять.

— А давайте вы за нас выскажетесь, — предложил Отис.

— Так ведь и я не педик, — хихикнуло яйцо ганцера. — Нет уж, справляйтесь сами.

— Я из стихов только «Рубайят» знаю, — сказал Марвин. — Со школы помню.

— Вот и воспользуйтесь, — посоветовало яйцо ганцера.

Марвин подумал, нервно посучил конечностями и продекламировал:

От войны между видами я убежал,

От вражды, бушевавшей в лесу, как пожар,

Не бросай же в беде бесприютную душу!

Неужели тебе ее вовсе не жаль?

— Криво-косо, — прошептало яйцо ганцера, — но для первой попытки неплохо.

Ехидный хохоток Отиса был прерван ударом Марвинова хвоста.

Недурственно, пришелец! Посему

Я снизойду до помощи тебе.

Мы ж люди; под личиною любой

Останемся людьми и соблюдем

Людской закон: друг друга выручай.

Марвин шагнул вперед и отчеканил:

Ты дверь покажешь к звездам мне, в космический простор,

Мудрец, глупец пройдет в нее, ведь не для них запор.

Но как быть с тем, кто неречив, на слово не остер,

К стихам не чуток? С тем, кого не видишь ты в упор?

Тут встрепенулся Отис, до сего момента давившийся смехом:

— Э! Сейчас что, про меня было?

— А то про кого же? — сказал Марвин. — Давайка, рифмуй, если хочешь отсюда выбраться.

— Да ладно! У тебя отлично получается за двоих.

— Нетушки! Отшельник говорит, за себя ты должен просить сам.

— О господи! Что же делать? Я ведь никаких стихов не знаю.

— Не молчите, а то хуже будет, — посоветовало яйцо ганцера.

— Ладно… Я только из Суинберна кое-что помню, одна деваха мне читала, та еще форсунья. И стишки-то у него дурацкие…

— Ничего, подражай.

Звездолеты землян – у далеких планет,
Но душа человека, высок он иль худ,
Все мечтает о доме, как будто влекут
Ее десять магнитов, и удержу нет
Волнам черной тоски, затопляющим враз
Истомленное сердце, как утлый баркас.

И наполняется душа превеликой благодарностью,

И очарована она благородной солидарностью

Славного Отшельника, вошедшего в положение

Космоплавателя, рассчитывающего на спасение.

На это Отшельник ответил:

Отнюдь не плохо. Тошно уповать

В наш тяжкий век на гибкость языка,

Могущего в ответственный момент

Языконосцу подложить свинью.

И тогда Флинн сказал:

Открой же Марвину портал. Сколь шансы ни малы,

Быть может, он себя найдет; глядишь, от кабалы

Себя спасет и над собой, израненным, всплакнет.

Уж лучше Марвину уйти, пока все веселы.

А отшельник воззвал:

По коням, рыцари! Взбодрить сердца!
Плотнее ноги в стремена! Расправить плечи!..

И они с песней промаршировали в хижину, где под кусками коры прятался нелегальный разумотранспортировщик древней и весьма любопытной конструкции. Вот тогда-то Марвин и узнал, что даже в самом отъявленном безумии обязательно скрывается рациональное зерно. Прожив на этой планете меньше года, Отшельник успел сколотить приличное состояние. Конечно, в Галактике контрабандная пересылка беженцев на малопривлекательные рынки труда не считалась делом этичным, но у Отшельника имелось собственное мнение на сей счет:

Ужель тебя коробит от моих
Проделок с этой ветхою машиной?
Обидно, коли так. Не стану спорить
С резонностью укора твоего.
Но вот скажи: от жажды умирая
В пустыне раскаленной, сможешь ли
Глоток вина прокисшего отвергнуть?

Конечно нет? Но все-таки готов
Дающего судить судом суровым?
Неблагодарность черная – клеймо
Глупца, что, утопая, норовит
Спасителя ударить побольнее.

Глава 14

Прошло немного времени.

Найти работу для Отиса Дагоберта оказалось нетрудно. В молодом человеке обнаружились слабые, но весьма перспективные задатки садиста — хотя сам он категорически это отрицал. Отшельник помог ему махнуться телами с ассистентом зубного врача. Продента-Девять, родная планета дантиста, расположена чуть левее Южного Хребта Галактики, если смотреть с Проциона, и населена потомками землян, которые не жалуют фторсодержащих соединений — для них вещества этой группы сродни самому дьяволу. И благодаря специалистам, которых на Продента-Девять называют стоматоархитекторами, там возможна совершенно бесфторная жизнь.

Яйцо ганцера пожелало Марвину всего наилучшего и укатилось в лес.

— А теперь, — сказал Отшельник, — займемся твоей проблемой. Объективное изучение личности позволило мне прийти к выводу, что ты по натуре потенциальная жертва.

— Я? — спросил Марвин.

— Да, ты, — ответил Отшельник.

— Жертва?

— Безусловно.

— Не уверен, — возразил Марвин.

Сказано это было из вежливости. На самом деле он не сомневался, что Отшельник заблуждается на его счет.

— Ну а я уверен, — сказал Отшельник. — И смею заметить, у меня побольше опыта в трудоустройстве, чем у тебя.

— Это я уже понял… И еще обратил внимание, что вы больше не говорите стихами.

— Разумеется, — подтвердил Отшельник. — Да и с чего бы мне это делать?

— Но ведь раньше вы говорили только стихами.

— И на это имелась причина, — объяснил Отшельник. — Я тогда находился снаружи, стихи были моей защитой.

— А теперь?

— А теперь я у себя в доме, в полной безопасности. Оборонительный язык поэзии здесь без надобности.

— Обороняетесь стихами? — удивился Марвин. — Неужели это действует?

— Еще как! Я на этой планете живу уже боль-

ше года, и на меня охотятся две свирепые расы. Обнаружат — сразу прикончат. Видишь, я цел и невредим? Это исключительно благодаря стихам.

— Да, замечательно. Но как вы узнали, что стихотворная речь обладает маскирующим свойством?

— Путем логического умозаключения, — ответил Отшельник. — Исходя из посылки, которую я счел достаточно разумной.

— Понятно, сэр, — сказал Марвин. — Но я не вижу связи между стихами и вашей безопасностью.

— Да будь я проклят, если сам ее вижу, — развел руками Отшельник. — Я привык считать себя человеком рациональным, но эффективность стихов — единственная вещь, которую крайне неохотно принимаю на веру. Однако с тем, что это действенное средство, не поспоришь.

— А вы не думали насчет экспериментальной проверки? — спросил Марвин. — Не пробовали говорить снаружи не стихами? А вдруг оказалось бы, что и без них можно обойтись?

— Думать-то я думал, — ответил Отшельник. — А ты не пробовал прогуляться по дну океана? Вдруг оказалось бы, что там и без воздуха можно

обойтись?

— Это не одно и то же, — сказал Марвин.

— Это абсолютно одно и то же! — твердо заявил Отшельник. — Все мы существуем благодаря бесчисленным допущениям, истинность или ошибочность которых выявляется лишь при встречах с опасностями на жизненном пути. А поскольку большинство из нас ценят свое существование выше, чем правду, такие радикальные проверки мы оставляем фанатикам.

— Я не попытаюсь ходить по воде, — возразил Марвин, — потому что видел утопленников.

— А я не говорю вне дома прозой, потому что навидался тех, кого прикончили за этим занятием, — не полез в карман за словом Отшельник. — И ни одного — из говоривших стихами.

— Что ж, каждому свое…

— Примирение с неопределимостью — начало мудрости, — назидательно произнес Отшельник. — Но речь сейчас не об этом, а о тебе и о твоей виктимности. Повторяю, ты прирожденная жертва. Но это открывает исключительно интересные перспективы.

— Мне неинтересно, — буркнул Марвин. — Что еще вы можете предложить?

— Ничего, — ответил Отшельник.

Тут благодаря удивительному стечению обстоятельств в ближайшем подлеске раздался оглушительный треск и топот. Это означало, что по следу Марвина спешат либо мельдены, либо ганцеры, а может, и те и другие.

— Принимаю ваше предложение, — сказал Марвин. — Но вы ошибаетесь.

Последнее слово принесло ему какое-никакое удовлетворение. Что же до Отшельника, то он получил удовлетворение от последнего дела. Включив свою аппаратуру и покрутив ручки настройки, он щелкнул тумблером и отправил Марвина строить новую карьеру на планете Цельс-5.

Глава 15

На Цельсе-5 вручение и получение даров — культурный императив. Отказ от подарка просто немыслим; у цельсиан это вызывает эмоции, сравнимые с земной инсектофобией.

Как правило, обычай не создает серьезных проблем. Большинство подарков — «белые», они делаются от чистого сердца и несут на себе различные оттенки любви, благодарности, приязни и тому подобного. Но бывают и «серые» предостерегающие подарки, и даже «черные» дары-убийцы.

Однажды некий государственный деятель получил от своих избирателей изящное кольцо, предназначенное для обязательного двухнедельного ношения в носу. Прелестная штучка, но с маленьким изъяном: она тикала.

Житель другой планеты, пожалуй, швырнул бы ее в ближайшую канаву. Но ни одному цельсианину, пребывающему в здравом уме, такое и в голову бы не пришло. Он даже не попытался бы выяснить, что у этого кольца внутри. Дареной вещи в зубы не смотрят — вот священный девиз

цельсиан. И если пойдет слух, что у получателя презента возникло нехорошее подозрение, быть громчайшему публичному скандалу.

Итак, одаренный обязан прожить две недели с кольцом неразлучно. А это проклятое кольцо все тикает и тикает.

Должностное лицо, чье имя Мардук Крас, ломало голову над возникшей проблемой. Мардук думал о своих избирателях, вспоминал о том, как всячески им помогал; но ведь хватало и случаев, когда их ожидания не оправдались. Кольцо — это предупреждение, тут гадать не приходится. Самый что ни на есть «серый» дар. Но что, если он все-таки «черный»? Тогда в нем находится миниатюрное взрывное устройство популярной конструкции, которое оторвет чиновнику голову по истечении отведенного ему срока, полного страхов и переживаний.

Мардук не имел суицидальных наклонностей. Он сразу понял, что ему не хочется носить кольцо-убийцу.

Не хочется, но придется.

И как же быть с этой классической цельсианской дилеммой?

«Неужели они и вправду решили со мной разделаться? — спрашивал себя Мардук. — Из-за

таких пустяков, как снос их грязных и ветхих трущоб ради строительства предприятий тяжелой промышленности и сговор с гильдией домовладельцев, повысивших квартплату на триста двадцать процентов в обмен на обещание через пятьдесят лет заменить водопровод? Видит Господь Всемогущий, я никогда не мнил себя безгрешным; я нередко допускал промахи, в чем и сознаюсь чистосердечно. Но разве можно равнять эти мелкие ошибки со злостной антиобщественной деятельностью?»

А кольцо знай себе весело тикало, щекоча чиновничье рыло и будируя страхи.

Мардуку вспоминались сильные мира сего, оставшиеся без головы по прихоти возмущенного плебса. Нет, что ни говори, а этот подарок может запросто оказаться «черным».

— Вот же подлинь безмозглая! — прорычал Мардук.

Конечно, на публике он никогда не произносил таких ругательств, да и вообще не давал воли чувствам. Но сейчас его переполняла горчайшая обида. Тут от зари до зари жилы рвешь, вкалываешь не за страх, а за совесть ради этих дряблокожих, бородавчатомордых кретинов, и что получаешь в награду? Мину для ношения в

пятачке?

Такими вот мыслями Мардук до того себя распалил, что уже был готов зашвырнуть кольцо в ближайший бак с хлором. Уж он им покажет! Ведь и прецедент имеется: разве святой Вориг не отверг Целокупное Подношение от Трех Лярв?

Да… но Подношение от Лярв, согласно общепринятой экзегезе, являлось не чем иным, как скрытой атакой на дух Одарения, а следовательно, на самую суть общественного устройства. Ибо, умышляя Целокупное Подношение, злодеи ставили перед собой целью исключить возможность вручения любых подарков в будущем.

Это во-первых. А во-вторых, то, за что аплодировали святому в эпоху Второго Царства, официально считается ужасной скверной сейчас, во времена Десятой Демократии. Святому позволительны любые выходки; простой же смертный обязан вести себя так, как ему предписано.

У Мардука поникли плечи. Он облепил ноги теплой грязью — не помогло. Выхода нет. На Цельсе одиночке не устоять против организованного социума. Придется носить кольцо и ждать, цепенея от ужаса, когда прекратится тиканье…

Но что это?! Никак спасительная идея? Да-да, теперь он знает, как можно выкрутиться! Придет-

ся хорошенько поработать мозгами и обтяпать хитрое дельце, но если оно выгорит, Мардук получит и спасение, и общественное одобрение. Лишь бы проклятое кольцо не взорвалось раньше времени…

Мардук поспешил сделать несколько звонков, чтобы организовать себе срочную деловую командировку на Таами-2. Конечно, на эту планету, настоящее Таити Десятизвездного региона, он отправится не физически. Ответственное должностное лицо не позволит себе тратить бюджетные средства на перевоз своего тела за сотню световых лет, когда можно обойтись всего лишь путешествием разума. Бережливый Мардук воспользуется Обменом. Это отвечает если не духу, то уж точно букве цельсианского порядка. Тело останется здесь, и дареное кольцо пусть себе и дальше весело пощелкивает в носу.

Нужен разум, который в отсутствие Мардука поживет в его теле. А найти его — задача не из архисложных. Разумов в Галактике тьма-тьмущая, и тел не хватает на всех. Почему возникла такая диспропорция, еще никто не сумел объяснить толком. В самом начале жизни каждому достается тело. Но так уж выходит, что кто-то получает больше, чем ему нужно, будь то богатство, власть

или тела. А кто-то остается ни с чем.

Мардук связался с фирмой «Отшельник энтерпрайзис (Тела на все случаи жизни)». У Отшельника нашлось то, что нужно: симпатичный молодой землянин, чья жизнь находится в непосредственной опасности, готов попытать счастья с тикающим кольцом.

Так Марвин Флинн оказался на Цельсе-5.

Впервые не было нужды в спешке. По прибытии Марвину удалось пройти рекомендованную для участника Обмена процедуру. Он лежал совершенно неподвижно и понемногу привыкал к своему новому вместилищу. Проверил работу конечностей, проинвентаризовал чувства, просканировал базовую культурную конфигурацию в переднем мозгу, протестировал факторы аналогии и сходства. Затем ознакомился с областью определения функции эмоционального отдела заднего мозга, выявив ее полюса, экстремумы и седловую точку. Почти все это было проделано машинально. Тело цельсианина пребывало в завидной физической форме, радуя высоким качеством сборки и отменным характером случайного распределения главной последовательности. Конечно, имелись и недостатки: до абсурдного эллиптичная дельта-кривая, а у

области распределения УИТов — универсальных Y-точек — скорее серповидная, нежели трапециевидная форма.

Но чего еще стоило ожидать от обитателя планеты типа 3B?

В нормальных условиях эти отклонения не могут создать проблем. А здешние условия, судя по всему, благоприятны, и телесно-энвиронментально-культурно-ролевой комплекс, в котором очутился Марвин, не станет неразрешимой загадкой для его когнитивно-чувственного восприятия.

— Очень даже неплохо, — подвел итог самоанализу Флинн. — Только бы не рвануло чертово кольцо.

Он поднялся на ноги, чтобы познакомиться со своей новой средой обитания. И первым делом обнаружил записку, оставленную для него Мардуком Красом. Не заметить ее, привязанную к запястью, было невозможно.

> Дорогой партнер по Обмену!
>
> Добро пожаловать на Цельс-5. Полагаю, Вы в настоящий момент не испытываете особого восторга, и едва ли меньше Вашего сожалею о том, что обстоятельства

сложились столь прискорбным образом. Но от души советую выбросить из головы любые мысли о передаче вверенного Вам имущества другому лицу. Лучше сосредоточьтесь на приятном времяпрепровождении, постарайтесь расслабиться и получить удовольствие от отдыха. Да послужит Вам утешением тот факт, что, по статистике, «черные» дары отнимают не больше жизней, чем аварии в плутониевых копях. Мое жилье и все, что в нем находится, в Вашем полном распоряжении. Как и мое тело. Очень надеюсь, что Вы не станете подвергать его чрезмерным физическим нагрузкам, слишком поздно укладывать в постель, перекармливать или избыточно поить опьяняющими жидкостями. Прошу учесть, что у него слабое левое запястье; будьте осторожны при подъеме тяжестей.

Желаю удачи, и постарайтесь не паниковать. Паника еще не помогла решить ни одной проблемы.

P. S. Вы, несомненно, джентльмен, и я уверен, что Вы не попытаетесь вынуть кольцо из носа. Тем не менее считаю сво-

им долгом предупредить: оно заперто на микроскопический замок Джайверга, где используются молекулярные связи.

Еще раз прощаюсь и рекомендую не думать о грустном. У Вас впереди две недели развлечений на нашей прекрасной планете.

Искренне Ваш,

Мардук Крас

Прочитав записку, Марвин разозлился. Но затем рассмеялся и скомкал ее. Мардук, как пить дать, отъявленный прохвост, но он не лишен шарма и вроде не скупердяй. Пожалуй, надо извлечь из этой сомнительной сделки всю выгоду. Забыть о предполагаемой мине, угнездившейся над верхней губой, и хорошенько гульнуть на Цельсе.

Флинн пошел знакомиться со своим новым домом, и увиденное порадовало. Это холостяцкое логово, предназначенное для проживания без воспроизводства. Его главное удобство, пентабрахиатион, доступно только должностным лицам вроде Краса, с высоким социальным статусом. Не столь везучие чиновники довольствуются системами галерей, где можно пользоваться тре-

мя, максимум четырьмя лапами. Ютящиеся же в беспросветных трущобах Северной Хляби семьи бедняков вынуждены осуществлять брахиацию посредством двух, а то и одной-единственной конечности. Правда, населению обещана масштабная жилищная реформа.

В удобной фешенебельной кухне Марвин обнаружил внушительный запас деликатесов. Тут и банки засахаренных кольчатых червей, и тазик экзотического альционiумового салата, а еще нежные закуски из кораллов тубипора и горгония, из морских перьев пеннатула и ренилла. Нашлась в этом раю гурмана и банка морских уточек в соусе из коловраток и орхидей, и упаковка быстрозамороженного кисло-сладкого мяса манящего краба. Но типичный неженатый мужчина не держит у себя основных продуктов питания, вот и у Мардука в доме не завалялось даже хлебца из брюхоногих моллюсков или бутылки газированного имбирного меда.

Путешествуя по длинным извилистым галереям, Марвин забрел в музыкальную комнату.

На нее Мардук не пожалел денег. В обстановке доминировал гигантский усилитель «Император»; по бокам высились динамики модели «Тиран». Хозяин пользовался полумикширую-

щим микрофоном «Вихрь» с подавлением помех от смежных сорока би-би-си-каналов, с расширяющимся селектором сенсорной дискриминации, с плавающей щелегорловой антенной типа «пассивный вибратор». Звукосниматель работает на принципе воспроизведения образов, но может переключаться на старую добрую модуляцию. Разумеется, это не назовешь профессиональной комплектацией, но для любительской — очень даже неплохо.

Конечно же, сердце любой современной музыкальной системы — инсектарий. В данном случае — класса «Инженюатор», модели «Супермакс», с автоматическим и ручным выбором и комбинированием композиций, с их регулируемой загрузкой и удалением, с различными функциями максимизации и минимизации.

Марвин выбрал гавот в исполнении кузнечика (Корстол, 431-Б) и насладился волнующим трахеальным облигато со слабо выраженным басовым аккомпанементом пары мальпигиевых сосудов. Ущербная восприимчивость вселенца в чужое тело не помешала ему по достоинству оценить искусство исполнителя, голубого полосатого кузнечика.

А вот и сам маэстро, с легонько пульсирующей

среднегрудью, красуется в персональной ячейке инсектария. Склонившись к нему, Марвин одобрительно покивал. Голубой полосатый кузнечик щелкнул жвалами и вновь занялся музицированием. Этот виртуоз принадлежал к специально выведенной породе, которой доступны самые высокие ноты и которая, однако же, больше упирает на зрелищность.

Марвин переключил систему в пассивный режим, и кузнечик вернулся ко сну.

Инсектарий был укомплектован на славу — тут и симфонические поденки, и свежевыведенные певчие совки… Но музыка может подождать — кругом столько всего интересного!

В гостиной Марвин опустился на фрагмент глинистого берега (Вормстеттер, подлинник! Вот это антиквариат!), прислонился затылком к выветрелому гранитному подголовнику и попробовал расслабиться. Однако постоянное тиканье кольца в рыле не способствовало погружению в блаженство. Марвин потянулся к низкому столику с палочками-развлекалочками и взял одну наугад. Провел по ее бороздкам усиками — безрезультатно. На легком чтиве не сосредоточиться.

Он с досадой отбросил палочку и решил: не до развлечений, надо искать выход из тупика.

Но неумолимый динамизм не выпускал его из своей хватки. Приходилось учитывать, что жить осталось всего ничего и драгоценные минуты убегают одна за другой. Конечно, не хочется, чтобы оставшееся время пропало даром. Но что тут можно предпринять?

Он сполз с «Вормстеттера» и двинулся, раздраженно щелкая когтями, по главной галерее. Решение родилось внезапно, на ходу, и Марвин направился в гардеробную.

Там он сменил верхний панцирь на новый, из золотисто-бронзового хитина, и аккуратно пристроил его на плечах. Лицевую щетину с помощью ароматизированного лака уложил на щеках в «ежики». Усикам придал среднюю жесткость, встопорщил их на шестьдесят градусов — угол веселой беспечности — и позволил изогнуться в естественные привлекательные дуги. Напоследок на средний сегмент туловища напылил лавандовой пудры и ламповой сажей оттенил плечевые суставы.

Марвин глянул в зеркало: пожалуй, получилось недурно. Одет со вкусом, но не фатовски. Если судить со всей объективностью, решишь, что перед тобой презентабельный, вполне ученого вида молодой мужчина. Не сквигозвезда, конечно, но

уж точно не забулдыга.

Он покинул свою нору через главный лаз и запер его на затычку.

Уже стемнело. Над головой поблескивали звезды, едва ли более многочисленные, чем фонари над входами в мириады нор, как съемных, так и собственных. При виде этого пульсирующего сердца города Марвин затрепетал от восторга. Уж наверняка где-то среди этих бесчисленных пересекающихся коридоров его ждет райское блаженство. Ну или, по крайней мере, возможность расслабиться и перевести дух.

И вот он, охваченный смертной тоской пополам с трепетной надеждой, направил свои стопы к Главной Шахте — самому злачному, самому щедрому на соблазны месту в городе, где его ждет спасительный шанс или окончательный приговор судьбы.

Глава 16

Плавной размашистой поступью, скрипя кожаными сапогами, Марвин Флинн шествовал по дощатому тротуару. Веяло слабыми ароматами полыни и чапараля. По сторонам дороги тусклым мексиканским серебром лоснились под луной глинобитные стены. Из ближайшего салуна доносились вычурные аккорды банджо…

Сильно нахмурившись, Марвин застыл как вкопанный. Полынь? Салуны? Как это понимать?

— Что-то не так, незнакомец? — осведомился грубый голос.

Флинн круто обернулся. Из теней возле магазина колониальных товаров появился человек. Это был бродяга — гнусавый, сутулый бездельник в пыльной черной шляпе, комично нахлобученной на грязный лоб.

— Да, кое-что очень даже не так, — ответил Марвин. — Все выглядит как-то странно.

— Напрасны твои тревоги, — уверил его босяк. — Просто ты сменил систему метафорических ассоциаций, и, видит Бог, в этом нет ничего предосудительного. Да ты небось даже рад был

отказаться от скучных инсекто-анималистских параллелей.

— Меня эти параллели вполне устраивали, — возразил Марвин. — Я же все-таки на Цельсе-Пять, живу в подземном гнезде.

— И что с того? — спросил зимогор. — Или у тебя совсем нет воображения?

— Воображения у меня прорва, — с достоинством ответил Марвин. — Но разве это имеет значение? Я не ковбой на Земле, я что-то вроде крота или медведки на Цельсе, а значит, и мыслить должен соответствующе.

— Да, с этим ничего не поделаешь, — кивнул скиталец прерий. — Дело в том, что ты перегрузил свои аналитические способности, да так сильно, что сгорели предохранители. И теперь твое восприятие экспериментирует, стремясь привести себя в норму. Такое состояние называется метафорической деформацией.

И тут Марвину вспомнилось, как мистер Блэндерс предупреждал насчет этого феномена. Метафорическая деформация, болезнь межзвездных путешественников, застигла Флинна врасплох. Он понимал, что это не сулит ничего хорошего, но вместо тревоги испытывал лишь легкое удивление. До сих пор его эмоции шли

рука об руку с психовосприятием, поскольку невоспринятая перемена есть перемена невосчувствованная.

— И когда же я начну видеть вещи такими, какие они на самом деле?

— А это уже философский вопрос, — сказал перекати-поле. — Рассуждая узко, можно предположить, что этот конкретный синдром исчезнет, если тебе когда-нибудь посчастливится добраться до Земли. Но продолжать странствия — значит усугублять процесс перцептивного отождествления. Правда, можно ожидать спорадических кратковременных ремиссий, не выходящих за пределы твоего первичного ситуативно-перцептивного контекста.

Марвин счел услышанное небезынтересным, но не пугающим. Он подтянул джинсы и сказал:

— Ладно, когда картишки уже на руках, бросить их мужчина не может. И недосуг мне тут торчать и трепаться с тобой, незнакомец. Но все же скажи: ты кто?

— Кто я? — не без самодовольства отозвался бродяга. — Я олицетворенная необходимость. Не будь меня, тебе бы пришлось совершенно самостоятельно вспоминать Теорию Метаморфической Деформации, и вряд ли бы ты справился.

Позолоти-ка ручку, касатик.

— А это уже цыганское, — насмешливо сказал Марвин.

— Виноват. — Без малейшего смущения бродяга поправился: — Сигареткой не угостишь?

— Сам крути. — Марвин бросил ему мешочек «Булл Дарем». Понаблюдав чуток за новым знакомым, он сказал: — Ну хорошо, понял я, что ты странный типчик — не то юродивый, не то хитрозадый. Но кем бы ты ни был, чую, застрял я тут с тобой.

— Браво! — со всей серьезностью поздравил его бродяга. — Как обезьяне удается заслужить банан, так и ты заслужил смену контекста.

— Ох уж это менторское чванство, — невозмутимо парировал Марвин. — Что дальше, прохвессор?

— Нам вон туда, — указал бродяга. — В салун с дурной репутацией.

— Ура! — вскричал Марвин и прошел, виляя худыми бедрами, через распашные двери.

В салуне на него накинулась особа женского пола, вцепилась в руку. С улыбкой нарумяненного барельефа уставилась в глаза.

— Пойдем, малыш, со мной наверх, — взмолилась эта кошмарная ведьма. — Всласть повесе-

лимся, вдоволь развлечемся!

— Забавно отметить, — сказал бродяга, — что этой маской даму наделил Обычай. Тех, кто торгует удовольствием, он обязывает изображать веселье. И это жесткое требование, друзья мои, не распространяется на другие профессии. К примеру, жене рыбака дозволено ненавидеть селедку, овощевод может иметь аллергию к репе, а мальчишке-газетчику простительно невежество. Даже святым мученикам не обязательно блаженствовать под пытками. И только скромные продавцы наслаждений вынуждены, подобно Танталу, вечно ждать недосягаемого пиршества.

— Дружок-то твой, гляжу, шутник изрядный, — отреагировала мегера. — Но ты, малыш, мне больше по вкусу, я от тебя вся таю.

На шее у фурии висело ожерелье: миниатюрный череп, пианино, стрела, детский башмачок, желтый зуб.

— Что это? — поинтересовался Марвин.

— Символы.

— Символы чего?

— Идем наверх, сладенький, там узнаешь.

— Таким образом, — назидательно продолжал бродяга, — мы имеем подлинное, неопосредованное противоборство с пробужденной женской

природой, перед которой наши мужские фантазии — не более чем детские игры.

— Ну давай же! — восклицала гарпия, и ее дряблая туша корчилась в вожделении, еще более жутком оттого, что оно было притворным. — Поднимемся наверх и ляжем в постельку! — вопила она, тесня Марвина грудями, размером и упругостью схожими с пустыми переметными сумками монгольского воина. — Я тебе такое покажу! — орало это чудище, обхватывая бедра Марвина своей ножищей — тяжелой, бледной, грязной, варикозной. — Мою любовь, детка, — провыла ведьма, — ты до самой смерти не забудешь. — И прижалась к нему причинным местом, твердым, как лоб тираннозавра.

— Я… это… страшно благодарен, — промямлил Марвин, — но сейчас, по-моему, не самое подходящее время…

— Ласки моей не желаешь? — изумилась гарпия.

— Ну, если честно, не могу сказать, что желаю.

Бабища уперла кулаки-кувалды в бедра-барабаны:

— Ну вот, дожилась! — Впрочем, дьяволица сразу смягчилась. — Не чурайся сладостных фимиамов лупанара Венеры! Превозмоги, сударь,

недостойное мужчины малодушие! Давай же, милорд! Труба зовет — пора в седло запрыгивать и гнать во весь опор!

— Пожалуй, воздержусь, — натянуто рассмеялся Марвин.

Лапища величиной с чилийское пончо — и примерно такой же формы — схватила его за горло.

— Нет, ты не воздержишься, паршивое, трусливое, самозацикленное, нарциссичное ничтожество! Ты все сделаешь так, как надо! Не то, клянусь Аресом, я сломаю твою хилую трахею, как шею куренка в Михайлов день!

Явно назревала трагедия, поскольку похоть сделала женщину глухой к голосу здравомыслия, в то время как Марвиново прославленное копье скукожилось до размеров горошины. (Так слепая природа, защитив Флинна от одной угрозы, взялась провоцировать другую.)

Но тут бродяга, подчиняясь диктату пусть не пристрастия своего, но разума, выхватил из-за револьверного пояса веер, жеманно порхнул к разъяренной бесовке и хлопнул ее по носорожьему плечу.

— Не смей его обижать! — приказал бродяга тонюсеньким контральто.

— Вот-вот! — вторил ему Марвин хоть и не в

лад, но без промедления. — Скажи ей, чтобы прекратила меня лапать! Ну что это такое, в самом-то деле: из дому ввечеру не выйти без того, чтобы влипнуть в какой-нибудь скверный инцидент…

— Не плачь! Ради бога, не плачь! — осадил его бродяга. — Знаешь же: я не выношу твоих слез.

— Я не плачу, — всхлипнул Марвин. — Просто она мне рубашку испортила. Твой подарок!

— Куплю тебе другую, — пообещал бродяга. — Но мне не пережить очередной сцены!

За этим диалогом шлюха следила с отвисшей от изумления челюстью, и Марвин воспользовался ее замешательством, чтобы вытащить из инструментального ящика гвоздодер, в надежде освободиться от стальной хватки толстых побагровевших пальцев. Это удалось, и мужчины, не теряя ни мгновения, шмыгнули за дверь, юркнули за угол, огромными прыжками пересекли улицу и предались бегу с препятствиями в направлении спасительной околицы.

Глава 17

Как только непосредственная угроза миновала, Марвин пришел в себя. Морок метафорической деформации на миг рассеялся, и наш герой получил перцептуально-экспириентальную ремиссию. Со всей беспощадной ясностью он осознал, что «бродяга прерий» на самом деле огромный жук-паразит, принадлежащий к виду *S Cthulu.* Жука ктулу ни с кем не спутаешь, у него вторичный слюнной проток расположен чуть ниже и левей субэзофагеального ганглия.

Эти насекомые питаются чужими эмоциями, поскольку их собственные давно атрофировались. Обычно они хоронятся в тенях или ночной мгле, ждут, когда в пределах досягаемости членистой верхней челюсти появится беззаботный цельсианин. Именно это случилось с Марвином.

Как только наш герой осознал происшедшее, он обрушил на ктулу такой мощный заряд ярости, что жук, жертва собственных сверхчутких эмоциональных рецепторов, без чувств рухнул посреди дороги. Марвин же, удовлетворенный результатом, поправил на себе золотисто-бронзовый

панцирь, встопорщил усики и пошел дальше.

Флинн достиг моста, пересекавшего огромную реку песка. И там, стоя на среднем пролете, он смотрел вниз, на черный поток, неудержимо бегущий вдаль, к неведомому песчаному морю. Зрелище до того загипнотизировало его, что кольцо в носу, этот роковой хронометр, тикало втрое быстрей, чем билось сердце.

И вот о чем он думал.

Мосты — это вместилища взаимоисключающих идей. Их горизонтальное простирание говорит о нашей способности достичь чего-то запредельного, а вертикальная крутизна напоминает о неизбежности фиаско, о неминуемости гибели. Мы рвемся вперед, сметая преграды, но под ногами у нас разверста первобытная бездна. Мы строим, конструируем, производим, но смерть — верховный зодчий, она не зиждет вершин, с которыми не соседствуют пропасти.

О цельсиане, прокладывайте ваши добротные мосты через тысячи рек, связывайте ими разные формы рельефа. Но грош цена этим трудам, ибо земля под ногами терпелива, она молча ждет своего часа. Есть у вас, цельсиане, дорога, но она наверняка приведет к печальному концу. Великомудры вы, цельсиане, а самый важный урок

так и не усвоили: сердце создано для того, чтобы принять удар копья, все же прочее — побочные эффекты.

Вот такие мысли рождались у Марвина, стоявшего на мосту. И объяла его страсть душевная, желание покончить с желанием, отречься от удовольствий и страданий, избыть суетную тягу к удачам и неудачам, отвлечься от псевдопроблем и заняться главным делом всей жизни, коим является смерть.

Он медленно взобрался на парапет и застыл над извилистыми песчаными струями. И вдруг краем глаза увидел, как от пилона отделилась тень, осторожно приблизилась к парапету, выпрямилась, балансируя над бездной, и опасно наклонилась вперед…

— Стой! Прекрати! — вскричал Марвин.

У него самого вмиг пропала суицидальная тяга. Ее вытеснил страх за живое существо, которому угрожала гибель.

Тень ахнула и опрокинулась, сорвалась в разверстую бездну. Но Марвин успел подскочить и поймать за лодыжку.

Получившийся при этом рычаг едва не перебросил его самого через ограждение. Но Флинн успел принять меры: вдавил присоски в пори-

стый камень тротуара, как можно шире раскинул нижние конечности, двумя верхними обвил фонарный столб и оставшимися двумя руками усилил хватку на ноге самоубийцы.

Несколько мгновений равновесие оставалось неустойчивым, но затем сила спасателя одержала верх над весом спасаемого. Очень медленно и осторожно Марвин тянул к себе; смещал захват от нижнего членика ноги к тибии; не смел даже дух перевести, пока суицидник не оказался в безопасности, то есть на полотне моста.

К этому моменту у Марвина успели начисто выветриться самогубительные желания. Он шагнул вперед, схватил спасенного за плечи, яростно встряхнул.

— Дурак! Болван! Идиот! — прокричал Марвин. — Как же можно быть таким трусом? Только кретин или безумец выберет этот способ ухода из жизни. Да неужто в тебе нет ни капли мужества, чертов ты…

Он не закончил ругательства. Несостоявшийся самоубийца глядел на него и дрожал, пряча глаза. И только сейчас Марвин понял, что спас женщину.

Глава 18

Позже, в отдельной кабинке ресторана у моста, Марвин попросил прощения за грубые слова, конечно же вызванные шоком, а не антипатией. Но женщина деликатным пощелкиванием когтя дала понять, что извинения излишни.

— Боюсь, ваш анализ верен, — сказала она. — Я и есть идиотка или сумасшедшая, а может, и то и другое. Зря вы меня удержали.

Марвин оценил внешность собеседницы. Миниатюрная, едва ему по грудной отдел, но сложена безупречно. Милая цилиндричность средней части туловища; гордо вынесенная чуть вперед и чарующе отклоненная на пять градусов от вертикали голова. Лицо восхищает и изящной выпуклостью лба, и угловатостью длинного подбородка, и всеми прочими чертами. Княжеского покроя атласный кушак скромно прикрывает два яйцеклада, оставляя на виду соблазнительно лоснящуюся зеленую кожу между ними. Ноги — все до одной — увиты оранжевыми лентами, но так, чтобы не прятать гибкие суставы.

И пусть она потенциальная самоубийца, но

другой такой красавицы на Цельсе Марвин еще не встречал. У него пересохло в горле и вскачь пустился пульс. Наш герой поймал себя на том, что неотрывно смотрит на белый атлас, прячущий и одновременно выставляющий напоказ круто скошенные яйцеклады. Марвин отвел взгляд, но тот сразу же зацепился за длинную членистую конечность и был пленен этим чудом чувственности. Флинн спохватился и, залившись краской, заставил себя смотреть на элегантный складчатый шрам на лбу собеседницы. А она как будто не замечала липкого мужского внимания. Без малейшего смущения красавица произнесла:

— Пожалуй, нам следует познакомиться, раз уж так сложились обстоятельства.

Оба от души посмеялись над шуткой.

— Меня зовут Марвин Флинн.

— А я Фтистия Хельд, — сказала молодая женщина.

— Буду звать вас Кэти, если не возражаете.

Они снова рассмеялись, а затем Кэти спохватилась:

— Ой, как время-то летит! Мне пора. Позвольте еще разок поблагодарить вас за спасение.

— Ну что ж… — вздохнул Марвин, вставая. — Скажите, когда я снова смогу вас увидеть?

— Никогда, — ответила она тихо.

— Но как же так?! — воскликнул Марвин. — Я наконец-то встретил вас — и потерять не согласен!

Кэти печально покачала головой:

— Обещайте хоть изредка вспоминать обо мне.

— Давайте не будем прощаться! — взмолился Марвин.

— Ничего, вы справитесь, — пообещала она без жестокости.

— И навсегда перестану улыбаться.

— Какая-нибудь женщина заменит вам меня.

— Вы искушение![12] — в гневе воскликнул Флинн.

— Мы с вами — два корабля, что встретились в пути и скрылись, перекликнувшись, во мраке[13], — возразила Кэти.

— Ужель не встретимся мы больше?[14]

— Только время скажет[15].

---

[12] Примечания: 12

Из песни «Temptations», впервые прозвучавшей в кинофильме «По дороге в Голливуд» (1933) в исполнении Бинга Кросби.

[13] Примечания: 13

Из стихотворения Г. Лонгфелло «Элизабет. Рассказ богослова».

[14] Примечания: 14

Название терцета из «Волшебной флейты» В. Моцарта.

[15] Примечания: 15

«Time Alone Will Tell» — блюз из репертуара Эллы Фицджеральд.

— Моя молитва — о том, чтобы еще побыть с тобой[16].

— На восток от Солнца, на запад от Луны[17]. — С этими словами она круто развернулась и выскочила за дверь.

Проводив ее взглядом, Марвин пересел к барной стойке.

— Одну — за мою крошку, другую — на дорожку[18], — заказал он.

— Женщины двуличны[19], — сочувственно прокомментировал бармен, наливая выпивку.

— Я схожу по ней с ума, мне тоскливо без ее блюзов, — пожаловался Марвин.

— Парню нужна девушка[20], — кивнул бармен.

Марвин выпил и протянул стакан:

---

[16] Примечания: 16

Из композиции Гленна Миллера «My Prayer».

[17] Примечания: 17

Так называется песня из репертуара Эллы Фицджеральд и знаменитый сборник сказок, составленный норвежскими фольклористами Петером Кристеном Асбьернсеном и Йоргеном Му.

[18] Примечания: 18

«One for My Baby (and One More for the Road)» — песня из репертуара Фрэнка Синатры.

[19] Примечания: 19

Из «Blues in the Night» Фрэнка Синатры.

[20] Примечания: 20

«A Fellow Needs a Girl» — песня из репертуара Фрэнка Синатры.

— Розовый коктейль для голубой леди[21].

— Возможно, она утомлена[22], — предположил бармен.

— Даже не знаю, за что я ее так люблю, — сообщил Марвин. — Но знаю, по крайней мере, почему не светит в небе солнце. И нет мне в одиночестве покоя, бередит она мне душу, словно теньканье пианино в соседней квартире. Как бы ни относилась она ко мне сейчас, я всегда буду рядом. Может, это просто одна из тех вещей[23], но я вспомню апрель[24], и ее, и как вечерний бриз ласкал деревья[25], но не для меня, и…

Неизвестно, сколь долго причитал бы еще Марвин, если бы не раздался шепот, чей источник находился на уровне его ребер и двумя футами левее:

— Эй, мистер…

Марвин обернулся и увидел на соседнем вы-

---

[21] Примечания: 21
«A Pink Cocktail for a Blue Lady» — композиция Гленна Миллера.

[22] Примечания: 22
Из песни Отиса Реддинга «Try a Little Tenderness».

[23] Примечания: 23
«It Was Just One of Those Things» — песня Фрэнка Синатры.

[24] Примечания: 24
«I'll Remember April» — композиция Эррола Гарнера.

[25] Примечания: 25
Из композиции Сары Воан «Tenderly».

соком табурете маленького, толстого, небрежно одетого цельсианина.

— Чего надо? — хмуро спросил Флинн.

— Ты небось хочешь снова увидеть эту мучачу, такую красивую?

— Да, хочу. Но чем ты можешь…

— Частный сыщик, розыск пропавших людей, результат гарантирован, иначе аванс возвращается до последнего цента.

— Что у тебя за акцент? — поинтересовался Марвин.

— Ламбробийский, — ответил детектив. — Меня зовут Хуан Вальдес, я с юга, из страны вечной фиесты, решил попытать счастья в большом городе на *норте*[26].

— Песчаная спина, — проворчал бармен.

— Как-как ты меня назвал? — с подозрительной невозмутимостью осведомился малорослый ламбробиец.

— Я тебя, паршивая песчаная спина, назвал паршивой песчаной спиной[27]*, — прорычал бармен.*

---

[26] Примечания: 26

Norte *(исп.)* — север.

[27] Примечания: 27

Аналогия с «мокрой спиной» (wetback) — унизительным прозвищем нелегального иммигранта в США. Поначалу так называли мексиканцев, переплывших пограничную реку Рио-Гранде.

— Так я и думал, — сказал Вальдес.

Он выхватил из-за камербанда длинный обоюдоострый нож, и бармен мгновенно скончался от точного удара в сердце.

— Сеньор, я, вообще-то, человек незлой, — обратился частный сыщик к Марвину. — Меня не очень-то легко вывести из себя. Если на то пошло, в моей родной деревне Монтана-Верде-де-лос-Трес-Пикос я прослыл совершенно безобидным. Я был крестьянином — выращивал бутоны пейотля на высоких горах Ламбробии, под сенью дерева, которое у нас зовется сомбреро, и не чаял себе иной судьбы, потому что такого пейотля и таких бутонов нет больше нигде в мире.

— Что ж, могу тебя понять, — сказал Марвин.

— Но тем не менее, — продолжал посуровевший Вальдес, — когда я слышу брань из уст эксплуататора дель норте, когда он косвенным образом оскорбляет тех, кто родил и вскормил меня, — поверьте, сеньор, в такой момент багровая пелена застит мне взор, клинок сам прыгает в ладонь и оттуда без задержки устремляется в сердце негодяя, предавшего бедняцких детей.

— С кем не бывает, — посочувствовал Марвин.

— Но не сомневайтесь, — попросил Вальдес, — острое чувство собственного достоинства не

мешает мне оставаться по-детски наивным, отзывчивым и покладистым.

— Да я и сам уже заметил, — сказал Марвин.

— Вот и отлично. Перейдем к делу. Вы же хотите нанять меня для поиска девицы? El buen pano en el arca se vende, verdad?[28]

— Si, hombre[29]*, — рассмеялся Марвин.*

И два товарища рука об руку зашагали под ночным небом, в котором звезды блистали, как наконечники копий несметного войска.

---

[28] Примечания: 28
Хороший товар сам себя хвалит, правда же? *(исп.)*

[29] Примечания: 29
Да, приятель *(исп.)*.

Глава 19

За порогом ресторана Вальдес запрокинул к небесам усатое коричневое лицо и нашел созвездие Завистника, которое в северных широтах безошибочно указывало на северо-северо-восток. Он взял это направление за исходное и учел дополнительные факторы, такие как дующий в щеку ветер (западный, пять миль в час) и мох на деревьях (растет на северной стороне дерева листопадус со скоростью один миллиметр в день). Не осталась забытой и западная погрешность (один фут на милю из-за сноса), и погрешность южная (пять дюймов на сто ярдов из-за совокупного эффекта тропизма). Когда же все параметры были определены, Вальдес двинулся в юго-юго-западном направлении.

Марвин пошел следом. Через час они оказались за городом, на колючей стерне. Спустя еще час исчезли последние признаки цивилизации. Кругом дикая земля, усыпанная кусками гранита и маслянистого полевого шпата.

Вальдес шагал как заведенный, не выказывая намерения остановиться, и в Марвине зашевели-

лось сомнение.

— Может, скажешь наконец, куда мы идем? — не выдержал он.

— Туда, где найдем твою Кэти. — На добродушном лице, покрытом густым загаром сьерры, белоснежно блеснули зубы.

— Она что, живет так далеко от города?

— Понятия не имею, где она живет, — пожал плечами Вальдес.

— Ты шутишь?!

— Нет, я не шучу.

Марвин остановился:

— Но ты же сказал, что знаешь!

— Не говорил и даже не намекал. — Вальдес наморщил смуглый лоб. — Я сказал, что помогу тебе ее найти.

— Но если ты не знаешь, где она живет, как…

— Это не имеет ни малейшего значения, — перебил Вальдес, воздев жесткий бурый палец. — Мы не ставили себе задачу выяснить, где живет Кэти. Наша цель ясна и проста: найти Кэти. По крайней мере, так я это понимаю.

— Да-да, конечно, — кивнул Марвин. — Но если мы идем не туда, где она находится, то куда же мы идем?

— Туда, где она окажется, — невозмутимо отве-

тил Вальдес.

— А-а… — протянул Марвин.

За царством дивно-грандиозных минеральных образований их ждали кустистые отроги, усталыми моржами лежащие вокруг лоснящегося синего кита — величавого горного кряжа. Миновал еще час, и Марвин вновь забеспокоился. Но на сей раз свою тревогу он выразил иносказательно, надеясь хитростью вытянуть из спутника правду.

— Давно ты знаешь Кэти? — спросил Флинн.

— Не имел удовольствия с ней познакомиться.

— Это что же получается, ты впервые ее увидел в ресторане рядом со мной?

— К сожалению, я и там ее не видел, так как во время вашего разговора находился в туалете: у меня шел почечный камень по мочеточнику. Может, и заметил ее мельком, когда она уже направлялась к выходу, но, скорее всего, это красная вращающаяся дверь создала доплеровский эффект.

— Стало быть, тебе о Кэти не известно ровным счетом ничего?

— Мне известно лишь то немногое, что я услышал от тебя. А это, если называть вещи своими именами, практически ничего.

— И как же ты можешь привести меня туда, где она будет находиться? — спросил Марвин.

— Это же элементарно, — сказал Вальдес. — Потрать минутку на рефлексию, и суть дела станет совершенно прозрачной.

Марвин потратил несколько минуток, но суть дела на его рефлексию отвечала непрошибаемой рефракцией.

— Давай рассуждать логически, — предложил Вальдес. — Какая у меня задача? Найти Кэти. Что мне известно о Кэти? Ничего.

— Не очень-то многообещающе звучит, — сказал Марвин.

— Но это только половина проблемы. Итак, мы установили, что я ничего не знаю о Кэти. Следующий вопрос: что я знаю о поисках?

— Чего-чего? — переспросил Марвин.

— Так уж вышло, что о поисках я знаю все! — торжественно заявил Вальдес, сопроводив слова широким жестом терракотовых рук. — Так уж вышло, что я специалист по Теории Обнаружения!

— Чего-чего? — повторил Марвин.

— Теории Обнаружения, — ответил Вальдес чуть менее торжественно.

— Я понял. — На Марвина услышанное не произвело впечатления. — Что ж… это здорово, и я

уверен, теория очень даже неплоха. Но если ты ничего не знаешь о Кэти, то какой от этой твоей теории может быть прок?

Вальдес вздохнул тяжело, но без досады и тронул усы красновато-коричневыми пальцами.

— Приятель, если бы ты имел исчерпывающую информацию о Кэти, если бы знал, с кем она дружит, какие у нее привычки, симпатии, антипатии, желания, надежды, фобии, мечты, намерения и тому подобное, — неужели у тебя был бы шанс ее найти?

— Безусловно, — ответил Марвин.

— Притом что ты не владеешь Теорией Обнаружения?

— Да.

— Ладно, — сказал Вальдес, — давай эту же логику применим к противоположной ситуации. Я владею Теорией Обнаружения, изучил ее досконально, а следовательно, мне ничего не нужно знать о Кэти.

— И ты уверен, что это работает? — спросил Марвин.

— А как же иначе? Уравнение есть уравнение. Решать его с другого конца, может, и дольше, но на результат это не влияет. Да если на то пошло, отсутствие сведений о Кэти нам только на руку.

Конкретные сведения порой вредят четкому функционированию Теории. В нашей же ситуации этот негативный фактор исключен.

Они упорно продвигались вперед по набирающему крутизну горному склону, борясь с порывами злобно свистящего ветра. Под ногами уже похрустывал иней. Вальдес делился своими познаниями в Теории Обнаружения, приводил типичные случаи: Гектор пытается найти Лисандра, Адам разыскивает Еву, Галахад охотится за Святым Граалем, Фреду С. Доббсу подавай сокровища Сьерра-Мадре, Эдвин Арлингтон Робинсон ищет просторечного самовыражения в типично американском антураже, Гордон Слай расследует дело Наяды Маккарти, энергия не обходится без энтропии, куда Инь, туда и Ян…

— Из этой конкретики, — заключил Вальдес, — мы можем вывести главную формулу Обнаружения и ее наиболее важные подформулы.

Марвин был слишком подавлен, чтобы както прокомментировать услышанное. До него внезапно дошло, что в этой стылой безводной пустыне можно протянуть ноги.

— И вот что любопытно, — продолжал Вальдес. — Теория Обнаружения сразу же навязывает нам постулат: ничто не может потеряться иде-

ально, то есть окончательно. Сам посуди: чтобы чему-то пропасть, необходимо иметь место, где оно сможет пропасть. Но найти такое место невозможно, поскольку простая множественность не подразумевает качественной дифференциации. В контексте Теории Обнаружения это означает, что любое место похоже на все остальные места. Следовательно, мы можем заменить концепцию Потери концепцией Неопределенного Местонахождения, каковая, конечно же, доступна логико-математическому анализу.

— Но ведь Кэти на самом деле не потерялась, — возразил Марвин. — Получается, на самом деле мы не можем ее найти.

— Формула по своей сути верна, — сказал Вальдес. — Но в идеальном виде, разумеется, она малоприменима в нашей ситуации. Для достижения наилучшего результата мы должны усовершенствовать Теорию Обнаружения. А конкретно необходимо изменить полярность у ее главного постулата и пересмотреть базовые концепции Потери и Обнаружения.

— Все это очень сложно, — пожаловался Марвин.

— Сложность тут скорее кажущаяся, чем реальная, — уверил его Вальдес. — Решение проблемы

зависит от ее анализа. Мы исходим из предположения, что Марвин ищет Кэти. Это вполне однозначно описывает ситуацию, я прав?

— Думаю, да, — осторожно ответил Марвин.

— Ну а коли так, что подразумевает формула?

— Формула подразумевает… Формула подразумевает, что я ищу Кэти.

Вальдес раздраженно покачал орехового цвета головой:

— Смотри глубже, мой нетерпеливый юный друг. Дело не в конкретной личности. Формула определяет процесс твоего поиска, а следовательно, подразумевает пассивность ситуации «Кэти находится неизвестно где». Но это не может соответствовать действительности. Пассивность для Кэти недосягаема в силу того, что кто-то всегда кого-то ищет, тут не бывает исключений. Мы должны принять, что Кэти (кто-то) ищет тебя, ведь приняли же мы, что ты ищешь ее (кого-то). Итак, мы получили первую производную: Марвин ищет Кэти, которая ищет Марвина.

— Ты всерьез думаешь, что она меня ищет?

— Разумеется, ищет, даже если не знает об этом. Она же все-таки самостоятельная личность, ее нельзя расценивать как объект, просто как нечто потерянное. Мы должны уважать ее автоном-

ность и отдавать себе отчет в том, что если ты ее разыскиваешь, то и она равным образом разыскивает тебя.

— Никогда об этом не думал, — сказал Марвин.

— Все достаточно просто, если понимаешь Теорию. А теперь, чтобы обеспечить успех, нам нужно выбрать оптимальную процедуру Обнаружения. Очевидно же: пока вы оба в активном поиске, ваши шансы найти друг друга весьма малы. Представь, как два человека ищут друг друга в заполненных людьми проходах огромного универмага. А теперь вообрази совсем иную ситуацию: один вооружен совершенной стратегией поиска, а другой стоит на месте и ждет, когда его найдут. Математическое обоснование покажется тебе сложноватым, так что лучше поверь на слово. Лучший способ для тебя (для нее) найти ее (тебя) — это кто-то ищет, а кто-то позволяет себя отыскать. Конечно же, в пластах народной мудрости можно найти достаточно подтверждений тому.

— И что же нам предпринять?

— Я же только что сказал! — рассердился Вальдес. — Один ищет, другой ждет. Контролировать действия Кэти мы не можем, а значит, вынуждены предположить, что она, подчиняясь

инстинктам, разыскивает тебя. Поэтому ты должен усмирить собственные инстинкты и дать ей возможность тебя найти.

— То есть мне нужно просто ждать?

— Вот именно.

— И ты взаправду веришь, что она меня разыщет?

— Голову даю на отсечение.

— Гм… ладно. Но в таком случае куда мы идем?

— Туда, где ты будешь ждать. В Теории это называется Местом Нахождения.

Увидев на лице Марвина недоумение, Вальдес объяснил:

— Математически все места потенциально равны, в том смысле, что имеют одинаковые шансы на удачное завершение проводимого Кэти поиска. Следовательно, мы можем выбрать Место Нахождения наугад.

— И что же за место ты выбрал? — поинтересовался Марвин.

— Поскольку разницы нет никакой, — ответил Вальдес, — я предпочел деревню Монтана-Верде-де-лос-Трес-Пикос в провинции Аделанте государства Ламбробия.

— Твою родную деревню?

— Вообще-то, да. — Вальдеса слегка удивила и

порадовала догадливость собеседника. — Наверное, потому-то она и пришла сразу мне на ум.

— А далеко отсюда до Ламбробии?

— Расстояние приличное, — признал Вальдес, — но время зря не пропадет, ведь я научу тебя логике, а еще нашим народным песням.

— Это нечестно, — пробормотал Марвин.

— Друг мой, — сказал Вальдес, — когда соглашаешься принять помощь, готовься к тому, что полученное будет отличаться от ожидаемого. Да, у меня имеются человеческие недостатки, я никогда этого не скрывал. Но попрекать ими — верх неблагодарности.

И Марвину пришлось довольствоваться тем, что дают, ведь он в одиночку наверняка заблудился бы на обратном пути. Флинн и Вальдес пошли дальше, и народных песен они спели уйму, а что до логики, то для нее в горах было слишком холодно.

Глава 20

И вот они уже поднимаются по зеркально-гладкому склону огромной горы. Свистит и воет ветер, теребит одежду, кусает застуженные пальцы. Все трудней находить опоры для ног и рук, все опасней на манер гусеницы всползать по предательски хрупкому льду.

Любые неприятности Вальдес претерпевал с невозмутимостью святого.

— Да-а, нам тру…дно, — с ухмылкой пропыхтел он. — Но раз…ве твоя лю…бовь к этой жен…щине не стоит то…го?

— Конечно стоит, — пробормотал Марвин.

Однако его уже одолевали сомнения. Ведь он почти не знал Кэти, даже часа в ее обществе не провел.

Вдруг загрохотало, и лавина — многие тонны белой смерти — сошла в считаных дюймах от изнуренных восходителей. Вальдес умиротворенно улыбнулся, Флинн обеспокоенно нахмурился.

— Преодолев все лишения и тяготы, — с пафосом заговорил Вальдес, — ты поднимешься на вершину успеха; ты обретешь счастье, у которого

лицо и тело твоей возлюбленной.

— Ну да, — вздохнул Марвин.

Вокруг кувыркались, взблескивали ледяные копья, срываясь с каменных карнизов. Флинн подумал о Кэти — и поймал себя на том, что не может вспомнить, как она выглядит. Не слишком ли ты перехвалена, любовь с первого взгляда?

И вот перед верхолазами простерлась бездна. Марвин заглянул в нее, окинул взором лежащие дальше ледяные поля и пришел к неутешительному выводу: игра и впрямь не стоит свеч.

— По-моему, — произнес он, — пора идти назад.

Вальдес чуть улыбнулся, задержавшись на самом краю суицидально-крутого ледяного спуска в зимнюю преисподнюю.

— А ведь я знаю, дружище, почему ты так говоришь.

— Да неужели?

— Знаю, знаю. Ясно же: ты не хочешь, чтобы я и дальше рисковал жизнью в твоем безумно-грандиозном предприятии. Ясно и то, что ты намерен продолжать это путешествие в одиночку.

— Ты это всерьез?

— Точно-точно. Слепому видно, что несгибаемая натура не позволит тебе отступиться и ты

преодолеешь все препятствия во имя любви. Но при этом твою благородную и высокодуховную психику гложет мысль о том, что лучший товарищ, закадычный друг вынужден сопровождать тебя в отчаянной авантюре.

— Вообще-то, я не уверен… — начал Марвин.

— Зато я уверен, — перебил его Вальдес. — И вот мой ответ на твой невысказанный вопрос: дружба, как и любовь, не знает преград!

— Гм… — сказал Марвин.

— А потому, — продолжал Вальдес, — я тебя не оставлю. Мы продолжим путь вместе и, если понадобится, рука об руку войдем в разверстую пасть погибели ради твоей обожаемой Кэти.

— Это очень любезно с твоей стороны, — проговорил Марвин, озирая высящиеся впереди кручи, — но я едва знаю Кэти и не уверен, что мы достаточно экипированы для похода. Может, лучше все-таки…

— Твоим словам недостает убежденности, мой юный друг, — рассмеялся Вальдес. — Прошу, не беспокойся за меня.

— Вообще-то, я за себя беспокоюсь, — сказал Марвин.

— Не верю! — радостно воскликнул Вальдес. — Жаркая страстность твоей души опровергает

расчетливую холодность речей. Вперед, дружище!

Очевидно, частный детектив вознамерился привести Марвина к Кэти даже против его воли. Пожалуй, единственный выход — отключить его внезапным ударом в челюсть и на закорках отнести в цивилизованные края, а заодно и самому спастись.

Марвин осторожно двинулся вперед. Вальдес попятился.

— Нет-нет, приятель! — вскричал он. — Беззаветная любовь снова высвечивает твои побуждения. Вырубить меня хочешь, я угадал? А потом, обеспечив мне безопасность, уют и провиант, пуститься дальше в белые дебри. Но я на это не согласен. Мы пойдем вместе, компадре.

И Вальдес, взвалив на плечи всю их кладь, двинулся вниз по крутому склону. Марвину ничего не оставалось, как последовать.

Не будем утомлять читателя отчетом о многотрудном переходе через горы Муреску, скажем лишь, что мучений влюбленному Марвину и его верному спутнику хватило с избытком. Также не будем описывать подробно досаждавшие путешественникам диковинные галлюцинации и охватившее Вальдеса временное безумие, когда

он возомнил себя птицей, способной перелететь через тысячефутовое ущелье. Никому, кроме специалистов, не интересен и психологический процесс, который вел Марвина от раздумий о его собственных лишениях к раздумьям об искомой юной даме, от легкой симпатии к всепоглощающей любовной страсти.

Достаточно сказать, что все это было и что путешествие через горы заняло уйму дней и сопровождалось уймой эмоций. Но однажды оно все-таки закончилось.

Взойдя на последний гребень, Марвин вместо ледяных полей увидел купающиеся в летнем солнце зеленые пастбища и покатые лесистые холмы, а еще деревушку, угнездившуюся в излучине небыстрой речки.

— Это… она? — спросил Флинн.

— Да, сынок, — тихо ответил Вальдес. — Это деревня Монтана-Верде-де-лос-Трес-Пикос в провинции Аделанте страны Ламбробия, в долине Голубой Луны.

Марвин поблагодарил своего пожилого гуру (а как еще назвать роль, сыгранную этим наивным и безгрешным поводырем?) и начал спуск к Месту Нахождения, где ему предстояло дождаться Кэти.

Глава 21

Монтана-Верде-де-лос-Трес-Пикос! Вот она, среди хрустальных озер и высоких гор, простодушная, добросердечная, занимается неспешным крестьянским трудом под изогнувшими лебединые шеи пальмами. И в полночь, и в полдень с зубчатых стен старого замка слетает жалобный перезвон гитар. Каштановокожие девы ухаживают за пыльными виноградными лозами под присмотром усатых касиков, чье волосатое запястье сонной змеей обвил кнут. И вот на этот очаровательно-ностальгический островок минувшей эпохи ступила нога Марвина Флинна, ведомого верным Вальдесом.

Сразу за деревней на пологом склоне приютилась посада, гостиница. Туда-то и увлек Вальдес Марвина.

— Ты правда думаешь, что лучше ждать тут?

— Нет, я так не думаю, — с мудрой улыбкой ответил поводырь. — Но если мы предпочтем гостиницу пыльной деревенской площади, то не позволим себя обмануть так называемому оптимуму. Вдобавок здесь гораздо удобнее.

Марвин почтил превосходный ум усатого товарища поклоном и пошел устраиваться в посаде. Он расположился за столиком на веранде — это место позволяло видеть весь двор и дорогу за ним. Подкрепившись бутылочкой вина, Марвин приступил, как того требовала Теория Обнаружения, к выполнению своей специфической задачи, то бишь к ожиданию.

Через час он углядел крошечное черное пятнышко, медленно движущееся по белой сияющей глади дороги. Приблизившись, пятнышко обернулось мужчиной далеко не первой молодости, согбенным под тяжестью громоздкого цилиндрического предмета. И вот наконец мужчина поднял изнуренное лицо и посмотрел прямо в глаза Марвину.

— Дядя Макс! — воскликнул тот.

— Ну, здравствуй, Марвин, — отозвался дядя Макс. — Может, предложишь стаканчик вина? Уж больно дорога пыльная.

Марвин наполнил стакан, сильно подозревая свои чувства в лжесвидетельстве, ведь дядя Макс необъяснимо исчез еще десять лет назад. Когда его видели в последний раз, он играл на поле Фэрхейвенского гольф-клуба.

— Что с тобой произошло? — спросил Марвин.

— На двенадцатой лунке провалился в хроноскладку, — ответил дядя. — Марвин, если вернешься когда-нибудь домой, поставь в известность правление клуба. Я не записной жалобщик, но считаю, что комитет по озеленению должен знать о проблеме. Неплохо бы оградить опасное место заборчиком или чем-нибудь еще… Пойми, я не о себе пекусь. Если в складку попадет ребенок, представляешь, какой будет скандал?

— Обязательно передам, — пообещал Марвин. — Ну а сейчас-то, дядя, куда ты путь держишь?

— У меня свидание в Самарре[30], — ответил дядя Макс. — Спасибо за вино, мой мальчик. Береги себя. Да, кстати, ты в курсе, что у тебя щелкает кольцо в носу?

— Да, — ответил Марвин. — Это мина.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказал Макс. — Прощай, Марвин.

И дядя поплелся дальше по дороге. За его спиной качалась сумка для клюшек, а «двойка» служила ему посохом. Марвин вернулся к ожиданию.

Через полчаса Флинн увидел новый силуэт. По

---

[30] Примечания: 30

Отсылка к древней ближневосточной притче, известной в пересказе С. Моэма.

дороге быстро шла женщина.

Охваченный сладостным предвкушением встречи, он привстал… и снова обмяк на стуле. Нет, это не Кэти. Всего лишь его мать.

— Далековато от дома ты забралась, мама, — тихо сказал он.

— Знаю, Марвин. Видишь ли, какая незадача: меня пленили торговцы белыми рабами.

— О господи! Как тебя угораздило?

— Все просто, — ответила мать. — В Рождество я с корзиной подарков пошла в гости к бедной семье, что живет в переулке Карманников, да угодила в полицейскую облаву, ну и еще много всякого случилось, и меня чем-то опоили, и вот просыпаюсь я в Буэнос-Айресе, в роскошном гостиничном номере, а рядом стоит мужчина, ухмыляется этак зловеще и спрашивает на ломаном английском, не желаю ли я поразвлечься. А когда я отвечаю «нет», он наклоняется ко мне и заключает в объятия — понятно, что с развратными намерениями.

— Боже! А ты?

— А я, — ответила мать, — на свое счастье, вспомнила приемчик, о котором рассказывала миссис Джасперсон. Известно ли тебе, что человека можно убить, если хорошенько стукнуть ему

снизу в нос? Представь, у меня получилось. Не скажу, что я в восторге от содеянного, хотя тогда мне это казалось хорошей идеей. Потом я мыкалась на улицах Буэнос-Айреса, попадала из одной передряги в другую и наконец оказалась здесь.

— Не желаешь ли вина? — спросил Марвин.

— Ты такой заботливый, — похвалила мать. — Но я не могу задерживаться.

— Куда же ты идешь?

— В Гавану, — ответила мать. — С посланием к Гарсиа[31]. Марвин, у тебя насморк?

— Нет. А что, голос чудной? Так это из-за мины в носу.

— Береги себя, Марвин, — сказала мать и поспешила дальше.

Шло время. Марвин поужинал в портико[32], выпив бутылку «Сангре де хомбре» 1936 года, и перебрался в густую тень беленого палладия. Солнце уже касалось золотым ореолом горных вершин. На дороге появился силуэт спешащего мимо гостиницы человека…

— Папа! — воскликнул Марвин.

---

[31] Примечания: 31
«Послание к Гарсиа» — знаменитая статья Элберта Хаббарда (1899).

[32] Примечания: 32
Портико (исп. portico*)* — веранда, крыльцо.

— Доброе утро, Марвин. — Отец был удивлен, но сумел это скрыть. — Не могу не отметить, что ты оказываешься в самых неожиданных местах.

— Про тебя я бы сказал то же самое.

Отец нахмурился, поправил галстук и взял портфель в другую руку.

— Сынок, в том, что я здесь, нет ничего странного. Обычно домой со станции меня отвозит твоя мать, но сегодня она что-то задерживается, вот я и решил пойти пешком. А раз уж пешком, то почему бы не срезать путь через поле для гольфа?

— Понятно, — сказал Марвин.

— Но к сожалению, — продолжал отец, — короткий маршрут оказался не так уж и короток. По этой сельской местности я шагаю уже час, если не больше.

— Папа, — сказал Марвин, — не знаю, как ты это воспримешь, но факт в том, что мы с тобой не на Земле.

— Не вижу ничего смешного, — строго ответил отец. — Я и сам уже понял, что сбился с пути: в штате Нью-Йорк едва ли можно найти такую архитектуру. И тем не менее я убежден: если и дальше идти этой дорогой, то ярдов через сто, а может, чуть дальше будет Аннандейл-авеню, которая приведет меня к перекрестку Мейпл-стрит

и Спрюс-лейн. А уж оттуда до дома рукой подать.

— Пожалуй, ты прав. — В спорах с отцом Марвин никогда не одерживал верх.

— Мне надо идти, — сказал отец. — Кстати, Марвин, ты в курсе, что у тебя в носу… скажем так, посторонний предмет?

— Да, папа, — ответил Марвин. — Это взрывное устройство.

Отец хмуро посмотрел на сына, сокрушенно покачал головой и пошел дальше.

— Не понимаю, — сказал позже Марвин Вальдесу, — почему все эти люди меня находят? Это вовсе не кажется естественным.

— Да, это неестественно, — подтвердил Вальдес. — Но это и неизбежно, что гораздо важнее.

— Пусть неизбежно, — сказал Марвин, — но еще и абсолютно невероятно.

— Правильно, — согласился Вальдес. — Однако мы предпочитаем называть данное явление вынужденной вероятностью. Это, так сказать, недетерминированный сопутствующий эффект Теории Обнаружения.

— Боюсь, я не вполне понимаю, — сказал Марвин.

— Все достаточно просто. Теория Обнаружения — чистая теория. На бумаге она работает

безупречно и не имеет умозрительных опровержений. Но чистая теория — это идеал, а когда мы пытаемся применить идеал на практике, возникают сложности, из которых главная — феномен неопределенности. Проще всего объяснить это так: существование теории влияет на ее работу. Видишь ли, теория не может учитывать воздействие собственного существования на себя. В идеале Теория Обнаружения эффективна во вселенной, где Теории Обнаружения нет. На практике же — и в этом наша проблема — в мире, где должна работать Теория Обнаружения, существует Теория Обнаружения. Это так называемое отзеркаливание, или дубликация эффекта. По мнению некоторых мыслителей, весьма вероятна и крайне опасна бесконечная дубликация, при которой Теория под воздействием Теории бесконечно преобразуется и достигает наконец энтропийного состояния, когда все вероятности равноценны. Этот аргумент, известный под названием «софизм фон Грюмана», наглядно показывает, насколько неразумно прямые последствия события увязывать с его причиной. Теперь понятно?

— Кажется, да, — сказал Марвин. — Но нельзя ли объяснить, как именно существование Теории

влияет на Теорию?

— Так ведь я уже объяснил, — сказал Вальдис. — Первичное, оно же «естественное», воздействие Теории Обнаружения на Теорию Обнаружения, безусловно, усиливает значение лямбды-хи.

— Гм… — протянул Марвин.

— Лямбда-хи — это не что иное, как символическое представление обратной зависимости всех возможных поисков от всех возможных находок. Когда лямбда-хи растет благодаря неопределимости или иным факторам, вероятность неудачного исхода поиска быстро снижается почти до нуля, в то время как вероятность успеха взлетает к единице. Это так называемый Фактор Стремления к Полновариантности.

— Правильно ли я понял, — сказал Марвин, — что воздействие Теории Обнаружения на Теорию Обнаружения имеет следствием Фактор Стремления к Полновариантности, благодаря чему любые поиски заканчиваются успешно?

— Абсолютно правильно, — подтвердил Вальдес. — Твоя формулировка элегантна, пусть и излишне строга. Все возможные поиски со временем дадут желаемый результат — при условии, что в течение этого срока будет действовать Фактор Стремления к Полновариантности.

— И это значит, — сказал Марвин, — что Теория гарантирует мне встречу с Кэти?

— Да, — твердо пообещал Вальдес. — Ты не можешь не найти Кэти. Более того, ты найдешь любого, кого захочешь. Единственное ограничение — ФСП, Фактор Стремления к Полновариантности.

— То есть? — насторожился Марвин.

— Как я уже сказал, поиск будет успешен при условии, что он уложится в срок действия ФСП. Но срок действия ФСП варьируется в диапазоне от шести целых трех десятых микросекунды до тысячи пяти целых тридцати четырех тысяч пятисот сорока трех стотысячных года.

— А в моем случае какой у ФСП срок? — спросил Марвин.

— Всем хочется знать ответ на этот вопрос, — добродушно рассмеялся Вальдес.

— То есть ты сказать не можешь?

— Друг мой, только на то, чтобы узнать о существовании Фактора Стремления к Полновариантности, человечеству понадобилось несколько веков. Будь он не столь вариабелен, возможно, нам бы удавалось находить численное выражение для каждого возможного случая. Но увы, ФСП совершенно неуловим. Между прочим, расчеты

его вероятностей — совершенно новая область математики, в которой никто не рискнет назвать себя экспертом.

— Этого-то я и боялся, — вздохнул Марвин.

— Наука — суровый надзиратель, — кивнул Вальдес, но затем, ободряюще подмигнув, добавил: — Но и самому суровому надзирателю за всем не уследить.

— Хочешь сказать, что решение существует? — воспрянул Марвин.

— К сожалению, нелегальное, — ответил Вальдес. — Теоретики Обнаружения называют его контрабандным. Это, так сказать, утилитарное применение формулы, имеющее статистически высокую корреляцию с требуемыми решениями. Но контрабандное решение, как и сама Теория, не имеет рациональной основы, а значит, и доказательства своей состоятельности.

— Если оно все-таки работает, давай попробуем! — предложил Марвин.

— Я бы не советовал, — сказал Вальдес. — Так как питаю неприязнь к иррациональным формулам, сколь бы хорошие результаты они ни давали. Ведь эти результаты подталкивают к пугающему выводу, что высшая математическая логика целиком и полностью зиждется на низ-

менной абсурдности.

— Я настаиваю! — воскликнул Марвин. — В конце концов, это я веду поиск — значит мне и решать.

— В математическом плане тут нет никакой связи, — возразил Вальдес. — Но чувствую, ты не оставишь меня в покое, пока я не уступлю. — Грустно вздохнув, Вальдес вынул из своего ребосо[33] лист бумаги с огрызком карандаша и спросил: — Сколько у тебя в кармане монет?

Марвин сосчитал и ответил:

— Восемь.

Вальдес записал эту цифру, поинтересовался датой Марвинова рождения, номером социального страхования, размером обуви и ростом в сантиметрах. Затем попросил назвать наугад число между единицей и четырнадцатью. Добавил к этому несколько собственных чисел, после чего пару минут считал и бегло записывал.

— Ну как? — спросил Марвин.

— Прошу учесть: результат всего лишь статистически вероятен, — ответил Вальдес. — Никаких иных обоснований.

Марвин кивнул, и Вальдес добавил:

---

[33] Примечания: 33

Ребосо — традиционная мексиканская одежда универсального назначения, нечто среднее между шарфом и шалью.

— В твоем конкретном случае срок действия Фактора Стремления к Полновариантности заканчивается ровно через минуту сорок восемь секунд плюс-минус пять мини-микросекунд.

Марвину это показалось несправедливым, он уже был готов бурно запротестовать и осведомиться, почему Вальдес не произвел столь важные расчеты раньше. Но тут он глянул на дорогу — белую светящуюся полосу в густой синеве сумерек. И увидел фигурку, медленно приближающуюся к посаде.

— Кэти! — воскликнул он.

Да, это была Кэти.

— Поиск завершен за сорок три секунды до прекращения срока действия Фактора Стремления к Полновариантности, — отметил Вальдес. — Еще одно экспериментальное подтверждение состоятельности Теории Обнаружения.

Но Марвин его не слышал. Он со всех ног кинулся к дороге и заключил в объятия свою утраченную и вновь обретенную возлюбленную. А старина Вальдес, хитроумный друг и малословный спутник в великом походе, скупо улыбнулся своим мыслям и заказал еще бутылку вина.

Глава 22

И вот наконец они вместе — звездами предначертанная, планетами зачарованная, непостижимой алхимией приведенная в Место Нахождения очаровательная Кэти и Марвин со счастливой улыбкой на исхудавшем загорелом лице, Марвин, с юношеской дерзостью и самоуверенностью нырнувший, как в омут, в древнюю и многосложную Вселенную. Кэти моложе его годами, зато куда старше интуитивной женской мудростью, доставшейся ей от рождения. Милая Кэти, чьи прелестные темные глаза как будто полны задумчивой грусти… Не мелькнула ли в них тень сожаления о том, что Марвин, охваченный почти всепоглощающим желанием беречь и лелеять эту деву, кажущуюся столь хрупкой, не подозревает, что у нее есть тайна, которую она не может раскрыть, в то время как сам он никаких секретов за душой не имеет?

Их счастье не было безоблачным — в носу у Марвина сидела мина, неумолимо отсчитывая секунды его жизни, сухими щелчками метронома аккомпанируя танцу любви. Но это чувство

обреченности побудило столь разные судьбы сплестись теснее и наполнило взаимоотношения нежностью и смыслом.

Он сотворил для нее водопады из утренней росы, смастерил ожерелье, набрав на берегах лугового ручья разноцветные окатыши — красивее, чем изумруд, меланхоличнее, чем жемчуг. Она же поймала его в сеть из своих шелковых волос, увлекла в безмолвную пучину вод, в забвение. Он ей явил окоченевшие звезды и расплавленное солнце; она ему подарила длинные сплетенные тени и шорох черного бархата. Он тянулся к ней и касался мхов, трав, вековых деревьев и радужных скал; а ее пальцы, устремляясь ввысь, поглаживали древние планеты и впитывали серебристый лунный свет, улавливали проблески комет и вопли распадающихся звезд.

В своих играх они старели и умирали, и делалось это ради счастливого возрождения. Они распарывали время бритвой любви и сшивали наново — чтобы было дольше, медленней, лучше. Они делали удивительные игрушки из гор и равнин, из озер и долов. Их души лоснились, как мех у холеных животных.

Охваченные страстью, они забыли обо всем вокруг, кроме своей любви. Но не все вокруг было

им радо. Гнилые пни, одинокие орлы, стоячие бочаги люто завидовали их блаженству. И многие потребности в переменах не реагировали на их клятвенные заверения, будучи равнодушны к намерениям людей и желая продолжать свою деятельность по разрушению Вселенной. Определенные выводы, противясь новизне, поспешили прибегнуть к древним инструкциям, записанным на костях, напечатанным на кровяных тельцах, вытатуированным изнутри на коже. Это была адская машина, которая не могла не взорваться; это была тайна, которая ждала своего разоблачения.

Из страха родилось знание. И печаль.

Однажды утром Марвин проснулся и не увидел Кэти. Как будто и не было никогда этой женщины в его жизни.

Глава 23

Исчезла! Кэти исчезла! Да как такое может быть?! Неужели судьба, эта любительница дурацких розыгрышей, опять взялась за свои убийственные трюки?

Марвин отказывался поверить в случившееся. Он обшарил посаду до последнего закутка, буквально ощупью обыскал соседнюю деревушку. Безрезультатно. Он продолжил поиски в ближайшем городе Сан-Рамон-де-лас-Тристесас, опросив там официанток, домовладельцев, лавочников, проституток, полицейских, сутенеров, попрошаек и прочих жителей: не встречалась ли им девушка, прелестная как заря, с кудрями красоты неописуемой, с конечностями грациозности невиданной, с изяществом черт, коему соперница лишь гармоничность оных, и так далее. В ответ же слышал: «Увы, сеньор, эту женщину мы не видели ни сейчас, ни когда-либо ранее на своем веку».

Он немного успокоился — достаточно для того, чтобы составить четкий словесный портрет, — и наконец один дорожно-ремонтный рабочий

сказал ему, что видел похожую на Кэти девушку. Она ехала на запад в большом автомобиле вместе с грузным мужчиной, который курил сигару. А трубочист заметил, как она покидала город, и в руке держала золотисто-синюю сумку, и шла она не оглядываясь, и поступь ее была тверда.

А потом работник автозаправки передал Марвину записку с торопливым почерком: «Милый Марвин, умоляю, постарайся меня понять и простить. Я много раз пыталась объяснить тебе, не могу остаться…»

Этим письмо не заканчивалось, но женское горе настолько исказило слова, что распознать их не взялся бы никто. Все же Марвин с помощью дешифровальщика прочел заключительные слова:

«Но я всегда буду любить тебя и надеяться, что ты не держишь обиды и порой вспоминаешь меня добрым словом. Твоя Кэти».

Описать бурю в душе у Марвина невозможно, как невозможно описать полет цапли навстречу утренней заре: и то и другое невыразимо, неизъяснимо, непередаваемо. Достаточно сказать, что он помышлял о самоубийстве, но в конце концов решил: нет, это слишком слабый жест.

Как же пережить трагедию? Топить горе в вине — удел слезливых нытиков. Уход в отшельники

— не что иное, как поступок капризного ребенка. Ни один вариант не показался Марвину спасительным, а потому и не был выбран. Наш герой не проливал слез и не проклинал судьбу; он лишь оцепенело, как зомби, проживал очередной день и очередную ночь. Ходил, общался с людьми, даже улыбался. Ему никогда не изменяла вежливость. Но Вальдесу, близкому другу, казалось, что настоящий Марвин исчез в мгновенной вспышке отчаяния, а его место заняла неряшливо сконструированная модель человека. И хотя этот двойник неустанно имитировал человечность, казалось, что в любой момент он может рухнуть от изнеможения.

Вальдеса это и удивляло, и раздражало. Еще никогда старому, многоопытному мастеру поиска не доставался такой сложный случай. И он не жалел усилий, чтобы вывести друга из состояния живого трупа.

Вальдес попытался применить сочувствие: «Прекрасно понимаю, каково тебе, мой невезучий компаньон; я ведь тоже когда-то был молод, и мне довелось пережить нечто очень похожее, и тогда я понял…» Это нисколько не помогло, и Вальдес прибег к грубости: «Да проклянет меня Господь за то, что сую нос не в свое дело, но все

же спрошу: долго ты еще собираешься убиваться из-за удравшей вертихвостки? Клянусь ранами Христовыми, в нашем мире баб не счесть, и тот не мужчина, кто хнычет в углу, когда кругом столько любвеобильных милашек…»

Опять никакого отклика. «Ладно, — подумал Вальдес, — попробуем отвлечение на абсурдную ситуацию».

— Глянь-ка! Глянь вон туда! Там на ветке три птицы, у одной в глотку всажен нож, а в когтях зажат скипетр, и все же она поет веселей, чем остальные! Что ты об этом думаешь?

Марвин ничего об этом не думал. Ничуть не обескураженный Вальдес попытался растормошить друга при помощи жалостливого самообращения:

— Вот что я тебе скажу, приятель. Посмотрели врачи на мою кожную сыпь и говорят: никак пандемическая пиодермия! Даже срок отмерили: двенадцать часов, а потом все, покончу счеты с жизнью и усну вечным сном. Но хочешь знать, как я намерен потратить эти последние часы? Первым делом…

Молчание. Тогда Вальдес вооружился крестьянской философией:

— Марвин, простые земледельцы — народ

мудрый. Знаешь, как они говорят? Сломанным ножом хорошего посоха не вырежешь. Наверное, не стоит тебе забывать об этом…

Но сокрушенный горем Марвин счел, что не стоит и запоминать. Вальдес переключился на гиперстразианскую этику и процитировал «Тимомахейский свиток»:

— Ты считаешь себя раненым? Но пойми: самость цельна, неизъяснима и не подвержена внешним воздействиям, а следовательно, ранена может быть только рана. И это исключает участие боли — явления внешнего, а значит, чужеродного как для телесного, так и для духовного в человеке.

Марвина и этот довод оставил безучастным. Вальдес окунулся в психологию:

— По Штейнмецеру, утрата любимого человека — не что иное, как ритуальная реконструкция утраты «себя фекального». А значит, когда мы оплакиваем тех, кто нам дорог, мы на самом деле сокрушаемся из-за необратимой потери собственных фекалий. Забавно, не правда ли?

Но и теперь Вальдес не пробил глухую стену пассивности.

Меланхоличная отрешенность от мира людей казалась несокрушимой, и это впечатление лишь

окрепло, когда в один прекрасный день прекратило тикать кольцо — никакая не угроза жизни, а всего лишь безобидное предостережение Мардуку Красу от его подопечных. Марвину больше не приходилось ждать, когда голова разлетится на куски.

Но даже столь щедрый подарок судьбы никак не повлиял на его настроение — оно осталось бесцветным, как у робота. Флинн лишь заметил — опять же с безучастностью автомата — факт попытки оказать ему помощь, как замечают, что солнце спряталось за облаком.

Похоже, ничто не могло его пронять. И у Вальдеса наконец иссякло терпение.

— Марвин, ты не человек, а чертов геморрой!

Ругань тоже не возымела действия. И Вальдесу, и добрым жителям Сан-Рамона поверилось, что бедняга совершенно потерян для общества.

Но как же мало мы знаем об извилинах человеческого мозга, о кривых путях сознания! Уже на следующий день вопреки любым логичным ожиданиям произошло событие, пробившее скорлупу, в которой заточило себя Марвиново восприятие.

Вроде пустяковый случай. Но он стал первым звеном причинно-следственной цепи, первым

актом драмы, одной из тех, коим во Вселенной несть числа.

А начиналось это достаточно банально: у Марвина спросили, который час.

Глава 24

Событие имело место на северной стороне Пласа-де-лос-Муэртос вскоре после вечерней пасео[34] и аккурат за пятнадцать минут до матинса[35]. Марвин привычно прогулялся мимо статуи Хосе Гримучо, мимо сохранившихся с пятнадцатого века оловянных перил, вдоль которых сидели чистильщики обуви, мимо фонтана Сан-Бриоски, что на восточном углу невзрачного сквера. Он дошел аж до усыпальницы Незаконнорожденных, и тут ему заступил дорогу мужчина, властно подняв руку.

— Тысяча извинений, — произнес незнакомец. — Жаль нарушать ваше уединение, и, боюсь, вы сочтете мой поступок оскорбительным, но тем не менее вынужден обратиться с просьбой: не могли бы вы сообщить точное время?

Вроде совершенно невинный вопрос. Но с его заурядностью никак не вязался облик вопрошавшего. Незнакомец был среднего роста и хрупкого

---

[34] Примечания: 34
Пасео (исп. paseo*)* — прогулка.

[35] Примечания: 35
Матинс (исп. matins*)* — утреня.

телосложения, с усами, постриженными не по моде, вроде тех, что на портрете короля Марквавио Редондо кисти Гриера. Одежда поношенная, но очень чистая и хорошо отутюженная, а растрескавшиеся туфли начищены до блеска. На указательном пальце правой руки массивный золотой перстень с тонкой работы печаткой.

И этот холодный ястребиный взгляд привыкшего командовать человека…

Вопрос насчет времени был бы вполне уместен, не будь он задан на площади в виду городских часов, которые расходились с точным временем от силы на три минуты.

Марвин отреагировал на просьбу с неизменной безупречной вежливостью: поднес к глазам лодыжку с часами и сообщил, что сейчас пять минут второго.

— Спасибо, сеньор, вы очень любезны, — сказал незнакомец. — Неужели пять второго? Как же быстро время пожирает наши скудные жизненные силы, оставляя нам лишь горький осадок воспоминаний!..

— О да, — ответил Марвин. — И все же эта необъятная и необъяснимая сущность — время, которым не может обладать ни один человек на свете, — на самом деле единственное, чем мы

обладаем.

Незнакомец кивнул с таким видом, будто Марвин изрек нечто очень мудрое, а не просто выдал банальность ради поддержания разговора. Затем таинственный сеньор отвесил размашистый поклон, куда более подобающий былой благородной эпохе, чем нынешнему плебейскому веку, и даже перестарался — он бы упал, если бы Марвин не подхватил его и не помог утвердиться на ногах.

— Тысяча благодарностей, — произнес незнакомец, ни на миг не утративший самообладания. — Вы весьма неплохо постигли суть времени и человеческую натуру, и это не будет забыто.

С этими словами он четко повернулся кругом и отошел, чтобы раствориться в толпе.

Марвин, слегка недоумевая, проводил его взглядом. Почему-то этот тип показался ему сомнительным. Возможно, из-за усов, явно фальшивых, или густо нарисованных бровей, или искусственной бородавки на левой щеке. Или дело в туфлях, на три размера не соответствующих росту? Или в плаще с подкладными плечами, скрывающем узость хозяйского торса? Как бы то ни было, Марвин не насторожился, а заинтересовался, ибо за вычурными манерами незнакомца он разглядел страстный и сильный характер — из

тех, с которыми приходится считаться.

Пока Марвин размышлял над случившимся, его взгляд бродил — и вдруг зацепился за нечто странное. У себя на правой ладони наш герой обнаружил сложенный лист бумаги, конечно же оказавшийся там неспроста. Незнакомец в плаще подсунул его, когда пошатнулся, — и теперь понятно, что эта слабость была притворной.

События последних минут предстали в совершенно новом свете. Марвин, слегка нахмурясь, развернул бумагу и прочел:

> «Если сеньору угодно услышать нечто крайне любопытное и сулящее выгоду как ему самому, так и Вселенной, нечто, чье значение и для настоящего, и для далекого будущего невозможно выразить никакими словами, нечто, не подлежащее даже поверхностному объяснению в сем письме по причинам очевидным и чрезвычайно серьезным, – но способное позднее открыться сеньору во всех подробностях благодаря общности наших интересов и критериев нравственности, – то пусть сеньор в девять часов вечера посетит трактир «Висельник», где займет

столик в дальнем левом углу, возле спаренных амбушюров, и пусть у сеньора на лацкане будет белый розовый бутон, а в правой руке «Диарио де Цельс»[36] (четырехзвездный выпуск), и пусть сеньор мизинцем правой руки барабанит по столу в произвольном ритме.

Коль скоро эти инструкции будут выполнены, к сеньору присоединится некто и сообщит сведения, которые непременно заинтересуют сеньора».

Завершалось послание подписью:

«Тот, кто желает сеньору добра».

Марвин довольно долго осмысливал содержащиеся в записке намеки. Догадывался, что каким-то невообразимым образом группа взаимосвязанных личностей и проблем, прежде ему неизвестных, оказалась на его пути.

И что теперь придется делать выбор. Так ли уж необходимо Марвину становиться пешкой в чужой игре, какой бы важной эта игра ни была? Может, лучше пройти своей собственной одино-

---

[36] Примечания: 36

«Диарио де Цельс» (исп. «Diario de Celsus»*)* — «Дневник Цельса».

кой стезей сквозь метафорические деформации мира? Пожалуй что так… И все же случившееся заинтриговало, поскольку оно предлагало абсолютно нелогичную возможность избавиться от душевной боли, забыть об утрате. Такие события действуют как средство для усыпления внимания, тогда как его концентрация является самой прямой формой вовлечения и потому обычно отвергается вовлекаемым.

Марвин точно следовал инструкциям, полученным от таинственного незнакомца. Он купил «Диарио де Цельс» (четырехзвездный выпуск), приколол к лацкану бутон белой розы. Ровно в девять вечера вошел в трактир «Висельник» и расположился за столиком в дальнем левом углу, возле двух амбушюров. Заметил, что сердце бьется чаще. И не сказать, что ощущение было неприятным.

Глава 25

Посещенное Марвином заведение было не из респектабельных, зато из веселых. Клиентура почти целиком состояла из энергичных представителей низших классов общества. Хрипло орали, требуя выпивку, торговцы рыбой, завывали, обвиняя правительство, пламенные агитаторы, их перекрикивали мускулистые кузнецы. Над громадным очагом жарился шестиногий торазавр; растрескавшуюся тушу поливала медовыми соусами юная повариха. Наяривал джигу забравшийся на стол скрипач, бодро стуча деревянной ногой в такт старинному рефрену. В уголке хмельная потаскуха с драгоценными камнями на веках и искусственной носовой перегородкой оплакивала свою загубленную молодость. Надушенный франт прижал к носу кружевной платок и брезгливо бросил монету борцам на канате. Дальше с левой стороны, за общим столом, чистильщик обуви потянулся к горшку за кусочком шеины, но кинжал наемника пришпилил его руку к столу; проделка вызвала бурный восторг у окружающих.

— Бох да хранит тя, синёр. Чё пить буишь?

Марвин поднял взгляд на пышногрудую румяную прислужницу.

— Медовое вино, если оно у вас имеется, — тихо ответил он.

— Чё имеица, то имеица. — Девушка наклонилась, чтобы поправить подвязку, и шепнула: — Ты гляди-кась поосторожней тута, синёр, не шибкото гоже нашенское заведение для младехоньких баричей.

— Благодарю за совет, — отозвался Марвин, — но смею заверить: если возникнут трения, я не покажусь вам совсем уж беспомощным.

— Эх, синёр, да кабы ты знал, чё за публика тута гулеванит, — вздохнула девушка и поспешила отойти, поскольку к столу Марвина приближался могучего сложения сеньор, полностью облаченный в черное.

— А это еще что за хлыщ, во имя кровоточащих ран Всемогущего?! — проревел он.

В трактире мигом воцарилась тишина. Марвин подверг грубияна неторопливому осмотру, оценил косую сажень плеч и аномальную длину рук человека, которого окружающие величали Черным Дени. Припомнил, что у этого субъекта репутация хулигана и пакостника, бандита и

головореза.

Марвин не притворялся, будто ему нипочем крепкий запах чужого пота. Напротив, он достал веер и замахал им перед носом.

Публика взвыла в плебейском восторге. Черный Дени подступил еще на полшага.

— Да чтоб мне стать слепым, как репогрыз! — заорал Черный Дени. — Но как же тут не изумляться, если среди нас появился типчик, поразительно похожий на королевского шпиона!

Марвин заподозрил, что его провоцируют. Поэтому он ничего не ответил на реплику и принялся обрабатывать ногти крошечной серебряной пилкой.

— Да чтоб меня разрубили вдоль, сложили половинки и стянули моими же кишками! — выругался Черный Дени. — Сдается, один так называемый джентльмен на самом деле никакой не джентльмен, потому как даже ухом не ведет, когда к нему другой джентльмен обращается. А может, этот джентльмен и вовсе глухой? Сейчас мы это выясним, проверим левое ухо парня — с нас не убудет.

— Вы не ко мне ли обращаетесь? — осведомился Марвин подозрительно ровным тоном.

— А то к кому же? — хмыкнул Черный Дени. —

Потому как понял я вдруг, что рожа твоя, братец, мне не нравится.

— Да неужели? — процедил Марвин.

— Ага, — громыхнул Черный Дени. — И манеры твои, и вонь твоих духов, и форма твоей ноги, и кривизна твоей руки.

У Марвина сузились глаза. Возникла пауза, полная смертельной угрозы; и в наступившей тишине звучало лишь стерторозное дыхание Дени.

А в следующий миг, прежде чем Марвин успел ответить, в конфликт бесстрашно вмешалось третье лицо. К Черному Дени подбежал горбатый карлик, от силы трех футов ростом, с широкой седой бородой на землистом лице, подволакивая деформированную стопу.

— Ну-ка, что тут у нас? — спросил горбун, глядя на Черного Дени. — Да неужто кровопролитие в канун праздника святого Оригена? Как тебе не стыдно, Черный Дени?

— Клянусь червоточинами в священной Красной горе, я кровь проливаю, когда мне этого хочется, — проворчал громила.

— Давай же, выпусти ему потроха! — прокричал тощий длинноносый парень, моргая синим глазом и щуря карий.

— Давай же, выпусти! — подхватила дюжина

голосов.

— Сеньоры, я вас умоляю! — вскричал, заламывая руки, жирный трактирщик.

— Чаво плохого ён тебе сделал?! — воскликнула неряшливая прислужница, и в ее руках задрожал поднос с кружками.

— Эй, оставь в покое щеголя! — Горбун теребил Черного Дени за рукав и ронял слюну из уголка рта. — Он же просто горло промочить зашел.

— А ну, отцепись, дохляк! — рявкнул Черный Дени и махнул правым кулаком величиной с боксерскую перчатку.

От удара в грудь горбун пролетел по залу, пересек весь общий пивной стол и с грохотом битого стекла закончил свой маршрут у барной стойки.

— А теперь, клянусь личинками вечности, — повернулся буян к Марвину, — я займусь тобой.

Марвин по-прежнему обмахивался веером, сидя в расслабленной позе. Человек наблюдательный заметил бы легчайшую дрожь его бедер, слабейшее напряжение запястья, и понял бы: этот юноша предвкушает ссору.

Наконец Марвин снизошел до разговора с задирой.

— Вы еще здесь? — спросил он. — Голубчик, ваше присутствие становится раздражающим для

слуха и обременительным для прочих чувств.

— Чего?! — прорычал Черный Дени.

— Того, — насмешливо ответил Марвин. — Навязчивость — верный признак непорядочности, качества, которое я никогда не находил забавным. А коли так, любезный, соблаговолите унести отсюда свою перегретую тушу, иначе мне придется охладить ее кровопусканием, которому позавидует любой цирюльник.

Дерзкое это оскорбление, произнесенное с ледяной вежливостью, заставило Черного Дени уронить челюсть. Оправившись же от изумления, он с быстротой, которая не вязалась с его грузностью, выхватил меч и рубанул с такой силой, что расколол пополам тяжелый дубовый стол. Он бы и Марвина располовинил, если бы тот не успел уклониться.

Дени взревел от ярости и атаковал, размахивая клинком, как взбесившаяся мельница — крыльями. Но Марвин ловко отпрянул, сложил и засунул веер за пояс, закатал рукава, низким поклоном ушел от нового удара и спиной вперед запрыгнул на кедровый стол. А затем, поигрывая изогнутым ножом, скользящими шагами двинулся навстречу громиле.

— Тикай, барич, спасайся! — прокричала ему

прислужница. — Куды ж тебе супротив него с этакой-то зубочисткой!

— Берегись, юноша! — предостерег горбун, нашедший себе убежище между выпуклыми боками громадных бочек.

— Выпусти ему потроха! — заорал тощий, длинноносый, разноглазый субъект.

— Господа, помилосердствуйте! — взвыл в отчаянии трактирщик.

Поединщики встретились посреди зала, и Черный Дени с перекошенной от злости физиономией сделал обманный выпад, а затем рубящий удар, способный снести взрослый дуб. Марвин со сверхъестественной точностью парировал чужой клинок из *en quatre* и сразу же провел *riposte* из *en quinze*, попытавшись вспороть противнику живот. Лишь аномальное проворство спасло Дени от этого *revanche*[37].

Громила снова встал en guarde[38] *и посмотрел на противника с заметным уважением. Но тотчас вновь исполнился ярости берсерка, взревел и*

---

[37] Примечания: 37

En quatre — четвертая позиция (кварта) в фехтовании. *Riposte* — рипост, ответный удар. *En quinze* — несуществующая пятнадцатая позиция. *Revanche* — реванш *(фр.).*

[38] Примечания: 38

En guarde — ан гард, первая позиция фехтовальщика, состояние боевой готовности *(фр.).*

ринулся вперед, тесня Марвина через чадный зал.

— Два золотых наполеона на большого парня! — вскричал надушенный денди.

— Принято! — воскликнул горбун. — Заметил, какая у мальца работа ног?

— Да какая б ни была, ногам со сталью не тягаться, — прошепелявил франт. — А готов ли ты подкрепить свое мнение звонкой монетой?

— Еще как готов! Ставлю пять луидоров! — Горбун полез в кошелек.

От этих двоих заразились азартом все остальные.

— Десять рупий на Дени! — заявил длинноносый. — Предлагаю три к одному!

— Лучше четыре к одному, — возразил трактирщик, с которого мигом слетел страх. — И семь к одному на первую кровь. — В его руке возник мешочек с золотыми соверенами.

— Ставка принята! — заорал разноглазый, выкладывая три серебряных таланта и золотой полудинарий. — А еще, во имя Черной Матери, предлагаю восемь к шести на ранение в грудь!

— Годится! — пискнула прислужница, доставая из лифа мешочек с талерами Марии Терезии. — И предлагаю шесть к пяти на первую ампутацию.

— Согласен! — взвизгнул франт. — Клянусь мо-

ей бородой, девять к четырем, что сопляк еще до третьей крови удерет отсюда, как ошпаренная борзая!

— Принимаю эту ставку, — с веселой улыбкой сказал Марвин.

Уходя от неуклюжего натиска, он извлек из пояса и бросил хлыщу кошелек с флоринами. А потом взялся за дело всерьез.

Несколько кратких движений — и публика поняла, что фехтовальщик совсем не прост. Однако противник Марвину достался очень сильный, и махал он мечом во много раз длиннее кинжальчика, которым располагал наш герой, и его целеустремленность граничила с бешенством. Вот Черный Дени устремился в атаку, и все зрители, кроме горбуна, затаили дыхание. Громила пер напролом, как Джаггернаут. И под этим свирепым напором Марвин был вынужден пятиться. Он перемахнул через стол, оказался зажат в углу, высоко прыгнул, схватился за люстру, качнулся, перелетел через зал и пружинисто приземлился.

Растерявшийся и, похоже, малость утративший уверенность в себе Черный Дени пустился на хитрость. Когда поединщики снова сходились, длиннющая рука Дени швырнула Марвину под ноги стул, а другая зачерпнула на столе горсть черно-

го игнейского перца и бросила Марвину в лицо…

Вернее, в ту точку пространства, где это лицо только что находилось. Полуобернувшись с приседом на левую ногу, Марвин ушел от опасного выпада. Он провел низкий финт кинжалом, высокий двойной — взглядом и совершил безупречный кроссовер со степ-бэком[39].

Черный Дени в изумлении уставился на торчащую из его груди рукоятку. Но в следующий миг его рука подняла меч.

Марвин с невозмутимым видом повернулся кругом и отошел, будто нарочно подставляя незащищенную спину под бликующую сталь.

Черный Дени начал рубящий удар, но его глаза уже затягивались тонкой серой пеленой. Рана, нанесенная ему Марвином, была рассчитана с идеальной точностью — и вот выпавшее оружие громыхнуло об пол, а через мгновение этот же звук повторило огромное тело бретера.

Марвин, даже не оглянувшись, вернулся за свой столик. Распахнул веер и помрачнел: две-три капли испарины нарушали совершенство его мраморного чела. Стерши пот, Флинн отбросил кружевной платок.

---

[39] Примечания: 39

Кроссовер и *степ-бэк* — баскетбольные приемы.

В трактире стояла мертвая тишина; даже разноглазый типчик затаил тяжелое дыхание. Наверное, впервые в жизни эти люди — все до одного забияки, не признававшие ничьего превосходства над собой, — лицезрели такой захватывающий фехтовальный поединок.

Столпившись вокруг Марвина, публика осыпала его аплодисментами и хвалебными возгласами. Всех восхитило его искусство в обращении с острой сталью. Борцы на канате (братья, оба от рождения глухонемые) с восторженным повизгиванием проделывали сальто. Счастливый горбун ронял слюни, подсчитывая выигрыш. Прислужница пялилась на Марвина с вызывающей смущение страстью. Хозяин трактира скрепя сердце угощал посетителей за счет заведения. Разноглазый субчик шмыгнул длинным носом и заговорил о прихотях фортуны. Даже надушенный фат подошел, чтобы небрежно бросить пару одобрительных слов.

Мало-помалу все возвращалось в привычное русло. Двое кряжистых половых уже тащили к выходу труп Черного Дени, а изменчивая публика бросала в него апельсиновые корки. Снова закрутился над огнем вертел с тушей, загремели кости, зашелестели карты, заиграл одноногий

слепой скрипач.

Подошедший к столу Марвина денди смотрел на нашего героя сверху вниз, сдвинув набок шляпу с плюмажем и подбоченившись.

— Я заметил, сударь, — обратился он, — что в фехтовании вы не новичок. Мне кажется, вашим способностям нашлось бы неплохое применение на службе у кардинала Макцерквини — ему всегда требуются ловкие и умелые ребята.

— Я не продаюсь, — тихо ответил Марвин.

— Рад это слышать.

И тут, приглядевшись, Марвин заметил у модника в петлице белый розовый бутон, а в руке — «Диарио де Цельс», четырехзвездный выпуск.

Предостерегающе блеснув глазами, денди произнес самым расслабленным тоном:

— Ну что ж, сударь, примите еще раз мои поздравления. А коль возникнет у вас охота поговорить о фехтовании, добро пожаловать в мои апартаменты на авеню Мучеников. Мы обсудим тончайшие нюансы этого искусства за бутылочкой весьма недурного вина, сто три года созревавшего в моих фамильных погребах, и даже, быть может, коснемся одной или двух интересующих нас обоих тем.

Наконец-то Марвин узнал под маскировкой

того самого незнакомца, что сунул ему в руку записку.

— Сударь, — сказал Флинн, — ваше предложение — честь для меня.

— Вовсе нет, сударь. Это ваше согласие его принять — честь для меня.

— Нет-нет, сударь!

Марвин готов был настаивать на своем понимании вопроса чести, но незнакомец положил конец церемониям, прошептав:

— Уходим сейчас же. Черный Дени был всего лишь предвестником, соломинкой, показавшей нам, откуда дует ветер. И если мы здесь задержимся хоть на минуту, вполне может статься, что нас сметет ураган.

— И это было бы весьма печально. — Губы Марвина чуть тронула ухмылка.

— Трактирщик! Весь ущерб запиши на мой счет.

— Да, месье Жюль, — низко поклонился владелец заведения.

И двое посетителей вышли на окутанную ночным туманом улицу.

Глава 26

По извилистым улочкам они пересекли городской центр, затем миновали мрачные серые стены крепости Терц, обогнули Сподни — печально известный дом умалишенных. Доносившиеся оттуда вопли истязаемых бедолаг причудливо смешивались со скрипом гигантского водяного колеса, что крутилось возле пристани Братская Могила. А вот и приземистый, но зловещий Лунный донжон со стенающими узниками, за ним — Высокая куртина со смердящими, без голов и конечностей, трупами на пиках.

Марвин и месье Жюль, будучи зрелыми людьми своей эпохи, не обращали внимания на подобные звуки и виды. Нисколько не расчувствовавшись, прошли они мимо Мусорного пруда, где бывший регент утолял свои безумные ночные прихоти, и даже бровью не повели возле Львиной Кормушки, где мелких должников и несовершеннолетних преступников в назидание прочим окунали головой в быстротвердеющий бетон.

Да, это были суровые времена; пожалуй, кое-кто может счесть их жестокими. Манеры — изыс-

канные, но страсти — необузданные. Соблюдался самый утонченный этикет, но и смерть под пытками была в порядке вещей. В ту пору шесть из семи женщин умирали родами, а детская смертность достигала шокирующих 87 процентов. Средний срок жизни не превышал 12,3 года. Недавно столицу опустошила чума, погубив почти две трети жителей. Бесконечные религиозные войны ежегодно сокращали мужское население вдвое, и доходило до того, что артиллерийскую прислугу в некоторые полки набирали из слепцов.

И все же этот век не считался несчастливым. Вопреки всем трудностям численность населения ежегодно достигала новых высот; мужская доблесть и отвага не знала пределов. Техника еще не лишила человека личной инициативы. И пусть классовая рознь была вопиющей, пусть волчьи аппетиты феодалов сдерживались только сомнительной властью короля и тлетворным влиянием духовенства, можно смело назвать этот исторический период эпохой демократизма и личных возможностей.

Однако ни Марвин, ни месье Жюль не думали о подобных вещах, когда приближались к длинному и узкому старому дому с закрытыми ставнями,

с коновязью у крыльца. Они не размышляли о личном риске, хоть и шли на него; не вспоминали о том, что смерть постоянно дышит в затылок. Век, в котором они жили, не терпел малодушия.

— Прошу, — сказал месье Жюль, ведя гостя по устланному коврами полу мимо молчаливых лакеев в высокую комнату с облицованными дорогим деревом стенами, где в огромном ониксовом камине весело потрескивал огонь.

Марвин молча разглядывал убранство комнаты. Резной армуар, несомненно, десятого века, а портрет на западной стене, полускрытый в тени золоченой рамы, — подлинник работы Муссо.

— Не угодно ли вам присесть? — Месье Жюль грациозно опустился на полудиван от Дэвида Огилви, обитый столь модной в том году афганской парчой.

— С превеликим удовольствием. — Марвин расположился напротив в восьминогом кресле эпохи Иоанна IV, с палисандровыми подлокотниками и спинкой из пальмовой сердцевины.

— Не желаете ли вина? — с непринужденной деликатностью осведомился месье Жюль и кивнул на бронзовый кувшин, который сам Дагоберт Хойский инкрустировал золотом.

— Благодарю, но, может, чуть позже. — Марвин

смахнул пылинку со своего плаща. А плащ у него был из зеленого *батиста,* с цветным подбоем и фильдеперсовым позументом, сшитый по фигуре самим Джеффри с Палпинг-лейн.

— Могу ли предложить вам понюшку? — осведомился месье Жюль, протягивая платиновую табакерку, изделие Дерра Снедумского; на крышке методом точечной чеканки была изображена сцена охоты в Лэше, в Апельсиновом лесу.

— Пожалуй, не сейчас, — снова отказался Марвин, разглядывая серебряные, двойного плетения, шнурки своих бальных туфель.

— Я пригласил вас сюда, — резко перешел к делу хозяин дома, — с единственной целью: выяснить, способны ли вы оказать помощь в деле добром и справедливом, в деле, о котором, полагаю, вам ничего не известно. Я имею в виду предприятие мессера Лэмпри Хайта д'Огюстина, более известного как Просветленный.

— Д'Огюстин! — воскликнул Марвин. — Как же, как же! Я слышу о нем с тех пор, как был зеленым юнцом, с года ноль второго или ноль третьего, когда бушевала Пятнистая чума. Представляете, он гостил у нас в шале! Как сейчас помню вкус марципановых яблок, которыми он меня угощал!

— Я был уверен, что вы вспомните д'Огюсти-

на, — тихо произнес Жюль. — Никто из нас его не забыл.

— И как поживает сей великий и добрый господин?

— Мы все надеемся, что он в добром здравии.

Марвин тотчас встревожился:

— Что вы имеете в виду, месье?

— В прошлом году д'Огюстин работал у себя в имении, в Дюваннеморе, это близ Мюэ д'Алансон, в предгорьях Сангрелы.

— Знакомые места, — кивнул Марвин.

— Там он заканчивал свой магнум опус, «Этику нерешительности», которому посвятил двадцать лет жизни. Как вдруг в Рунный кабинет, где он работал, ворвалась толпа вооруженных мужчин, подкупивших его телохранителя и преодолевших сопротивление слуг. Больше никто не мог за него вступиться, кроме дочери, которой, разумеется, не под силу было остановить незваных гостей. Эти неизвестные сожгли все наличествовавшие экземпляры рукописи д'Огюстина, а его самого связали и увели.

— Возмутительно! — воскликнул Марвин.

— Дочь, свидетельница сего омерзительного действа, впала в истому столь глубокую, что была сочтена мертвой, и только эта нечаянная

симуляция позволила бедняжке избежать самой смерти.

— Какой ужас! — пробормотал Марвин. — Но кому понадобилось подвергать насилию безобидного сочинителя, коего многие считают выдающимся философом современности в частности и эпохи в целом?

— Безобидный сочинитель? — У месье Жюля болезненно скривился рот. — А знакомы ли вы с трудами д'Огюстина, чтобы отзываться о нем подобным образом?

— Не имел сей привилегии, — ответил Марвин. — Видите ли, судьба моя сложилась так, что у меня почти не было возможностей для изучения многих предметов, — с некоторых пор я постоянно пребываю в пути. Но полагаю, опусы господина столь благородного и достойного не могут быть…

— Позволю себе не согласиться, — перебил его месье Жюль. — Обсуждаемый нами старец, утонченный и праведный мыслитель, подчиняясь непреодолимому процессу Логической Индуктивности, был обречен выдвинуть определенные концепции, способные получить широкую известность и даже привести к кровавой революции.

— Едва ли это можно назвать хорошим делом, — холодно произнес Марвин. — Уж не изволите ли вы склонять меня к участию в гнусном мятеже?

— Спокойнее, не кипятитесь! Провозглашенные д'Огюстином идеи сами по себе не страшны, но таковыми могут стать их последствия. Эти идеи звучат вполне в тембре Нравственной Фактичности, и они не более крамольны, чем ежемесячный ущерб Луны.

— И что же это за идеи? — спросил Марвин. — Соблаговолите озвучить хотя бы одну.

— Д'Огюстин утверждает, что все люди рождаются равными, — спокойно ответил Жюль.

Марвин поразмыслил над услышанным.

— Это что-то новенькое, — сказал он наконец. — Однако и впрямь способно повлиять на умы. Продолжайте.

— Также мыслитель считает, что честное и ответственное поведение достохвально и богоугодно.

— Крайне странный взгляд на вещи, — прокомментировал Марвин. — И тем не менее… Гм…

— А еще, по его мнению, неисследованная жизнь не стоит того, чтобы жить[40].

---

[40] Примечания: 40
Высказывание принадлежит Сократу.

— Весьма радикальная точка зрения, — решил Марвин. — И конечно же, очень легко представить, что произойдет, если эти тезисы станут достоянием широких общественных кругов. Обязательно будет подорвана власть короля и церкви… Но все же… Но все же…

— Ну-ну, смелее, — легонько поощрил его Жюль.

— Но все же, — сказал Марвин, мечтательно глядя на терракотовый потолок с геральдическими узорами, — разве из хаоса, что непременно воцарится при победе этих идей над умами, не может родиться новый порядок? Разве не способен возникнуть новый мир, где высокомерный нрав знати будет обуздываться и сдерживаться концепцией личной ценности и где безудержному политическому и экономическому диктату церкви противопоставлены новые отношения между человеком и его богом, не нуждающиеся в посредничестве раскормленного попа или жуликоватого монаха?

— Вы и впрямь верите, что такое возможно? — Голос у месье Жюля был как звук шелка, скользящего по бархату.

— Считаю, — сказал Марвин. — Клянусь божьими заусенцами, я в это верю! И берусь помочь

вам в спасении д'Огюстина и распространении его удивительной революционной теории!

— Благодарю вас, — ровным тоном произнес Жюль и сделал жест рукой.

Из-за Марвинова кресла выскользнул человек. Это был горбун. Грозно блеснула сталь кинжала, но сразу спряталась в его ножнах.

— Ничего личного, милостивый государь, — самым серьезным тоном продолжал месье Жюль. — Разумеется, мы не сомневались в вашей порядочности. Но если бы вы сочли наш план возмутительным, нам бы ничего другого не оставалось, как похоронить свою ошибку в безымянной могиле.

— Эта предосторожность подтверждает важность рассказанного вами, — сухо произнес Марвин, — но не вызывает у меня глубочайшей признательности.

— В жизни мы часто делаем ложные выводы, — молвил горбун. — Но разве не считали греки, что лучше пасть от руки друга, чем изнывать во вражеских когтях? Роли в этом мире распределяет неумолимая судьба, и мы вынуждены подчиняться ее суровой воле, и очень многие, мечтавшие сыграть императора на подмостках истории, вынуждены были удовольствоваться

партией трупа.

— Сударь, — сказал на это Марвин, — сдается мне, у вас у самого были какие-то проблемы с кастингом.

— Можно сказать и так, — помрачнел горбун. — Я не мечтал об этой приземленной роли и не напрашивался на нее; принять ее меня заставило пророчество.

С этими словами горбун наклонился и распустил узлы веревок, что притягивали его пятки к бедрам, после чего оказался шести футов ростом. Он сбросил накладной горб, стер с лица грим и слюну, причесал шевелюру, снял фальшивую бороду, устранил косолапость ступней и с лукавой ухмылкой повернулся к Марвину.

Засвидетельствовав эти метаморфозы, Флинн низко поклонился и воскликнул:

— Милорд Инглнук бар на Идрисисан, первый лорд Адмиралтейства, фамильяр премьер-министра, особый советник короля, дубина церковного гнева и созыватель Большого совета!

— К вашим услугам, — ответил Инглнук. — Личину горбуна я ношу прежде всего по причинам политическим. Если мой соперник, лорд Блэкамур де Мордевунд, хотя бы заподозрит о моем присутствии в этом доме, нам придет конец еще

до того, как в Королевском пруду успеют заквакать лягушки, разбуженные первым лучом Феба.

— Вижу, плющ этого заговора растет на высоких башнях, — прокомментировал Марвин. — Разумеется, я с божьей помощью послужу вам верой и правдой, если только какой-нибудь бретер в какой-нибудь таверне не прольет свет на мои внутренности посредством ярда стали.

— Если вы намекаете на инцидент с Черным Дени, — сказал месье Жюль, — то могу вас уверить, все это было разыграно на тот случай, если за нами следят шпионы сэра Блэкамура. На самом деле Черный Дени был на нашей стороне.

— Вот так сюрприз! — ахнул Марвин. — Сколько же щупалец у этого спрута? И все же, господа, я не понимаю, почему ваш выбор пришелся не на одну из влиятельных особ, каковых предостаточно в этом королевстве, а на человека, не способного похвастаться знатностью своего рода, высоким общественным положением или денежным благополучием. У меня за душой нет ничего, кроме титула джентльмена, повинующегося лишь Господу и собственной чести, и тысячелетней фамилии.

— Какая похвальная скромность! — рассмеялся лорд Инглнук. — Все мы знаем, что в фехтоваль-

ном искусстве у вас нет соперников — кроме, пожалуй, негодяя Блэкамура, гораздого на подлые приемчики.

— Я освоил лишь азы науки стали, — небрежно ответил Марвин. — Но коль скоро вы считаете, что мой жалкий дар способен вам послужить, быть по сему. Итак, милостивые государи, что от меня требуется?

— Достоинство нашего плана, — медленно заговорил Инглнук, — его безграничная дерзновенность, а недостаток — запредельная рискованность. Один-единственный бросок костей способен принести нам полную победу; проиграв же, мы лишимся головы. Пан или пропал! Почему-то мне думается, что такие опасные игры вам по душе.

Марвин улыбался, выстраивая в уме ответ, и наконец сказал:

— Быстрая игра — это всегда живая игра.

— Блестяще! — воскликнул, вставая, месье Жюль. — А теперь нам нужно ехать в долину Ромен, в Кастельгатт. В пути мы вас подробно ознакомим с нашим замыслом.

Закутавшись в плащи, трое заговорщиков покинули длинный и узкий дом. Они вылезли из чердачного окна, спустились по лестнице,

прошли мимо цепного ящика к воротам в старой западной стене. За воротами ждала карета с двумя вооруженными охранниками на крыше с веревочными перилами.

Марвин забрался в карету и обнаружил, что там уже есть пассажир. Точнее, пассажирка. Он пригляделся…

— Кэти!

Девушка посмотрела на него недоуменно и ответила холодным, властным тоном:

— Сэр, я Катарина д'Огюстин, а ваше лицо мне незнакомо, и, конечно же, я не могу одобрить стиль поведения, который нельзя назвать иначе как фамильярным.

В ее прелестных серых глазах и впрямь не было узнавания, а у Марвина не было времени на расспросы — месье Жюль торопливо вводил его в курс дела. Не успел инструктаж закончиться, как сзади закричали:

— Эй, вы, в карете! Именем короля, стоять!

Выглянув в окно, Марвин увидел драгунского капитана, а с ним десяток конных солдат.

— Измена! — воскликнул Инглнук. — Возничие, выручайте!

Зазвенели удила, загремели подковы, и четверка отборных жеребцов понесла карету по узкой

аллее в направлении Найнстоунза и Приокеанского скоростного тракта.

— Они могут нас догнать? — спросил Марвин.

— Не исключено. Похоже, у синих, да будут прокляты их мозолистые задницы, чертовски добрые кони. Пардон, мадам…

Несколько мгновений Инглнук смотрел на клинки преследователей, блестящие в тусклом свете каретных фонарей не далее чем в двадцати ярдах. Потом он пожал плечами и отвернулся.

— Позвольте поинтересоваться, — спросил Инглнук, — знакомы ли вы с последними политическими событиями, имевшими место как в этой стране, так и во всей Старой империи? Если знакомы, вам будет проще понять выбор способа и момента для реализации нашего плана.

— Боюсь, моя осведомленность в политике совершенно ничтожна, — сказал Марвин.

— Коли так, берусь посвятить вас в некоторые детали, что, несомненно, поможет вам понять суть происходящего и оценить его важность.

Под громовой топот драгунских коней Марвин откинулся на спинку сиденья и приготовился слушать собеседника. Кэти, сидевшая напротив и чуть правее, равнодушно смотрела на качающиеся кисточки шляпы месье Жюля. А лорд Инглнук

повел рассказ.

Глава 27

Не далее как десять лет назад, в пору буйства сессьенской ереси, скончался престарелый король Мульвавии, не оставив бесспорного наследника престола. На континенте, и без того охваченном брожением, нешуточно закипели страсти.

Объявились три претендента на Мотыльковый трон. Принц Мороуэй Темский имел на руках Очевидный Патент, предоставленный ему коррумпированным, но все еще официально действующим Элекционным консилиумом. На случай если этого окажется недостаточно, он апеллировал к доктрине Порфироносной Эмплеатуды[41] на правах незаконнорожденного второго (и единственного выжившего) сына барона Норвежского, троюродного брата сестры покойного короля по линии Мортджоя Данатского.

В более спокойные времена этого могло бы хватить. Но для континента, пребывающего на грани гражданской и религиозной войны, подоб-

---

[41] Примечания: 41

Эмплеатуда — авторский стилизованный неологизм, имеет значение «занятость».

ные изъяны в престолонаследии и, что еще хуже, личностные недостатки претендентов на трон были вопиющими.

Принцу Мороуэю было тогда восемь лет от роду, и он еще ни единого слова произносить не научился. На портрете кисти Мэве мы видим чудовищной величины голову, отвисшую челюсть и бессмысленный взгляд идиота-гидроцефала. Похоже, единственное, что интересовало принца, — это коллекция червей; собранная им считается лучшей на материке.

Его главным противником был Готтлиб Хосстраттер, герцог Мельский и лейб-протектор Имперской Окраины, не обладавший безупречной генеалогией, зато поддерживаемый высшим сессьенским духовенством, а особенно дряхлым иерархом Додессы.

Второго претендента, Ромруго Варского, можно было бы не принимать в расчет, не будь у него под началом закаленного в боях пятидесятитысячного войска в южном княжестве Варск. Молодой и рьяный Ромруго прославился своей эксцентричностью; например, он даже ухом не повел, когда ортодоксальный овенсианский клир проклял его за женитьбу на любимой кобылице Орсилле. Не жаловали его и бюргеры Гинт-Ло-

зайне — по той причине, что князь приказал похоронить их гордый град под двадцатью футами земли «в качестве дара будущим археологам». Несмотря на эти порочащие обстоятельства, его притязание на мульвавийский трон было бы признано законным, как только удалось бы изыскать необходимые средства для выплаты жалованья солдатам.

На беду, у Ромруго не было личного капитала. Вернее, был, но весь пошел в уплату за Лезертинские свитки. И тогда князь предложил союз богатому, но слабосильному вольному городу Тихеррю, контролировавшему пролив Сидю.

Сим необдуманным поступком Ромруго навлек на себя гнев герцогства Пульс, чья западная граница издавна прикрывала обнаженный фланг Старой империи от набегов язычников-моногготов. Прямодушный, непреклонный герцог Пульский немедленно объединил силы с раскольниками Хосстраттера, — пожалуй, история континента не знает более странного альянса. Возникла прямая угроза для принца Мороуэя и принявшего его сторону Мортджоя Данатского. Совершенно неожиданно Ромруго оказался окружен с трех сторон сессьенскими еретиками и их союзниками, а с четвертой — воинственными

моноготами и был вынужден в отчаянной спешке искать помощи.

Таковую ему оказал лорд-барон Даркмаут, тогдашний владетель острова Терпленд, — фигура крайне загадочная. Долговязый мрачный барон немедленно собрал боевой флот из двадцати пяти галеонов, и вся Мульвавия затаила дыхание, когда на горизонте появилась зловещая вереница кораблей, спустившихся по реке Дортер и вышедших в Эшерское море.

Можно ли было сохранить равновесие, когда все так далеко зашло? Думаю, да — если бы Мороуэй остался верен своим обещаниям, данным городам Марке. Или если бы престарелый иерарх Додессы, осознавший наконец необходимость примирения с Хосстраттером, не выбрал самый неподходящий момент, чтобы почить в бозе и тем самым передать власть эпилептику Мерви Ханфутмауту. Или если бы Эрикмаут Красная Рука, вождь вестмоноготов, не решил бы вдруг изгнать Пропею, сестру сурового архигерцога Пульского, носившего прозвище Молот Еретиков, коими считал всех, кто не принадлежал к его собственной вере, к узкоортодоксальному делонгианству. Но тут в самый опасный момент вмешалась рука Провидения, и Великая Буря ноль третьего года

обрушилась на галеоны барона Даркмаута, вынудив их пристать к берегам Тихеррю, которые подверглись разграблению, и таким образом союз Ромруго с бароном распался, едва успев сложиться. Не получив обещанной платы, взбунтовались варские наемники и перебежали к Хосстраттеру, чьи земли лежали ближе всего к маршруту, по которому шли княжеские полки.

Вот так Хосстраттер, третий и наименее энергичный из охотников за королевским титулом, уже успевший смириться с проигрышем, вернулся в состязание. А Мороуэй, чья звезда блистала выше остальных, вдруг обнаружил, что Эхилидесские горы не дают надежной защиты, когда их восточные перевалы удерживает решительный противник.

Конечно, хуже всего от этих перемен пришлось Ромруго. Положение у него было незавидное: солдаты дезертируют, союзник барон Даркмаут не выполняет обещания (да и не до того ему, он пытается удержать Тихеррю от мощного натиска пиратов Руллийского побережья), и даже в Варске, в собственном княжестве, длинная рука Мортджоя плетет смертельный заговор, и за всем этим алчно следят города Марке. И словно мало было этих бед, от Ромруго сбежала Орсилла.

Но самоуверенный князь не дрогнул под тяжким бременем невзгод. А вскоре дела пошли на лад. Узнав о его расставании с кобылой, обрадованные овенсайнские церковники оформили для своего сомнительного защитника Разводус Абсолютус, а потом с ужасом узнали, что циник Ромруго намерен воспользоваться этим подарком для женитьбы на Пропее, дабы заручиться союзничеством благодарного архигерцога Пульского…

Вот такие события и силы управляли страстями человеческими в том судьбоносном году. Континент балансировал на грани катастрофы. Селяне закапывали в землю собранный урожай и точили косы. Войска стояли в полной экипировке, готовые выступить в любом направлении. Буйная вестмоноготская орда, теснимая с тыла еще более буйной ордой аллахутов, этих людоедов и неистовых наездников, угрожающе скапливалась на границах Старой империи.

Даркмаут поспешил заново оснастить свои суда, а Хосстраттер заплатил варским солдатам и вымуштровал их для войны нового типа. Ромруго надежно укрепил свой союз с Пульсом, добился перемирия с Эрикмаутом и учел вспыхнувшую вражду между Мортджоем и хворым, но несгиба-

емым Мерви.

А Мороуэй Темский, невольный союзник рулийских пиратов, слепой защитник сессьенской ереси и бездумный помощник Эрикмаута Красная Рука, все глядел в тревожном ожидании на мрачные склоны Эхилидесских гор.

Вот этот самый момент — момент чрезвычайного и повсеместного напряжения — ничтоже сумняшеся выбрал мессер д'Огюстин, чтобы объявить о близком завершении своей работы над философским трактатом…

Инглнук умолк и погрузился в раздумья; какое-то время Марвин слышал лишь топот тяжелых копыт. Наконец он тихо произнес:

— Теперь я понимаю.

— А я и не сомневался, что это произойдет, — с теплотой молвил Инглнук. — И что в свете вышеизложенного вам станет ясен наш замысел: собраться у Кастельгатта и тотчас же нанести удар.

— В данных обстоятельствах, — кивнул Марвин, — не может быть никаких других вариантов.

— Но прежде нам нужно избавиться от драгун, что преследуют нас по пятам, — сказал Инглнук.

— На такой случай, — улыбнулся Марвин, — у

меня припасен один трюк…

Глава 28

С помощью хитрой уловки Марвин и его единомышленники оторвались от погони и благополучно добрались до окруженного рвом Кастельгатта. Внутри его стен, на огромном ристалище, когда пробьет двенадцать, соберутся участники заговора, чтобы совершить последние приготовления и той же ночью выступить в поход с целью вызволения д'Огюстина из жестокой хватки Блэкамура…

Марвину достались покои в высоком западном крыле. Там он до глубины души потряс пажа, решительно потребовав таз с водой для мытья рук. Это считалось нелепой манерностью в эпоху, когда даже знатнейшие придворные дамы имели обыкновение прятать грязные пятна под надушенными марлевыми повязками. Но Марвин обзавелся привычкой к водным процедурам, пока жил в южном Ремове, среди тескосов, этих жизнерадостных язычников, чьи мыльные фонтаны и скульптуры из губки — диво дивное для столь же самодовольной, сколь и нечистоплотной аристократии севера. Игнорируя насмешки дворян и

брюзжание священников, Флинн упрямо доказывал: нет ничего плохого в том, чтобы при случае ополоснуть руки — конечно, при условии, что вода не попадет на другие части тела.

Закончив омовение и облачившись только в полупанталоны из черного атласа, белую кружевную рубашку, кавалерийские сапоги и перчатки с длинными рукавами из эрецийской замши, а из оружия прихватив лишь меч Кёр де Стаббат, на протяжении пятисот лет передававшийся в его роду от отца к сыну, Марвин резко обернулся на тихий звук и схватился за рукоять.

— Ах, сударь, уж не хотите ли вы меня проткнуть своим грозным мечом? — насмешливо осведомилась леди Катарина, ибо это не кто иной, как она, вошла в комнату через облицованный деревом портал и остановилась у порога.

— Видит Бог, ваша милость напугали меня, — сказал Марвин. — Но уж коли речь зашла о протыкании, я готов проделать это в охотку, только не мечом, конечно же, а более подходящим оружием, коим я, по счастью, располагаю.

— Фу, сударь! — хихикнула леди Катарина. — Соблазнять даму насилием?

— Всего лишь насильственным удовольствием, — галантно ответил Марвин.

— Экий бойкий, — ухмыльнулась леди Катарина. — Знаете ли, я давно заметила: чем длиннее и изворотливей у мужчины язык, тем короче и слабей его упомянутое оружие.

— Ваша милость несправедливы ко мне, — упрекнул Марвин. — Осмелюсь утверждать, что мое оружие всегда готово к бою. Оно достаточно острое, чтобы пробить лучшую в мире защиту, и достаточно прочное, чтобы не затупиться от многих ударов. А помимо этих сугубо утилитарных качеств, есть и иные — я обучил его нескольким безотказным фокусам, каковые с превеликим удовольствием возьмусь продемонстрировать вашей милости.

— Соблаговолите держать это оружие в ножнах! — негодующим тоном потребовала дама, но при этом у нее блеснули глаза. — Мне не по нраву такие речи, ибо клинок бахвала всегда тонок, как жесть; он радует блеском око, но слишком податлив на ощупь.

— Молю вас потрогать и лезвие, и острие, — сказал Марвин, — дабы убедиться, что их пригодность не заслуживает ваших насмешек.

Леди Катарина отрицательно покачала очаровательной головкой:

— Нет уж, сударь. Подобная практичность хоро-

ша для седобородых философов со слезящимися глазами, а леди лучше полагаться на интуицию.

— Леди, я боготворю вашу интуицию, — ответил на это Марвин.

— Сударь, ну что вы, обладатель сомнительного оружия неизвестной длины и крепости, можете знать о женской интуиции?

— Леди, сердце мне говорит, что ваша интуиция совершенна и безотказна, что у нее изящная форма и тонкий аромат, что…

— Довольно, сударь! — Леди Катарина густо покраснела и принялась неистово обмахиваться японским веером со сценой инаугурации Йидзи.

Оба умолкли. Разговор шел на Придворном Языке Любви, в котором символическим фигурам речи отведена важнейшая роль. Самые воспитанные и целомудренные дамы не считали такие намеки нарушением этикета, ибо эпоха, в которой они жили, была эпохой дерзких.

Внезапно на обоих участников диалога пала тень серьезности.

Марвин хмурился, перебирая стальные серые пуговицы на белой кружевной сорочке. Леди Катарина тоже казалась озабоченной. Она была одета в платье «голубиный тюльпан», с юбкой клиньями, с алыми прорезями, с модным глубо-

ким декольте, открывающим крепкое розовое брюшко. На ногах — бальные сандалии из дамаскета цвета слоновой кости. Волосы, уложенные в высокую прическу над яшмовой ратуэллой, украшены венком из весенних сниппиний. Марвин отродясь не видел такой красоты.

— Не пора ли нам прекратить эту глупую пикировку? — тихо спросил Марвин. — Не пора ли дать слово нашим сердцам, вместо того чтобы упражняться в бессердечном остроумии?

— Я не смею, — прошептала леди Катарина.

— Но ведь вы Кэти, та самая Кэти, которая любила меня в другом времени и месте, — с горечью проговорил Марвин, — и которая теперь играет со мной, как с едва знакомым ухажером.

— Нельзя говорить о том, что было когда-то, — испуганным шепотом предостерегла Кэти.

— Но вы же меня любили! — пылко воскликнул Марвин. — Попробуйте это отрицать — и сами себе не поверите!

— Да. — Ее голос дрогнул. — Когда-то я вас любила.

— А сейчас?

— Увы…

— Но объясните же почему!

— Нет-нет, я не могу.

— Как вам угодно. Выбор — раб сердца.

— Мне не хочется, чтобы вы в это верили, — мягко произнесла она.

— Вам не хочется? Значит, это правда, что желание — мать намерения? — Лицо Марвина стало суровым, даже жестоким. — Даже мудрейшие из мудрых не могут отрицать, что и в наипрочнейших семьях Любовь неразрывно связана со своей единокровной сестрой Безразличием, а Верность — рабыня злой мачехи Боли.

— Так вот какого мнения вы обо мне?! — слабо воскликнула Катарина.

— Но вы же не оставили мне выбора, леди. — В голосе Марвина зазвенела бронза. — И потому корабль моей страсти, покинутый вами в море памяти, был унесен с верного курса переменчивым ветром равнодушия, а теперь безжалостные волны людских событий гонят его к скалистому брегу страдания.

— Ах, как бы мне хотелось, чтобы это было не так, — сказала Катарина, и Марвин взволновался, услышав нежность в голосе той, кого он считал безвозвратно потерянной.

— Кэти…

— Нет, это невозможно! — вскричала она и отпрянула в страхе; бушевавшая в ней страсть за-

ставляла вздыматься и опадать красочный верх и брюшко. — Вы же не знаете, в какой ужасной ситуации я оказалась!

— Так объясните! — потребовал Марвин.

И тотчас резко повернулся, хватаясь за меч. Потому что массивная дубовая дверь бесшумно отворилась и в проеме, небрежно опершись о косяк, застыл со сложенными на груди руками мужчина. Тонкие губы на бородатом лице чуть растянулись в улыбке.

— Клянусь честью! Мы ничего не делали! — лепетала Катарина, прижимая руку к трепещущему брюшку.

— Сударь, что вам угодно? — запальчиво спросил Марвин. — Извольте назвать ваше имя и причину столь бесцеремонного вторжения!

— И то и другое вы сейчас же узнаете, — ответил незнакомец, и в его шипящем голосе Марвин уловил угрожающую нотку. — Для того-то я и пришел в эти покои, чтобы воспользоваться законной привилегией и должным образом представиться юному другу моей жены. Меня зовут лорд Блэкамур.

— Жены? — растерянно переспросил Марвин.

— Эта дама, — заявил Блэкамур, — имеющая сомнительную привычку скрывать свою фами-

лию и титул, не кто иной, как благороднейшая Катарина д'Огюстин Блэкамур, обожаемая супруга вашего покорного слуги.

С этими словами Блэкамур сорвал с головы шляпу и отвесил глубокий поклон, после чего вернулся в самодовольную позу.

Марвин взглянул на Кэти, и слезы в ее глазах, содрогания ее брюшка подтвердили истинность услышанного. Кэти, любимая Кэти — жена Блэкамура, самого заклятого врага приверженцев д'Огюстина, ее родного отца!

Однако некогда разбираться с диковинными вычурами человеческих чувств. Разобраться сейчас надо с Блэкамуром, загадочным образом пробравшимся в замок своих противников и не выказывающим ни малейшей нервозности в ситуации, которую нельзя назвать иначе как смертельно опасной.

Из этого неизбежно следует, что ситуация вовсе не такова, как видится Марвину, и что нити судьбы сплелись в непостижимый клубок.

Блэкамур в Кастельгатте? Марвин прикинул, чем это чревато, и похолодел от ужаса, как будто мимо пролетел, задев его черным крылом, ангел смерти.

Да, в эту комнату и впрямь проникла погибель.

Вот только по чью душу она явилась?

Марвин боялся самого худшего. Но он собрал всю волю в кулак, превратил лицо в обсидиановую маску и бесстрашно взглянул в глаза мужу своей возлюбленной и пленителю ее отца.

Глава 29

Милорд Лэмпри ди Блэкамур молчал, застыв в непринужденной позе. При росте выше среднего он был худой как щепка, что подчеркивалось узкой, коротко подстриженной черной бородкой, длинными бакенбардами и прической «ежик» с челкой, которой было позволено ниспадать на чело смоляными змейками кудрей. Однако телесная худоба не вязалась с шириной плеч и мощной рукой фехтовальщика, что высовывалась из-под полуплаща. Он носил самые модные, самые франтовские пуанты и шоссы со вставками из македийского ажура, поддерживаемые лишь тремя рядами серебряной креповой тесьмы. Холодную красоту его лица портил только рубчатый шрам, протянувшийся от правого виска до левого угла рта; лорд нарочно красил его в кричаще-багровый цвет, что придавало зловещей абсурдности его сардоническим чертам.

— Мне кажется, — с манерной растяжкой заговорил Блэкамур, — что мы слишком уж долго разыгрываем этот фарс. Пора наступить развязке.

— Готов ли милорд начать третий акт? — с ледяной вежливостью осведомился Марвин.

— Каждый актер должен сказать свою реплику.

Блэкамур небрежно щелкнул пальцами, и в комнату вошли милорд Инглнук с месье Жюлем под конвоем взвода тюрингийских солдат с постными лицами, облаченных в неброские жилеты из буйволиной кожи, с киркомечами на изготовку.

— Что за нелепая буффонада? — осведомился Марвин.

— Объясни ему… братец, — ухмыльнулся Блэкамур.

— Да, это так, — заговорил мертвенно-бледный лорд Инглнук. — Мы с Блэкамуром единоутробные братья, наша мать — маркизита Розеата Тимонская, дочь курфюрста Брандейского и свояченица Силверблейна Меча-Бастарда, отца Эрикмаута Красная Рука. Ее первый муж, маркел Марке, приходился мне отцом, а после его безвременной кончины она вышла за Хантфорда, незаконнорожденного сына короля Клеве и претендента на феод Элеактик.

— Старомодные представления о чести заставили его прислушаться к моим доводам, и в итоге

он получил предложение, от которого не смог отказаться, — с усмешкой пояснил Блэкамур.

— Весьма странная ситуация, — задумчиво произнес Марвин, — когда человека бесчестит его честь.

Инглнук опустил голову и ничего не сказал.

— Что же до вас, миледи, — обратился Марвин к Катарине, — то я, хоть убейте, не возьму в толк, как вы могли выйти замуж за человека, пленившего вашего отца.

— Это крайне противоречивая и очень скверная история, — печально ответила Кэти. — Он добивался меня угрозами и безразличием; он давил на меня зловещей силой, которая есть только у него и которой никто не может противостоять. Паче того, он применил дьявольские снадобья, и двусмысленные слова, и искусные дурманящие пассы. Он помрачил мой рассудок и возбудил во мне неестественную страсть; я впадала в экстаз от прикосновений к его ненавистному телу, к этим мерзким губам. А поскольку в ту пору я отвергала помощь религии, как я могла отличить правду от морока, как я могла устоять?! Но это, конечно же, не служит мне оправданием.

У Марвина осталась последняя надежда, и он обратился к тому, кто ее олицетворял.

— Месье Жюль! — воскликнул Флинн. — Возложите длань на меч, и мы прорубим себе стезю к свободе!

Блэкамур сухо рассмеялся:

— Думаете, он на это пойдет? Ну, допустим. Но дельце, на которое вы его подбиваете, не проще пареной репы, уж поверьте.

Марвин впился взглядом в лицо друга и увидел стыд, что ранит глубже, чем сталь, и отравляет опасней, чем яд.

— Это правда, — молвил месье Жюль, стараясь сдерживать голос. — Я не в силах вам помочь, хотя из-за вашей беды у меня разрывается сердце.

— Что за дьявольскими чарами опутал вас Блэкамур?! — вскричал Марвин.

— К сожалению, мой добрый друг, — ответил несчастный Жюль, — это не чары, а всего лишь доводы, но они столь убедительны, столь логичны, что устоять перед ними невозможно. Это блистательное по замыслу и исполнению предприятие; в сравнении с ним самые грандиозные планы менее великих людей — всего лишь детские игры в песочнице… Известно ли вам, что я состою в тайной организации, в ордене Серых Рыцарей Святого Нисхождения?

— Нет, я не знал об этом, — сказал Марвин. —

Зато я знаю, что Серые Рыцари — друзья просвещения и поборники добродетели и что они рьяно противодействуют оппозиции королю, к каковой принадлежит д'Огюстин.

— Вы правы, вы совершенно правы, — пролепетал месье Жюль, и болезненную красоту его черт исказило страдание. — Я верил в дело Серых Рыцарей! Но в последний день прошлой недели узнал, что наш Великий магистр Гельвеций скоропостижно скончался…

— От порции стали в печенку, — уточнил Блэкамур.

— …и теперь я обязан подчиняться новому Великому магистру, подчиняться так же слепо и безоглядно, ибо клятву свою мы принесли не человеку, но ордену…

— И кто же этот магистр? — спросил Марвин.

— Не кто иной, как я! — воскликнул Блэкамур.

Только теперь Марвин заметил на его пальце массивный перстень со знакомой печаткой.

— Вот так все и вышло. — У Блэкамура скривилась в циничной ухмылке левая сторона рта. — Я унаследовал старинный орден — это орудие мне по руке, оно прекрасно послужит моим целям. Да-да, я теперь Великий магистр, единственный арбитр во всем, что касается управления и при-

нятия решений! Никому не подотчетный, кроме самого ада, и не внемлющий ничьим голосам, кроме того, что звучит из глубочайших недр моей души!

Надо отдать Блэкамуру должное, было в его облике и речи некоторое величие в тот момент. Лорд, при всей его жестокости и подлости, реакционности и самовлюбленности, любви к роскоши и равнодушии к чужим судьбам, был сильной личностью. И Марвин признал это, пусть и с неохотой, после чего, сурово сжав губы, повернулся к своему противнику.

— Итак, — заговорил Блэкмур, — главные герои теперь на сцене, и лишь одного действующего лица недостает, чтобы привести нашу драму к развязке. Оно здесь, последнее действующее лицо, за кулисами, смотрит, оставаясь невидимым; оно следит за развертыванием сюжета; оно ждет лишь условного знака, чтобы выйти к нам и обрести свой краткий миг славы. Но чу! Оно идет!

В коридоре загремели тяжелые шаги. Присутствующие ждали, слушали, тревожно переминались. Медленно отворилась дверь…

И вошел человек с маской на лице, от макушки и до пят укутанный в черное; на плече он нес громадный двусторонний топор. Вот он застыл

в проеме, будто сомневаясь, что ему здесь обрадуются…

— Добро пожаловать, палач, — протяжно рек Блэкамур. — Итак, все в сборе, и да разыграется финальная сцена сего фарса. Стражники, действуйте!

Солдаты двинулись вперед, грозно подняв киркомечи. Они схватили Марвина, повалили его на колени, наклонили ему голову, обнажив шею.

— Палач! — гаркнул Блэкамур. — Исполни свой долг!

Палач приблизился к Марвину, проверил пальцем остроту обоих лезвий. Занес орудие казни над головой жертвы, застыл в этой позе, а в следующий миг…

Закричала Кэти.

И бросилась к зловещей фигуре в маске, вцепилась в нее, отклонила тяжелый топор, и тот с грохотом высек из гранитного пола рой искр. Разгневанный палач оттолкнул девушку, но ее пальцы успели смять черный шелк.

Палач взревел от ужаса, ощутив, что его лицо больше не закрыто, и поспешил спрятать его в ладонях. Но все остальные участники разыгравшейся в подземных покоях драмы успели его разглядеть.

Не сразу Марвин смог поверить свидетельству своих чувств. Ибо лишившееся маски лицо показалось ему смутно знакомым. Где и когда он лицезрел эти обводы щек и лба, чуть скошенные карие глаза, твердый подбородок?

И тут он вспомнил: давным-давно все это представало перед ним в зеркале.

Палач носит лицо Марвина Флинна!

— Зе Краггаш! — сказал Марвин.

— К вашим услугам.

Похититель чужого тела издевательски поклонился и обратил к Марвину его собственное лицо.

Глава 30

Немую сцену нарушил лорд Блэкамур. Он сдернул с головы шляпу и парик, расслабил ворот и пробежался по шее ловкими пальцами, расстегнув невидимые застежки. А затем одним-единственным движением сорвал плотно прилегавшую маску.

— Детектив Эрдорф! — ахнул Марвин.

— Да, это я, — подтвердил марсианский сыщик. — Не обижайтесь, Марвин, что пришлось подвергнуть вас таким испытаниям. Просто не было лучшей возможности быстро довести расследование до успешного конца. Мы с коллегами решили…

— С коллегами? — перебил его Марвин.

— Виноват, забыл познакомить вас с ними, — лукаво ухмыльнулся детектив Эрдорф. — Марвин, позвольте представить вам лейтенанта Ори и сержанта Фрэффа.

Полицейские, изображавшие лорда Инглнука и месье Жюля, сбросили маскарадные костюмы и остались в мундирах Северо-Западной Галактической Межзвездной констебулярии. Дружески

улыбаясь, они пожали Марвину руку.

— А эти джентльмены, — указал Эрдорф на тюрингийских гвардейцев, — тоже оказали нам значительную помощь.

Гвардейцы сняли неброские жилеты из буйволиной кожи, под которыми носили оранжевую форму дорожной полиции Кассем-Сити.

Марвин повернулся к Кэти. Она уже успела приколоть к корсажу красно-синий значок специального агента Межпланетной ассоциации по надзору.

— Кажется… я понимаю, — пробормотал Марвин.

— Это и впрямь достаточно просто, — сказал детектив Эрдорф. — В следствии по вашему делу, как и в предыдущих случаях, мне оказывали содействие различные правоохранительные органы. Нам трижды удалось независимо друг от друга приблизиться вплотную к преступнику, но всякий раз он ускользал. Это могло бы продолжаться бесконечно, если бы мы не придумали наконец надежный план. Расчет был точен: сумей Краггаш вас уничтожить, он бы предъявил права на ваше тело, не опасаясь встречного иска. А пока вы живы, вы не оставите попыток найти похитителя. Вот и было решено вовлечь вас в

операцию. Мы надеялись, что Краггаш узнает об этом и не упустит возможности избавиться от помехи, а следовательно, угодит в расставленную ловушку. Все остальное вы уже знаете.

Повернувшись к разоблаченному лжепалачу, детектив Эрдорф спросил:

— Зе Краггаш, вы можете что-нибудь добавить?

Вор с лицом Марвина грациозно прислонился к стене, сложил руки на груди и застыл в позе абсолютной невозмутимости.

— Да, позволю себе парочку комментариев, — сказал Краггаш. — Во-первых, позвольте заметить, что ваш убогий план был шит белыми нитками. Я сразу заподозрил неладное, но, поскольку все-таки оставался мизерный шанс, что это не мистификация, я решил принять участие в игре. Поэтому сейчас нисколько не удивлен тем, что игра сложилась не в мою пользу.

— Любопытная логика, — сказал Эрдорф.

Краггаш пожал плечами:

— Во-вторых, хочу уверить вас, что не испытываю ни малейшего раскаяния по поводу совершенного мною так называемого преступления. Кто не способен удерживать под контролем собственное тело, вполне заслуживает того,

чтобы его лишиться. На моем долгом и богатом событиями веку я имел уйму возможностей убедиться, что человек с легкостью отдаст свое тело первому же прохвосту, который об этом попросит, а разум — первому же деспоту, который потребует подчинения. Вместо того чтобы дорожить своими естественными правами на разум и тело, абсолютное большинство людей предпочитает избавляться от этих обременительных символов свободы.

— Классическая апология преступления, — заметил детектив Эрдорф.

— Преступлением вы называете то, что совершается одиночкой, — возразил Краггаш. — А то, что совершается многими, вы называете законом. Лично я не вижу разницы, а потому отказываюсь жить по вашим правилам.

— Похоже, вы готовы хоть до скончания века стоять тут и жонглировать словами, — сказал сыщик, — но мне так развлекаться недосуг. Приберегите свои аргументы для тюремного капеллана, Краггаш. Я вас арестую за нелегальный Обмен Разумов, попытку убийства и мошенничество в крупном размере. Таким образом я раскрою сто пятьдесят девятое дело и разорву цепь неудач.

— Да неужели? — спросил Краггаш ледяным тоном. — С чего вы взяли, что это будет настолько просто? Почему не учли, что у лисицы может быть запасная нора?

— Взять его! — рявкнул Эрдорф.

К Краггашу устремились четверо полицейских. Но как ни быстро они двигались, преступник их опередил: он вскинул руки и описал ими в воздухе круг.

И этот круг вспыхнул!

Краггаш просунул в него ногу, и та исчезла.

— Если понадоблюсь, — проговорил он издевательским тоном, — вы знаете, где меня искать.

Когда полицейские были уже совсем рядом, от Краггаша оставалась только голова. Она подмигнула Марвину, а затем тоже скрылась в огненном кольце.

— За мной! — воскликнул Марвин. — Догоним его!

Он повернулся к Эрдорфу и с изумлением увидел, как тот побледнел и сник. Детектив признал свое поражение.

— Почему мы медлим?

— Бесполезно, — ответил Эрдорф. — Я-то думал, что предусмотрел все уловки до единой… но он меня перехитрил. Этот тип — сущий маньяк.

— Что же нам делать? — спросил Марвин.

— Тут уже ничего не сделаешь, — вздохнул Эрдорф. — Он сбежал в Кривомир, а я провалил сто пятьдесят девятое дело.

— Но что мешает нам последовать за ним? — спросил Марвин, направляясь к огненному кольцу.

— Нет! — отрезал Эрдорф. — Ни в коем случае! Вы не понимаете… В Кривомире можно найти только смерть или безумие… или и то и другое. Шансы пройти через него настолько малы…

— У меня точно такие же шансы, как у Краггаша! — отчеканил Марвин и вошел в круг.

— Подождите! — закричал вдогонку Эрдорф. — Вы же ничего не знаете о Кривомире! У Краггаша нет вообще никаких шансов!

Но его последних слов Марвин не услышал, поскольку уже исчез в огненном кольце, спеша попасть на таинственные неизученные просторы Кривомира.

Глава 31

Некоторые пояснения относительно Кривомира

…Таким образом уравнения Римана-Хейка наконец математически демонстрируют теоретическую необходимость постулированной Кривманом Пространственной Области Логических Деформаций. Область эта получила известность как Кривомир, хотя в ней нет ничего кривого, да это и не мир вовсе. Ну и оцените иронию: сверхважное третье Кривманово определение (о том, что Область можно считать специфической частью Вселенной, которая служит хаотическим противовесом логической стабильности первичной структуры реальности) было признано избыточным.

Из статьи «Кривомир»
в «Галактической энциклопедии универсального знания»,
издание 483-е

…А следовательно, термин «зеркальная деформация» несет в себе общее направление (если не реальное содержание) нашей мысли. Ведь действительно, как мы видим, Кривомир [sic]

выполняет работу (в равной мере необходимую и неприятную) по приведению всех сущностей и процессов в неопределимое состояние и таким образом делая существование Вселенной как теоретически, так и практически бесспорным.

Из «Размышлений математика» Эдгара Хоупа Грифа,

«Евклид-Сит фри пресс»

«…Тем не менее лицу, решившемуся на самоубийственное путешествие в Кривомир, можно предложить несколько умозрительных рекомендаций. Запомните: любые правила в Кривомире могут быть ложными, включая и правило, допускающее исключения, и эту поправку, исключения исключающую… ad infinitum[42]. Учтите также, что там нет ни одного правила, которое обязано быть ложным, включая вышеупомянутые правила, касающиеся исключений. Время в Кривомире не будет следовать вашим устойчивым представлениям о нем. События могут происходить стремительно (что кажется разумным) или замедленно (что лучше воспринимается чувствами) или вовсе не происходить (что просто возмутительно).

---

[42] Примечания: 42

И так до бесконечности *(лат.)*.

Существует вероятность, что в Кривомире с вами вообще ничего не случится. Но было бы неблагоразумно на это рассчитывать — и столь же неблагоразумно не быть к этому готовым.

Среди вероятностных реальностей, составляющих Кривомир, одна как две капли похожа на нашу, другая — на нашу, лишенную одной-единственной детали; третья — то же, что и у нас, минус две детали и так далее. С другой стороны, там можно найти реальность, отличающуюся от нашей во всем, кроме одного нюанса, или двух, или трех…

А потому всегда существует проблема прогнозирования: как угадать, в какой реальности вы очутились, прежде чем Кривомир откроет вам катастрофическую правду?

В Кривомире, как и в любом альтернативном мире, вы запросто можете повстречать самого себя. Но только здесь подобные встречи обычно заканчиваются трагически.

Зарубите себе на носу: в Кривомире до боли родное и знакомое обожает преподносить шокирующие сюрпризы.

Бытует общепринятое мнение (в корне ошибочное), что Кривомир — это своего рода майя, иллюзия. Может статься, окружающие вас фан-

томы окажутся реальными, в то время как вы и ваш познающий разум — иллюзорны. Такое открытие, при всей его унизительности, сделает вас просветленным.

Один мудрец сказал: „Что было бы, если бы я мог войти в Кривомир непредубежденным?“ Исчерпывающего ответа на этот вопрос не существует, но можно допустить, что некоторое предубеждение имелось бы у мудреца на выходе. Отсутствие мнения — это не броня.

Кое-кто считает, что высшее достижение интеллекта — открытие того факта, что все на свете можно вывернуть наизнанку и тем самым превратить в свою противоположность. Сей постулат позволяет играть в разные умные игры, но мы не считаем целесообразным применять его в Кривомире, где все концепции в равной степени спорны, включая концепцию о спорности концепций.

В общем, не надейтесь перехитрить Кривомир. Он больше и меньше, длиннее и короче, чем вы; он ничего не пытается доказать; он уже есть. То, что уже есть, не обязано ничего доказывать. Пусть этим занимается то, что пытается чем-то стать. Любое доказательство справедливо только для себя самого, оно ничего не дает, кроме

подтверждения принципиальной возможности существования доказательств — которые ничего не доказывают.

Все, что уже есть, невероятно — поскольку инородно, ненужно и опасно для рассудка.

Три комментария, касающиеся Кривомира, могут не иметь ничего общего с Кривомиром. Но теперь путешественник предупрежден.

Зе Краггаш, „Неумолимость обманчивого“. Из „Сборника памяти Марвина Флинна“»

Глава 32

Перемещение оказалось резким — и увиденное не вполне соответствовало ожиданиям Марвина. Ему доводилось слышать легенды о Кривомире, и он смутно представлял себе царство расплывчатых силуэтов и переливающихся красок, гротескное обиталище диковин и чудес. Но теперь вмиг понял, что в своих фантазиях был слишком романтичен и ограничен.

Он находился в небольшой приемной. Было душно; крепко пахло помтом. Марвин сидел на длинной деревянной скамье вместе с несколькими десятками других людей. Скучающий клерк прохаживался взад-вперед, заглядывал в свои бумаги и время от времени произносил чье-то имя; далее следовал негромкий разговор. Иногда кто-нибудь в очереди терял терпение и уходил. Иногда к ней присоединялся новичок.

Марвин ждал, наблюдал, клевал носом. Время текло медленно; наступили сумерки; кто-то включил верхний свет. Когда же наконец клерк позовет Флинна?

Слева сидел очень высокий, трупно-бледный

мужчина с багровым чирьем на шее — натерло воротником. Сосед справа был низок, толст и краснолиц, и каждый его вздох сопровождался свистом.

— Как думаете, долго еще? — спросил Марвин коротышку скорее в попытке скоротать время, чем в поисках знания.

— Долго еще? В смысле — долго еще ждать? — переспросил толстяк. — Чертовски долго, вот как долго. Тут, в Автомобильном бюро, их королевские величества торопиться не любят, и даже если тебе нужно всего лишь продлить водительские права, ты будешь сидеть на этой проклятой скамейке до скончания века.

Человек, похожий на мертвеца, рассмеялся, и это было похоже на стук палки по пустой бензиновой канистре.

— Малыш, ждать тебе придется до турецкой пасхи, — сказал он. — Ведь ты не где-нибудь, а в Департаменте социального обеспечения, в отделе мелких пособий.

Задумчиво сплюнув на пыльный пол, Марвин произнес:

— Джентльмены, мне кажется, вы оба заблуждаетесь. Мы сидим в Департаменте… точнее, в приемной Департамента рыбных ресурсов. И

если вас интересует мое мнение, то какое же это свинство, что гражданин и налогоплательщик не может половить рыбки в существующем на наши налоги водоеме, не прождав минимум полдня в очереди за лицензией.

Все трое хмуро переглянулись. (В Кривомире не водятся герои, и с перспективами там негусто, и точек зрения — по пальцам пересчитать, а уж выводов и вовсе кот наплакал.)

Так вот, они посмотрели друг на друга, и в этих взглядах не было особо диких подозрений. У джентльмена, похожего на покойника, из-под ногтей засочилась кровь. Марвин и толстяк смущенно потупились и притворились, будто не заметили. Кадаврообразный живо сунул руку, что соблазняла его[43], в карман непромокаемого плаща — к нему направлялся клерк.

— Кто из вас Джеймс Гриннелл Стармахер?

— Это я, — ответил Марвин. — И я, да будет вам известно, уже заждался; и я, да будет вам известно, считаю, что ваш Департамент работает крайне неэффективно.

— Ваша правда, — согласился клерк. — Это потому, что мы еще не получили офисную тех-

---

[43] Примечания: 43
Библеизм: Мф. 5: 29.

нику. — Он заглянул в бумаги. — Вы подавали заявку на труп?

— Совершенно верно.

— Тут указано, что труп не будет использоваться в безнравственных целях. Вы это подтверждаете?

— Подтверждаю.

— Прошу уточнить, для чего вам понадобилось мертвое тело.

— Исключительно в декоративных целях.

— Кто вы по профессии?

— Учился на оформителя помещений.

— Назовите имя или идентификационный номер последнего трупа, находившегося в вашем пользовании.

— Таракан, — ответил Марвин. — Из выводка 3/32/A45345.

— Кем умерщвлен?

— Мною. Имею лицензию на убийство всех живых существ, не принадлежащих к моему подвиду, за некоторыми исключениями, такими, например, как беркут и ламантин.

— С какой целью вами было совершено последнее убийство?

— Ритуальное очищение.

— Заявка будет удовлетворена, — сказал

клерк. — Выбирайте покойника.

Толстяк и долговязый смотрели на Марвина влажными от надежды глазами. Флинн с трудом переборол соблазн и обратился к клерку:

— Я выбрал вас.

— Так и запишем, — кивнул клерк, царапая на бумаге.

На месте его лица появилось лицо псевдо-Флинна. Марвин позаимствовал у тощего поперечную пилу и не без труда отделил правую руку клерка от туловища. Клерк скончался, не издав ни единого звука; при этом к нему вернулось прежнее лицо.

Видя замешательство Марвина, толстяк хохотнул.

— Малым пресуществлением можно многого достичь, — с ухмылкой сообщил он. — А что толку? Желание трансформирует плоть, но смерть — последний скульптор.

Марвин заплакал. Смертельно бледный джентльмен утешающе дотронулся до его руки:

— Не принимай так близко к сердцу, мальчик. Символическое возмездие всяко лучше, чем никакое. Твой план хорош, но у него есть явный изъян. Джеймс Гриннелл Стармахер — это я.

— А труп — это я, — сказал клерк. — Транспони-

рованное возмездие всяко лучше, чем никакое.

— Я сюда пришел, чтобы водительские права продлить, — сказал толстяк. — Черт бы вас всех побрал, утонченные интеллектуалы! Как насчет пустяковой услуги, а?

— Я бы с радостью, сэр, — отозвался труп клерка. — Но в таком состоянии могу вам выдать только лицензию на ловлю дохлой рыбы.

— Дохлая, живая — какая разница? — проворчал коротышка. — Рыбалка — это удовольствие! А улов не так уж и важен.

Он повернулся к Марвину, наверное рассчитывая на поддержку. Но Марвин направился к выходу и после невразумительного переноса очутился в квадратной комнате, просторной и пустой. Стены из стальных плит, до потолка добрая сотня футов. Рассеянное освещение, стеклянная кабинка с аппаратурой контроля. Через стекло на Флинна смотрел Краггаш.

— Эксперимент номер триста сорок два, — отчетливо проговорил Краггаш. — Тема — смерть. Подтема — можно ли убить человеческое существо? Примечание: вопрос о возможной смертности человеческих существ давно будоражит умы наших лучших мыслителей. На этой почве вырос обильный фольклор, и за минувшие века,

по непроверенным сообщениям, было совершено немало убийств. Кроме того, время от времени обнаруживались тела, безусловно мертвые, которые пытались выдать за человеческие останки. Несмотря на повсеместное распределение трупов, так и не удалось выявить причинной связи, которая бы доказала, что эти люди некогда были живы, не говоря уже о том, что они вообще были людьми. А потому с целью разобраться с этим вопросом раз и навсегда мы решили провести экспериментальное исследование. Итак, стадия номер один…

На стене откинулась стальная панель. Марвин резко повернулся на звук и успел заметить устремившееся к нему копье. Он неловко — мешала хромота — прянул в сторону и избежал удара.

Панели отскакивали одна за другой. Ножи, стрелы, дубины пытались достать Марвина со всех сторон, под самыми разными углами.

Из очередного отверстия выдвинулся генератор ядовитого газа. На пол свалился клубок кобр. В атаку ринулись лев и танк. Шипело духовое ружье, плюясь отравленными стрелами. Трещало энергетическое оружие. Кашляли огнеметы. Прочистил горло миномет. Вода затопила помещение и сразу ушла. С потолка полились горящие

нефтепродукты.

Но под огонь попал лев, успевший сожрать змей, которые перед тем закупорили гаубицы, что раскрошили копья, пробившие генератор газа, разложившего воду, от которой погас огонь.

Каким-то чудом Марвин не получил ни единой царапины.

Он погрозил Краггашу кулаком, поскользнулся на стальной половице, упал и сломал себе шею.

Марвин Флинн был удостоен воинских похорон со всеми полагающимися почестями. Вместе с ним на погребальном костре сгорела его вдова. Краггаш хотел к ним присоединиться, но получил отказ: сати — дело семейное.

Марвин пролежал мертвым три дня и три ночи, и у него постоянно текло из носа, и вся его жизнь, как замедленное кино, прошла перед глазами.

По истечении этого срока он восстал из могилы.

В месте, свойства которого не стоят даже упоминания, находилось пять объектов, обладавших ограниченной, но все же неоспоримой разумностью. И Марвин предположительно был одним из этих объектов. Остальные — всего лишь манекены, стереотипные персонажи, наспех созданные с единственной целью — украсить исходную

ситуацию.

Проблема перед ними стояла следующая: кто из пяти — Марвин, а кто — всего лишь рядовой актер второго положения.

Сразу встал вопрос терминологии. Трое немедленно пожелали именоваться Марвином, четвертый потребовал, чтобы его звали Эдгар Флойд Моррисон, а пятый удовлетворился титулом «рядовой актер второго положения».

Мириться с такой явной тенденциозностью было нельзя, поэтому четверо взяли себе номера от одного до четырех; пятый же упрямо требовал, чтобы его звали Келли.

— Ну сколько можно заниматься чепухой? — сказал Номер Один, успевший принять официальный тон. — Джентльмены, у нас же все-таки серьезное совещание.

— Здесь тебе еврейский акцент не поможет, — мрачно заявил Номер Три.

— Скажите на милость, — хмыкнул Номер Один, — что поляк может смыслить в еврейских акцентах? Между прочим, я еврей только по отцовской линии, и хотя считаю…

— Где моя находиться? — перебил его Номер Два. — Мадонна, что это быть? С тех пор, как моя покинуть Стэнхоуп…

— Заткнись, макаронник! — рявкнул Номер Четыре.

— Моя звать не Макаронник, мамочка дать моя имя Луиджи, — с южным темпераментом возразил Номер Два. — Моя жить два года в твоя великий страна, а раньше моя быть маленькая мальчик в деревня Сан-Минестроне-делла-Зуппа, *nicht wahr*?[44]

— Эй, приятель, — хмуро обратился к нему Номер Три, — ты не макаронник и не итальяшка, не даго и не воп[45]. Ты всего лишь второстепенный вспомогательный образ с ограниченной свободой действий, так что лучше тебе заткнуть пасть, не дожидаясь, когда я с этим помогу, *nicht wahr*?

— Вот что я вам скажу, — заговорил Номер Один. — Парень я простой, и вкусы у меня простые, и, если это поможет, я откажусь от моих прав на марвинство.

— Память, память… — бормотал Номер Два. — Что же это было со мной? Кто эти призраки, эти болтливые тени?

— Старик, что я слышу! — возмутился Келли. — Это очень дурной тон.

---

[44] Примечания: 44
Не так ли? *(нем.)*

[45] Примечания: 45
Даго и *воп* — презрительные прозвища итальянцев в США.

— В высшей степени непорядочно, — пробормотал Луиджи.

— Инвокация — это не конвокация, — добавил Номер Три.

— Но я правда не помню, — сказал Номер Два.

— У меня тоже нелады с памятью, — возразил Номер Один, — но я не делаю из мухи слона. Даже не утверждаю, будто я человек. Тот факт, что я наизусть знаю Третью книгу Моисееву, абсолютно ничего не доказывает.

— Вот уж точно! — с жаром поддержал его Луиджи. — И опровержение тоже не доказывает абсолютно ничего.

— Ты же у нас итальянец вроде? — спросил у него Келли.

— Итальянец, но вырос в Австралии. Это весьма странная история…

— Не страньше моей, — сказал Келли. — Меня ведь зовут Черным Ирландцем, прикинь. И очень немногим известно, что годы моего взросления прошли в Ханьчжоу, в борделе, и что я завербовался в канадскую армию, спасаясь от французов, когда они хотели упечь меня за помощь голлистам в Мавритании. Вот почему я…

– *Zut alors!*[46] — возопил Номер Четыре. — Больше не могу молчать! Подвергать сомнению мои личностные качества — еще куда ни шло, но порочить мою страну!

— Твое возмущение ничего не доказывает! — тоже перешел на крик Номер Три. — А впрочем, плевать, я ведь решил, что больше не буду Марвином.

— Пассивное сопротивление — это тоже агрессия, — упрекнул Номер Четыре.

— Неприемлемые доказательства — тоже доказательства, — парировал Номер Три.

— О чем вы говорите?! — вмешался Номер Два. — Не понятно же ни черта.

— Неученье — тьма! — прорычал Номер Четыре. — Категорически отказываюсь быть Марвином.

— Того, чего не имеешь, — не потерять[47], — поддел его Келли.

— Что хочу, то и теряю! — взъярился Номер Четыре. — Я и от испанского престола отрекаюсь, и не согласен быть диктатором Внутренней Галактики, и бахаистского спасения не приму!

---

[46] Примечания: 46
Черт возьми! *(фр.)*

[47] Примечания: 47
Цитата из Бориса Виана.

— Полегчало, дружок? — саркастически спросил Луиджи.

— Да… Ведь мочи не было терпеть, — ответил Номер Четыре. — Упростительство — это именно то, что нужно моей утонченной натуре.

— Кто из вас Келли? — спросил Номер Четыре.

— Я, — ответил Келли.

— А ты заметил, — спросил его Луиджи, — что имена здесь только у тебя и у меня?

— Точно! — воскликнул Келли. — Мы с тобой — особенные!

— Э, минуточку! — вмешался Номер Один.

— Время! Джентльмены, прошу не забывать: время убегает!

— Держи его за хвост!

— Держи фасон! В черном теле!

— Держи ухо востро! В ежовых рукавицах!

— Ну так вот! — сказал Луиджи. — Мы! Я и ты! Первые кандидаты от Предполагаемых Доказательств! Келли, ты можешь быть Марвином, если я — Зе Краггаш!

— Бинго! — вскричал Келли, заглушая протесты картонных персонажей.

Марвин и Зе Краггаш обменялись ухмылками. Затем кратковременная эйфория самоидентификации спала, и они вцепились друг другу в

глотку. Странгуляционная асфиксия не заставила себя ждать. Трое номерных, лишившихся своего неотъемлемого права, коим и не обладали, застыли в подобающих позах стилизованной неопределенности. Двое же литерных, никогда и не терявших, а теперь вновь обретших личность, рвали друг дружку в клочья, и перестреливались воинственными ариями, и залегали под опустошительными речитативами. Номер Один лицезрел это побоище, а когда надоело, решил поиграть в переход наплывом[48].

И ведь получилось. Все поле битвы заскользило прочь, как обмазанная жиром свинья на роликовых коньках по гладкому склону стеклянной горы, только куда быстрее.

День одержал верх над ночью, а ночь одержала верх над собой, выставив себя круглой дурой.

Платон написал: «Не то, что я делаю, а то, как я это делаю»[49]. Потом решил, что мир к этому еще не готов, и стер все до буквы.

Хаммурапи написал: «Неисследованная жизнь не стоит того, чтобы жить». И тоже стер, посколь-

---

[48] Примечания: 48

Смена одного монтажного кадра другим при помощи наплыва.

[49] Примечания: 49

Измененная строка из песни Эллы Фицджеральд «It's the Way That You Do It».

ку не был уверен в истинности этого изречения.

Гаутама Будда написал: «Брамины — вонючки». Но впоследствии пересмотрел свое мнение.

Природа не терпит пустоты, да и я ее не очень-то жалую. Марвиниссимо! Вот он грядет кошачьей поступью, гордо неся свою раздутую личность. Все люди смертны, поучает он нас, но некоторые смертнее других. Вот он играет на заднем дворе, лепит из грязи оценочные суждения. Непочтительнейшим образом становится собственным отцом. На той неделе пробудил своего Бога во всех трех ипостасях. Был пойман мною с поличным, когда ставил несанкционированные эксперименты над жизнью.

(А ведь я, друзья мои, частенько вас предупреждал насчет Протоплазмической Угрозы. Она расползается по небесам и застит звезды; она беззастенчиво цветет и пахнет; она оголяет планеты и гасит светила; она с дьявольским упорством разносит по Вселенной свою скверну.)

Вот он шествует, этот жалкий шарлатан в грязно-бежевой шкуре, чудовищный оптимист с приклеенной улыбкой. Вору: украдися сам! Убийце: убейся сам! Рыбаку: выудися сам! Крестьянину: пожнися сам!

А сейчас заслушаем отчет Специального Сле-

дователя.

— Благодарю вас… кхм… Следствием установлено, что Марвин — то одно, что нужно брать, когда предлагают не одно[50];

что звезды падали на Марвина Флинна;

что надобно восхвалять Господа и подносить Марвина Флинна[51].

Мне также удалось выявить следующие обстоятельства:

милый, раз уж ты встал, налей мне Марвина Флинна[52];

Марвин Флинн — это точно лучше, чем дорогостоящий спред[53];

обещай ей что угодно, но дари Марвина Флинна[54];

у вас есть друг, и этот друг — Марвин

---

[50] Примечания: 50

Обыгран рекламный слоган пива «Шефер».

[51] Примечания: 51

Обыграны названия джазовой композиции «Stars Fell on Alabama» («Звезды падали на Алабаму») и патриотической песни «Praise the Lord and Pass the Ammunition» («Восхваляйте Господа и подносите патроны»).

[52] Примечания: 52

В рекламном слогане заменено слово «Грантс», название виски.

[53] Примечания: 53

В телевизионной рекламе маргарина «Империэл» под «дорогостоящим спредом» подразумевалось сливочное масло.

[54] Примечания: 54
Дарить предлагалось духи «Арпеж».

Флинн[55];

пусть ваш Марвин гуляет по «Желтым страницам»[56];

пейте Марвина, который удовлетворяет[57];

почему бы не посетить воскресную мессу в выбранном вами Марвине Флинне? Ибо Марвин Флинн, который молится вместе, навеки остается вместе[58].

…сошлись в битве титанов, неизбежной уже в силу того, что она началась. Марвин ошеломил Краггаша могучим ударом в грудную кость, затем еще более сокрушительным ударом в носовую кость. Краггаш поспешил превратиться в Ирландию, куда Марвин вторгся полулегионом датских берсерков, чем вынудил супостата предпринять пешечный штурм на королевском фланге, не имевший ни единого шанса против низкого стрита.

---

[55] Примечания: 55

Изначально «Чейз», т. е. «Чейз-Манхэттен-банк».

[56] Примечания: 56

Изначально «Пусть ваши пальцы гуляют по „Желтым страницам“».

[57] Примечания: 57

Обыграна реклама ликера «Драмбуи», чье название в переводе с гэльского — «напиток, который удовлетворяет».

[58] Примечания: 58

Впервые религиозный лозунг «Семья, которая молится вместе, навеки остается вместе» прозвучал в 1947 году, в популярной нью-йоркской радиопередаче «Семейный театр».

Марвин попытался схватить неприятеля, но промахнулся и опустошил Атлантиду. Краггаш ответил бэкхендом и прихлопнул комара.

Смертельная схватка бушевала на парящих миоценовых топях. Под плач хоронивших свою матку термитов Краггаш кометой ринулся к Марвинову солнцу, но лишь разлетелся на бесчисленные агрессивные споры. Марвин же безошибочно нашел алмаз среди блестящих стекляшек. И Краггаш низринулся на Гибралтар.

Его бастион пал в ту ночь, когда Марвин похитил берберских обезьян. Ничего не оставалось Краггашу, как упаковаться в чемодан и пронестись над Южной Фракией. Перехватить его удалось на границе Фтистии, страны, наспех придуманной Марвином, что очень сильно повлияло на ход европейской истории. Слабея, Краггаш злился, а когда злился, слабел. В отчаянии он изобрел дьяволопоклонничество. Но ведь не кумиру поклонялись приверженцы марвинизма, а символу. Когда Краггаш бушевал, он становился гадок: под ногтями копилась грязь, на душе высыпали окустья ядовитого волоса.

И вот Зе Краггаш, олицетворение зла, лежит беспомощный, сжимая в когтях тело Марвина. От ритуалов экзорцизма его бьют смертные корчи.

Замаскированная под молитвенный барабан циркулярная пила расчленяет его; палица, камуфлированная под кадило, вышибает ему мозги. Ласковый старичок, преподобный Флинн, гнусит последнее напутствие: «И не обрящешь ты хлебушка к одной тефтельке»[59].

И погребли усопшего Краггаша в пещере, вырубленной в Краггаше живом, и высекли на обелиске надлежащее граффито, и обсадили могилу цветущим краггашем.

Тишина и благодать царят кругом. Слева роща краггашевых деревьев, справа нефтеперегонный завод. Тут пивная банка валяется, там порхает непарный шелкопряд. А чуть дальше Марвин открыл чемодан и извлек свое блудное тело. Пыль с него сдул, расчесал волосы. Вытер сопли, поправил галстук. И наконец с благоговейным трепетом надел.

---

[59] Примечания: 59

Переделанная строка из блюза «One Meat Ball» («Тефтелька»), исполнявшегося сестрами Эндрюс.

Глава 33

Вот так Марвин Флинн очутился на Земле и в своем собственном теле.

Он вернулся в родной Стэнхоуп и не обнаружил там перемен. Как и раньше, триста миль физического расстояния от Нью-Йорка и несколько столетий духовной и эмоциональной дистанции. Как и раньше, вокруг фруктовые сады и покатые зеленые луга с жующими траву буренками. Вечны и обсаженная вязами Мейн-стрит, и одинокий ночной стон реактивного самолета.

Никто не спросил у Флинна, где он пропадал. Билли Хейк, лучший друг, предположил, что Марвин махнул в какое-нибудь популярное у туристов местечко, в Синьцзян или там в Итурийский тропический лес.

Поначалу Марвина выводила из равновесия эта незыблемая стабильность, точно так же как прежде его сбивали с толку ментальная свистопляска Обмена и замороченные парадоксы Кривомира. Стабильность казалась экзотикой, и Флинн все ждал, когда она померкнет и рассеется.

Но такие места, как Стэнхоуп, не имеют свойства исчезать, подобно миражам, а в таких парнях, как Марвин, рано или поздно умирает стремление к переменам и высшим целям.

Одинокими ночами у себя в чердачной комнате Марвин часто предавался грезам о Кэти. По-прежнему трудно было думать о ней как о спецагенте Межпланетной ассоциации по надзору. А ведь была в ее манерах некая официальность, и нет-нет да мелькал в прекрасных глазах праведный блеск.

Марвин любил ее, но в душе понимал: уж лучше тосковать по ней, чем обладать ею. Сказать по правде, ему уже приглянулась — вернее, переприглянулась — Марша Бейкер, притворно-застенчивая и миловидная дочь Эдвина Марша Бейкера, первого торговца недвижимостью в городе.

И пускай Стэнхоуп не самый лучший из всех миров, он уж точно лучший из тех, которые довелось повидать Марвину. Здесь можно жить без опасения, что на тебя вдруг набросится та или иная вещь или что ты набросишься на нее. В Стэнхоупе исключены метафорические деформации. Корова тут выглядит точь-в-точь как корова, и если назвать ее не коровой, а как-нибудь иначе, это

будет недопустимой поэтической вольностью.

Хорошо тому, кто в своем дому, и с этим не поспоришь. Марвин включился в семейный бизнес; люди сентиментальные и умные скажут, что это вершина человеческой мудрости.

И только парочка мелких сомнений бросала тень на его житье. Первая — и главная — имела форму вопроса: каким образом он вернулся на Землю из Кривомира?

Марвин провел серьезное исследование на эту тему, не ожидая, что результаты окажутся такими зловещими. Стало ясно, что в Кривомире нет ничего невозможного, а значит, в нем возможно все. В Кривомире существует причинность, но там есть и беспричинность. Ничто не обязано быть; ничто не является необходимым. А потому вполне можно предположить, что Кривомир забросил Марвина обратно на Землю, продемонстрировав свою власть над Марвином путем отказа от власти над Марвином.

Не было явных оснований сомневаться в том, что именно это и произошло. Но ведь существовала и другая, менее приятная альтернатива.

В «Тезисах Дормана» она сформулирована так: «Среди вероятностных реальностей, составляющих Кривомир, одна как две капли похожа на

нашу, другая — на нашу, лишенную одной-единственной детали; третья — то же, что и у нас, минус две детали и так далее». Для Марвина это означало вероятность того, что он по-прежнему находится в Кривомире и что его новообретенная Земля — не более чем преходящая эманация, кратчайший миг порядка в фундаментальном хаосе, порядка, обреченного раствориться в исконной бессмысленности Кривомира. Но даже если и не растворишься, какая разница? Ведь не бывает ничего постоянного, кроме наших иллюзий.

Впрочем, кому понравится, если его иллюзии окажутся под угрозой? Марвину требовалась полная ясность.

Он на Земле или на копии Земли? Может, здесь обнаружится какая-нибудь существенная деталь, лишняя для оставленной им реальности? Или даже несколько таких деталей?

Марвин искал эту разницу — ради собственного рассудка, нуждавшегося в успокоении. Он изучил Стэнхоуп и его окрестности, проверил и перепроверил флору и фауну. Вроде ничего не упустил из виду. В семье тоже все оставалось по-прежнему: отец обихаживал свои крысиные стада, а мать терпеливо несла яйца.

Флинн отправился на север, посетил Бостон и Нью-Йорк, потом двинул на юг, где раскинулась огромная область Филадельфия — Лос-Анджелес. Там тоже не обнаружилось никаких отклонений. Марвин решил было пересечь континент по великой реке Делавэр и продолжить поиски в калифорнийских городах Скенектади, Милуоки и Шанхай. Но передумал, осознав, что нет смысла тратить жизнь на попытки выяснить, есть ли у тебя жизнь, которую можно тратить.

А кроме того, нельзя было исключать, что если Земля изменилась, то заодно изменились память и восприятие Марвина. В этом случае уж точно до истины не докопаться.

Лежа под таким родным, таким зеленым стэнхоупским небом, Марвин обдумывал эту гипотезу.

Гипотезу крайне сомнительную, с какой стороны ни посмотри. Разве гигантские дубы не мигрируют каждый год на юг? Разве громадное красное солнце не движется по небосклону, преследуемое своим темным напарником? Разве три луны не возвращаются каждый месяц с новой свитой из комет?

Привычные эти картины успокоили Марвина. Все так, как и должно быть. А потому он добровольно и даже с превеликой охотой принял свой

мир за чистую монету, взял в жены Маршу Бейкер и прожил долгий и счастливый век.